
Олег Рой
Заколдованный дуб
Книга вторая

Волшебный дуб, или Новые приключения Дори

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Рой. Волшебный дуб, или Новые приключения Дори. (книга вторая)
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Коварная ведьма побеждена, и в благословенную Кронию возвращаются мир и покой… правда, ненадолго. Ведь зло всегда готово пустить росток в сомневающемся и завистливом сердце, а значит, опять придется собираться на подвиг. Хотя как раз этого герою Кронии и не хочется больше всего.

Олег Рой
Волшебный дуб, или Новые приключения Дори
(книга вторая)

Глава первая

...в которой Крония живет так, как и положено уважающей себя волшебной стране, а Дори объясняют, что значит быть достойным правителем

Представьте себе игральную карту, на ней есть две картинки: первая и вторая, точно такая же, но перевернутая вверх тормашками. А теперь вообразите, что наш мир соединен с другим примерно так же, как картинки на игральной карте. Получится, что для нас все в другом мире будут ходить вниз головой, а для них — с точностью наоборот.

В каком-то отношении в противоположном нам мире все действительно перевернуто вверх тормашками. Многие вещи там такие же, как у нас. Есть взрослые, есть дети, есть дружба и любовь, небо там голубое, а трава — зеленая... В общем, кое-что просто один в один... Но живут там вовсе не люди, вроде нас с вами, а самые невероятные создания, о которых только в сказках рассказывают и в фентези-книжках пишут. Да и не всегда и не про всех.

В этом волшебном мире обитают русалки и гремлины, ведьмы и орки, гномы и драконы, тролли и нимфы, единороги пасутся на одних лужайках с пегасами, а бабочки с прелестными девичьими лицами летают наперегонки со стрекозами. Столько разных созданий здесь обитает, столько волшебных и удивительных существ, что, если нам перечислять всех, получится толстенная книга. А такие, к слову сказать, тут тоже имеются: огромные фолианты, в которых внимательные гоблинши ведут перечень жителей, отмечая, у кого с кем была свадьба и сколько у кого детей родилось. Чтобы, значит, во всем порядок был.

Магия для обитателей этого мира такая же обыденная вещь, как для нас газета или телевиденье… а кое-кому она вовсе необходима, как воздух или свет. Дарит волшебство всем жителям мира ОГРОМНЫЙ ДУБ, который за долгие-долгие тысячи лет своей жизни отрастил толстенный ствол и пышную крону. Хотя здесь, в сказочном мире, у всех деревьев густые кроны, редко когда встретишь чахлое деревце, ведь за каждым зорко следит своя дриада — милая девушка, зеленая с ног до головы, способная почувствовать все хвори растений еще до того, как они проявятся.

Возможно, именно потому волшебная страна и называется Кронией. А может, для того есть и другая причина, кто же точно скажет? Привыкли волшебные создания свой мир так называть и не задумываются как и почему.

Все жители Кронии делятся на лунных и солнечных, или же, как еще можно сказать про них, ночных и дневных. Первые бодрствуют в темное время суток, когда на небе сияет луна. Они ловят рыбу в реках и ручьях, добывают уголь и самоцветы в шахтах, куют плуги и молотки, собирают росу, наколдовывают туман и следят за тем, чтобы всходы на полях набирались сил. С рассветом лунные жители, сладко позевывая, укладываются спать, и просыпаются солнечные. У них тоже хватает дел, ведь надо обрабатывать поля, собирать фрукты в садах, сбивать молоко, строить дома и делать множество других полезных вещей трудиться вплоть до самого заката, когда приходит пора дневным отправляться спать.

Лунные и солнечные жители Кронии дружны, несмотря на то что их жизнь протекает в разное время суток. А как иначе? Ведь не будут же тролли с гномами только для себя добывать уголь и рубить дрова — им столько просто не нужно. А вот творог, который делают гремлины,

и ягоды, которые собирают эльфы, они очень и очень любят.

И у лунных, и у солнечных обитателей страны есть свои правители, которые решают, как вести дела Кронии. Когда в одиночку, а когда и сообща, если дело касается обоих народов. Так повелось, что у дневных правят мужчины, а у ночных — женщины. И тех, и других выбирают из представителей древнейших и почитаемых родов, а конкретно гремлинов — в случае солнечных жителей — и ведьм — в случае лунных.

Сейчас в Кронии солнечными жителями правит Эрген, старец-гремлин удивительной мудрости, отличающийся терпением и уравновешенностью, а лунными — не менее достойная уважения ведьма Тананна, и нет между ними никаких споров или непонимания. Но так было не всегда, в истории Кронии не обошлось и без темных страниц. Было время, когда предшественница Лунной Правительницы, ведьма Честинда, устроила настоящий хаос и, страшно сказать, даже спровоцировала войну среди обитателей волшебной Кронии. Справиться с ней удалось только объединенными силами солнечных и лунных народов, но все равно победа была не окончательной. Во время страшного сражения

воины не смогли заточить Цестинду в волшебный ларец, как это было задумано, и злодейка успела сбежать в другой мир, с которым Огромный Дуб соединен корнями. Да-да, именно как картинка на игральной карте. По ту сторону, уже в человеческом мире, где живем мы с вами, было отражение Огромного Дуба — его близнец, сухой, безжизненный на вид и недобрый по характеру.

Чтобы одержать победу раз и навсегда, следом за Цестиндой отправился сын правителя Эргена, маленький гремлин Дори. При помощи жителей нашего мира он смог одолеть ведьму и все-таки заточить ее в ларце, который и спрятали потом у самых корней близнеца Огромного Дуба.

Но время в Кронии идет иначе, да и в нашем мире оно не стоит на месте. Много позже ларец открыли, и Дори опять был вынужден спасать целых два мира от козней Цестинды. И на этот раз с ведьмой было на самом деле покончено[1].

Дори просто раздувался от гордости каждый раз, когда кто-то просил рассказать историю его величайшей победы. И вот тут начиналась речь, в которую день ото дня добавлялись все новые и новые подробности.

---

[1] Примечания: 1

О приключениях Дори и его борьбе с ведьмой Цестиндой рассказывается в первой части нашей истории.

— …была битва, — рассказывал Дори собравшимся вокруг него кузенам, кузинам, их друзьям и просто случайным жителям Кронии, которые пошли поглазеть на героя и послушать о его подвигах. — Мы сражались три дня и три ночи. Цестинда насылала на меня чудовищ. Огромных трех… нет, пяти… нет десятиглавых драконов!

— Таких не бывает, — пискнул было кто-то из младшеньких кузенов, потешный маленький рыжий гремлин.

Но старшие на него зашикали, а Дори так и замер с расставленными в стороны руками — это он изображал десятиглавого дракона и немного увлекся.

— Как это не бывает? — грозно спросил Дори, опуская руки и наступая на сжавшегося малыша. — Бывает! Ведь Цестинда оживляла все самые ужасные кошмары, которые можно придумать. Целые полчища монстров!

Малыш уже собирался устыдиться и заплакать, и Дори решил, что надо заканчивать со страшилками, а то, неровен час, распугает всех преданных слушателей.

— Но я победил, — закончил Дори, широко улыбаясь и косясь на старшую сестру маленького гремлина, которая как раз уперла руки в боки и

недобро посматривала на горе-рассказчика. — Эй, не плачь, я всех-всех победил!

— Правда? — спросил малыш. — А если ведьма вернется?

— Она не вернется, — заверил его Дори. — Но если в Кронии появится новое зло, я и с ним мигом расправлюсь! — похвастался он.

Дори сделал несколько замахов, изображая, как будет сражаться с неведомым злом, и собравшиеся одобрительно загудели.

— Дори герой! — крикнул кто-то, и нестройный хор голосов кузенов, кузин и их друзей его поддержал. — Храбрец и настоящий гений!

А Дори выпятил грудь и счастливо улыбнулся. Ему очень нравилось быть героем, хотя он и предпочитал, чтобы приключения остались позади. Потому что Дори никогда не хотел отправляться в мир людей и сражаться с Цестиндой. Он ведь боялся ведьмы и почти все время второго своего пребывания в мире людей просидел под крыльцом, дрожа от страха и холода. Нет-нет, что бы ни случилось — в мир людей Дори больше не пойдет…

Восторженные слушатели начали расходиться, болтая между собой, а Дори внезапно вспомнил, что вышел из дому, чтобы принести воды, но

остановился поговорить с одним из кузенов, потом пришел второй, третий, а затем он стал рассказывать о своих подвигах и совсем забыл о воде.

Когда Дори представил, как разозлится его отец, мудрейший Эрген, кисточка на пушистом хвосте задрожала. Гремлин поспешно подхватил ведро и опрометью кинулся к колодцу.

В Кронии все жили довольно просто, даже Солнечный Правитель не считал, что ему надо так уж сильно отличаться от прочих обитателей волшебной страны. Все равно всем поровну достанется солнца, воздуха и цветочного аромата. Так что и для его сына всегда находилась работа по дому и в саду, даже если бы сам Дори с бóльшим удовольствием лежал бы где-то в тенечке и слушал стрекот кузнечиков. Если раньше ему еще удавалось побездельничать, то теперь отец спуску не давал. «Ты будущий правитель, — говорил Эрген, — а значит, должен понять, что это такое трудиться. Прежде чем управлять другими, поработай-ка сам».

— Будто попроси я, никто нам воды не натаскает, — ворчал себе под нос Дори. — Но нет, вечно мне приходится… Можно подумать, во всей семье работать могу только я один! А разве я не заслу-

жил отдыха после всех-то подвигов?

Он крутил ворот колодца и бурчал, но понимал, что его возмущает вовсе не то, что приходится делать рутинную работу такое случалась в жизни юного гремлина и раньше, но никогда еще отец так настойчиво не повторял, что эта работа — ступень к будущему посту Солнечного Правителя. Дори всегда знал, что именно он наследник своего отца, но как-то никогда не задумывался об этом всерьез. Эрген был таким мудрым, спокойным и основательным, точно понимал что нужно делать, как разбираться со спорами между дневными жителями Кронии и какие решения принимать. Дори боялся, что сам он со всем этим не справится. И спокойнее от поучений отца не становилась, ведь Эрген только и делал, что говорил об ответственности, труде и благе всех жителей Кронии. Но он не объяснял, как справиться со страхом или как научиться принимать именно такие решения, которые нужно. И как быть мудрым и внимательным к мелочам, как определять, кто прав в споре, а кто нет. Ничему подобному он сына не учил…

— Ну почему всегда так сложно? — вздохнул Дори.

Гремлин отцепил поднятое из колодца ведро,

подхватил его за ручку и повернулся, чтобы направиться домой, но дорожку перегородил Эрген.

— Я уже несу воду! — поспешно сказал Дори. — Видишь, я тружусь, делаю полезную работу!

— Сынок, я не об этом хотел с тобой поговорить, — ответил правитель, и Дори судорожно сжал ручку ведра. — Я слышал краем уха, как ты беседовал со своими кузенами.

— Да… мы разговаривали, — согласился Дори.

Эрген кивнул и задумчиво потеребил окладистую белоснежную бороду.

— Я знаю, что ты выдумываешь новые детали своих подвигов. Ведь ты рассказывал о битве иначе, когда только вернулся в Кронию.

— Я не выдумываю, — тут же принялся возражать Дори, он поставил ведро на землю и продолжил после паузы: — Я просто, это… ли-те-ра-тур-но приукрашаю, вот.

По тому, как устало вздохнул Эрген, можно было понять, что объяснение его не очень-то устроило.

— Дори, как ты не понимаешь, все связано! Ты говоришь неправду, рассказываешь всем и каждому о своих поступках, но меняешь историю день ото дня, к тому же не можешь ответить за

свои слова ничем, кроме уверений, что это действительно случилось. Негоже правителю вести себя подобным образом.

Пока отец говорил, Дори рассматривал утоптанный гравий у себя под ногами. Юному гремлину было немножко стыдно, но он не понимал, что же такого плохого делает. Ну приукрашивает чуть-чуть, но ведь это действительно он победил Цестинду! Какая разница, сколько при этом голов было у драконов? И были ли вообще эти драконы на самом деле…

Наверное, Эрген мог бы еще долго говорить, каким надлежит быть настоящему Солнечному Правителю, но его прервали. Раздался громкий писк. С дерева спикировала крупная летучая мышь, она почти свалилась на плечо Эргена, ошалело щурясь и заслоняя крыльями глаза от солнца. Пусть день уже давно перевалил за половину, но для ночных обитателей все еще было рано просыпаться.

— Срочное сообщение для Солнечного Правителя, премудрого Эргена! — пискнула мышь. — От Лунной Правительницы, великолепной Тананны!

— В чем дело? — свел брови Эрген. — А ты стой здесь!

Последние слова были адресованы Дори, который собирался потихонечку ускользнуть, пока отец отвлекся на посланницу.

— Моя госпожа просит о встрече, — ответила мышь, подергивая крыльями и топчась на плече Эргена. — Дело особой важности, она сама так сказала! На закате в яблоневых садах. Что мне передать Лунной Правительнице? Вы согласны?

Эрген тяжело вздохнул: как и все из его рода, он не очень любил принимать решение впопыхах.

— Ну ладно уж, — согласился правитель, — коли дело действительно важное, то я приду.

Летучая мышь пискнула и взмыла в воздух, торопясь передать согласие Эргена Тананне и скрыться подальше от солнечного света.

Дори опять попытался улизнуть, но остановился, стоило отцу сурово на него глянуть.

— На встречу с Тананной ты пойдешь со мной, сынок, — сказал Эрген.

— Но зачем? Лунная Правительница хочет видеть только тебя!

Дори ухватился за свой хвост, чтобы не было видно, как дрожит его пушистая кисточка. С некоторых пор молодой гремлин недолюбливал и опасался ведьм во многом потому, что близко ему довелось познакомиться только с Цестин-

дой, и это знакомство получилось отнюдь не приятным. Дори знал, что в основном ведьмы не так и плохи: этой ночью, например, Тананна и остальные будут призывать дождь к яблоневым садам, чтобы полить деревья, изнемогающие от жары. Но спокойнее не становилось. А вдруг и нынешняя Лунная Правительница задумала что-то дурное? Вдруг решит отомстить за Цестинду ему, Дори, лично?

— Это не обсуждается! — заявил Эрген. — На закате ты пойдешь со мной в яблоневые сады и послушаешь, что хочет сказать Тананна. Именно так и должен поступить будущий Солнечный Правитель.

— Ладно, — со вздохом согласился Дори. — Как скажешь, отец.

А про себя подумал, что это несправедливо: ведь есть другие родственники, да и вообще в Кронии много гремлинов, которые с большей охотой занимались бы тем, чему Эрген старательно пытался научить Дори… А самое главное, у них ноги от одного вида ведьмы не подкашиваются и им не хочется бежать прочь сломя голову.

— Вот и отлично! — подытожил Эрген. — А теперь бери ведро и пошли.

Дори опять горестно вздохнул, он ведь так

надеялся, что отец забудет о воде, раз появился более важный повод для размышлений, но не тут-то было.

Сбежать из дома тоже не получилось. Для Дори моментально нашлось много всякой мелкой работы, вроде переборки малины или сортировки грибов, с чем он и провозился почти до самого заката. Обычно подобными делами занималась мама Дори, но сейчас она вместе с одной из своих сестер отправилась навестить дальних родственников, так что ее муж и сын остались на хозяйстве. Все дела были закончены аккурат к вечерней зорьке, после чего отец и сын отправились на место встречи.

По дороге Дори пытался убедить себя, что ничего страшного Тананна с ним не сделает, но получалось у него не очень-то хорошо.

Солнце уже почти закатилось, а вместе с ним отправились спать дневные жители Кронии. Сам Дори тоже то и дело позевывал, только страх перед ведьмой не давал ему начать клевать носом прямо на ходу.

Возле ворот, за которыми простирались огромные яблоневые сады, Эрген остановился и сурово оглянулся на сына.

— Постарайся произвести хорошее впечатле-

ние, — сказал он.

Дори спешно закивал и дернул хвостом, надеясь, что отцу вполне хватит подобных заверений. А то не замедлит последовать еще парочка поучений о том, каким надлежит быть Солнечному Правителю Кронии, какие поступки совершать и о чем вести беседы.

Искать ведьм долго не пришлось — они расположились среди самых старых яблонь, неподалеку от ворот, через которые прошли Дори и Эрген.

Пять женщин стояли вокруг костра, и Дори заметил, что огонь горит просто на земле, без дров, и не выходит за пределы невидимого круга. И даже не принимая во внимание синевато-зеленый цвет пламени, было понятно, что костер лунные колдуньи создали с помощью магии.

Стоило гремлинам выйти из-за деревьев, как все пять ведьм обернулись к ним, но от группы отделилась только одна, четверо других опять повернулись к костру.

— Весьма рада, что вы смогли почтить нас вашим присутствием, премудрый Эрген, — церемонно сказала ведьма, — а это, надо полагать, ваш храбрый сын Дори?

— Да, Тананна, это он, — с гордостью ответил Эрген.

Дори только и смог, что пискнуть: «Здрасьте».

Юный гремлин видел Лунную Правительницу Тананну и раньше, но никогда она не стояла так близко. Тананна была высокой и статной, она даже чуть-чуть присела, чтобы поменьше возвышаться над гремлинами. Как и все ведьмы, правительница регулярно пила омолаживающее зелье, оттого определить ее возраст на глаз не получилось бы, но седину у тех, кто колдует, заменяют фиолетовые пряди в волосах. А их в пышной темной шевелюре Тананны хватало. Глядя в лицо ведьмы, Дори признавал, что глаза у нее добрые и она вовсе не похожа на Цестинду. Лунная Правительница ласково улыбнулась юному гремлину и сказала:

— Очень рада, что вы пришли вместе, я просила о таком одолжении в своем послании, но кое-кто совершенно забыл про эту часть.

Тананна при этих словах посмотрела вверх, и Дори тоже задрал голову: над ними, вцепившись лапками в ветку яблони, висела та самая летучая мышь, что сообщила о встрече. Посланница сделала вид, будто спит и не слышит укоризненных слов.

— В чем дело, Тананна? — спросил Эрген. — Какие-то проблемы с дождем или облаками?

— Нет, что вы, с этим все в порядке, — Лунная Правительница поправила черное платье с кружевами, и Дори понял, что она немного нервничает, — Цестинда оставила после себя очень много своих артефактов и волшебных вещей. Она покидала этот мир мятежным духом. Никто из нас не хотел связываться с тем, чего коснулась ее отвратительная рука. Убежище, магическая крепость Цестинды, вместе со всем арсеналом злобной ведьмы, была опечатана сразу после битвы.

— Какая же в этом проблема? — спросил Эрген. — Пусть все так и остается.

Дори был вполне согласен с отцом, он сам ни за что не подошел бы к месту, где злобная ведьма собирала свои магические вещи.

Тананна вздохнула.

— Вчера ночью убежище пропало, подобные строения могут перемещаться сами… но мы не ожидали такого, — сказала она и зевнула, деликатно прикрывая рот рукой. — Прошу меня простить, я не спала весь день. Мы пытались отыскать его, но тщетно. Именно по этой причине прошу вашей помощи. В особенности — помощи героического Дори!

Юный гремлин, до того слушавший вполуха,

пискнул и чуть было не подпрыгнул.

— Я?! Но почему?! — воскликнул он. — Другим ведьмам лучше знать, где может находиться крепость Честинды! И как она вообще могла исчезнуть?!

— Она может выглядеть как угодно, — ответила Тананна, — потому нам необходима помощь. Ты победил Честинду и знаешь, как она мыслит, ты догадываешься о ее скрытых мотивах.

— Вот сейчас тебе и надо проявить ответственность! — серьезно сказал Эрген. — Помоги в поиске убежища Честинды и докажи, что действительно достоин своего имени и статуса будущего Солнечного Правителя!

— К тому же, — добавила Тананна с легкой улыбкой, — это даст повод всем жителям Кронии снова гордиться своим великим героем, победителем злой магии и темного чародейства.

Лунная Правительница и отец пристально смотрели на Дори, и гремлин сник под этими взглядами. Отказаться сейчас означало не просто нарваться на еще одно поучение — это грозило тем, что Эрген разочаруется в нем, а Тананна решит, будто Дори вовсе не такой герой, как о нем говорят. Потому юный гремлин, сглотнув, ответил:

— Хорошо, я сделаю все, что только смогу.

Убежище — это не живая ведьма, и в мир людей Дори снова не отправят. Значит, приключение почти безопасно. И Эрген потом будет горд… но на душе все равно стало как-то неспокойно, как Дори себя ни уговаривал. Он надеялся только, что убежище Цестинды отыщут раньше и без его помощи.

А тем временем далеко-далеко от яблоневых садов, где герой всей волшебной страны снова готовился встретиться лицом к лицу со своими страхами, в совершенно другом месте Кронии ворочался в своей кровати некий солнечный житель. Звали его Коми, и он приходился Дори кузеном по матери. На нашего героя он походил разве что тем, что тоже являлся гремлином, потому что все остальное в нем отличалось. Шерсть у Коми была светло-палевая, нос чуть сплющенным, не так сильно, как у других гремлинов, но достаточно заметно, чтобы можно было из-за этого переживать. Коми и переживал. Он частенько ворчал о своей внешности, о своих талантах и о том, что его не ценят.

Сегодня у Коми была причина для того, чтобы лишиться сна. В гости заглянули младшая сестренка и братик. И они принялись наперебой

рассказывать о великом герое Дори, который сражался с десятиглавыми драконами.

— Если ведьма вернется, то он ее победит! — заявил младший братик. — Он мне сам сказал!

Коми был в раздражении из-за этого. Он никогда не любил Дори, кузен казался ему задавакой, а потом этому гремлину поручили опасное, но важное задание… и даже не спросили, не хочет ли кто-то пойти добровольцем! А Коми пошел бы в мир людей, посмотрел, как они живут, ну и конечно же, победил бы ведьму. И еще принес бы какие-нибудь трофеи в Кронию.

Но Дори все испортил! Он стал самым любимым героем для всех жителей волшебной страны. И Коми казалось, что это очень несправедливо. Ведь Дори все и всегда давалось просто так, потому что он сын Эргена.

«Интересно, — думал Коми, ворочаясь под одеялом, — а если бы этому Дори пришлось воду таскать и дрова колоть? Наверняка бы помалкивал!» Уснуть никак не удавалось, и потому Коми размышлял о том, как его раздражает несносный кузен, рассказывающий о своих подвигах всем и каждому. Вон, и близкие уже втянулись. Сестренка и братишка ушли домой к отцу, а Коми так и не мог успокоиться. Ведь любой победит дракона,

если у него будет меч или секира, или еще что-то, главное — это арсенал. Против него не устоять даже самой ужасной ведьме!

Так и думал гремлин Коми в ту бессонную ночь. Гремлин страстно желал, чтобы у него появилось оружие, с которым он покажет Дори, кто тут настоящий герой.

Не знал Коми, что такие мысли опасны сами по себе и не знал, куда они его приведут…

Глава вторая

...в которой появляется завистливый колдун и находит наследие Цестинды, или, скорее, оно находит нового хозяина.

Коми, как мы помним, пребывал этой ночью в ужасном настроении. Так получилось, что он с детства знал Дори, как-никак они являлись кузенами, пусть и не самыми близкими: семьи у гремлинов большие, и малышня проводит много времени вместе. Коми плохо ладил с другими солнечными жителями, а когда был ребенком, часто ссорился с кузенами, кузинами и прочей родней из-за того, какой игрой заняться и того, кто будет водить. А с Дори, который всегда старался выбрать что-то вроде пряток, так тем более.

Коми всю жизнь хотелось, чтобы его слушались, но никто этого не делал, что ужасно обижало гремлина. И он становился все более угрюмым. Вот и сейчас Коми лежал под покрывалом с узором из кленовых листьев и думал о несправедливости мира.

Сон не приходил, и гремли поднялся с постели. Он решил, что прогулка на свежем воздухе по-

может уснуть. А там, кто знает, отыщется способ показать всем, что на месте Дори справился бы вообще любой гремлин. Может, когда все это поймут, то перестанут восторгаться Дори.

С таким настроением Коми и вышел из своей избушки, стоящей на опушке леса, в отдалении от домов других гремлинов. Вокруг нее росли сорняки, которые хозяин ленился вырвать, среди них виднелись чахлые кустики малины и ботва морковки. Ничего другого в огородике Коми просто не выживало.

В этом месте нам нужно сделать небольшое отступление и рассказать кое-что о магии. Дело в том, что волшебство — это эмоции, ощущения, надежды и страхи. Все, что мы чувствуем, является своего рода магией, а для жителей Кронии — тем более. Зло притягивается к плохим эмоциям, добро — к хорошим, оно усиливает эти чувства и отчасти питается ими. Цестинда была злобной ведьмой, любое ее колдовство, как и она сама, питалось темными проявлениями: ненавистью, завистью, жадностью, страхом… такими же были и ее артефакты. Еще о магии стоит сказать, что любой колдовской предмет, который существует достаточно долго или в него вкладывают много сил, обретает собственную жизнь. Так, ларец, в

который заключили Честинду, не зря казался Дори живым — он и был таким на самом деле. Магическая крепость злобной ведьмы, ее убежище, тоже обрело свой разум. Оно могло выглядеть как угодно: и как башня, и как землянка, и как обычный дом или просто камень; менять форму и размер, способно было перемещаться в любом направлении: просто исчезать в одном месте и появляться в другом. И убежищу Честинды не хватало хозяйки, когда ее ненависть перестала подпитывать его, оно начало голодать. Оно надеялось, что какая-то другая ведьма решит присвоить арсенал Честинды и войдет внутрь, позволив воспользоваться свожими глубинными желаниями и страхами, склонить себя к дурным эмоциям и помыслам. Но Тананна и совет ведьм приняли мудрое решение опечатать собственность злобной Честинды, понимая, что без поддержки негативными эмоциями убежище быстро станет не более чем просто домом, без чувств, разума и магических свойств. Но одного они не рассчитали: сил, которые Честинда вложила в свою крепость с самого начала. Именно этот запас позволил ее убежищу исчезнуть из-под надзора ведьм и отправиться в Кронию на поиски того, кто испытывает достаточно сильные

отрицательные эмоции и станет легкой мишенью, кого можно заставить воспользоваться арсеналом Цестинды и начать подкармливать ее убежище своими эмоциями и силами.

Стоит ли удивляться, что злость и зависть Коми привлекли к себе пристальное внимание?

Угрюмый гремлин бродил вокруг своей избушки и вполголоса ворчал о том, как ему надоело то, что удача улыбается кому-то другому, их все поддерживают, любят, ценят, а вот его, Коми, никто никогда не замечает. И тут он споткнулся о камень, который не заметил в темноте, и полетел вверх тормашками. Но вместо того, чтобы упасть в бурно разросшиеся вокруг избушки сорняки, Коми столкнулся с чем-то твердым, как камень, но теплым на ощупь.

— Что это? — пробормотал гремлин, когда чуть перевел дух после падения.

Поверхность слегка завибрировала. Коми вскочил и попятился. В свете полной луны гремлин увидел нечто, от чего его глаза расширились и стали похожи на блюдца: он стоял рядом с чем-то, похожим на огромную черную шляпку гриба. Внутри нее легко поместилась бы вся избушка Коми и осталось бы еще много свободного места. Определенно этой штуки здесь раньше не было.

«Не бойся меня, — раздалось в голове Коми, — я не причиню тебе вреда. Я здесь ради тебя и того, чтобы ты мог воплотить в жизнь все свои желания».

Коми подпрыгнул от неожиданности.

— Кто ты? — спросил он.

— Можешь называть меня Крепостью. Войди, я открою двери.

В поверхности «шляпки» появилась белая точка, которая начала быстро расширяться, пока не стала достаточного размера, чтобы через нее прошел гремлин.

Коми подобрался ближе, но остановился, не решаясь войти. Он ничего не видел за белым светом и был напуган происходящим. Не каждый день такое случается прямо на пороге собственного дома!

«Не бойся», — настойчиво повторил все тот же бесплотный голос в голове гремлина.

— Тебе легко говорить, а я вообще не понимаю, что ты такое, — возмутился Коми.

Ему показалось, что поверхность «шляпки» завибрировала сильнее, словно Крепость смеялась.

«Ты просил об удаче, а я и есть удача. Ты просил об арсенале, я — арсенал. Я то, что возвысит тебя

над другими и заставит прочих уважать тебя и склониться перед тобой. Иди ко мне».

Коми хотел было убежать в свою избушку, но обещание его заинтересовало. Ведь он сам просил, чтобы что-то с ним наконец случилось — и вот оно. Если сейчас струсить и убежать, то потом всю жизнь придется жалеть об упущенном шансе. Ведь ничего плохого не случится, если просто посмотреть, верно?

Коми зажмурился и шагнул в светящийся белым проход. Ему показалось, что он прошел через легкую сеть паутинки. Теперь не ощущалось дуновений прохладного ночного воздуха или едва слышного пения цикад. Вокруг стояла гробовая тишина. Коми приоткрыл глаза и, не обнаружив перед собой чудовищ, огляделся, силясь понять, где очутился.

Это была огромная круглая комната, заставленная стеллажами, на которых громоздились разнообразные странные вещи. Коми поежился, когда увидел несколько банок с заспиртованными животными; на множество черепов, которые принадлежали представителям разных народов Кронии, он и вовсе старался не смотреть. Здесь же, на полках, стояли книги — от совсем тоненьких, до толстенных фолиантов; рядами

выстраивались склянки с разноцветными жидкостями, располагались какие-то предметы, названий и назначения которых Коми не знал, отдельный стеллаж был отведен под коллекцию разнообразных песочных часов.

Свет внутри «шляпки» не был таким ярким, как гремлину показалось снаружи. Да, светло, но так бывало ранним утром, а при этом светильников нигде не обнаруживалось. За спиной Коми оставался круглый проход в ночь, но рассмотреть сквозь него что бы то ни было не получалось: воздух словно шел рябью.

— Что это за место? — спросил удивленный Коми.

«Я — Крепость, — последовал ответ, — хранилище магических знаний и убежище для таких, как ты. Тех, кто хочет заставить других уважать настоящих героев, а не самозванцев».

— Да, ты права! — радостно воскликнул Коми. — Я хочу, чтобы меня уважали!

«Как скажешь, — ответила Крепость, и Коми показалось, что она посмеивается, — я помогу тебе достичь того, что ты желаешь».

— Как?

«Я научу тебя магии. Ты сможешь преодолеть свою зависть, стать больше и сильнее. Это тебя

будут называть героем, а вовсе не твоего кузена Дори. Ведь это то, чего ты хочешь, верно, Коми?»

Гремлин кивнул. Он притопывал ногой, как всегда, когда о чем-то напряженно думал. Его немного пугали голос, говорящий прямо в его голове, и некоторые вещи, которые стояли на полках, ему не нравились, но Коми пришлись по душе слова о том, что все будут считать героем именно его, а не какого-то там Дори.

— Я могу стать колдуном? — спросил Коми.

«Да, можешь, к тому же одним из великих», — ответила Крепость.

Коми снова подпрыгнул, но теперь не от страха, а от радости.

— Всегда знал, что у меня есть волшебные силы! — с восторгом сказал он. — Именно так и должно быть. У меня множество талантов, которые никто не видит!

«Именно так, ты совершенно прав, — согласилась Крепость, — потому я и выбрала тебя, Коми, именно ты достоин того, чтобы завладеть всем, что я храню. Но это не все, что я хотела бы тебе поведать…»

— Что? О чем ты хочешь мне сказать?

Коми испугался, что сейчас Крепость передумает и исчезнет, оставив его ни с чем. Обычным,

заурядным гремлином, которым он был еще сегодня днем.

«Не все в Кронии согласятся со мной, Коми, — ответила Крепость, — они не подпустят тебя ко мне. Заберут все магические артефакты и присвоят их».

— Но ты же сама меня выбрала, — удивился Коми. — А это означает, что я лучший!

«Они не считают тебя достойным. У них ведь есть герой, есть их Дори».

Коми скривился: да, на роль владельца Крепости вполне могли выбрать именно его кузена. Ведь он такая важная шишка: и сын Солнечного Правителя, и героический спаситель Кронии — и плевать, что он так мало сделал для того, чтобы все это получить, и на то, что у Дори может не быть такого высокого магического потенциала, какой есть у Коми. Всем ведь нужен его кузен, все так его любят и им плевать на того, кто действительно заслуживает уважения.

Сам же Коми всегда верил, что способен на многое, и теперь Крепость это подтвердила. Она выбрала именно его, а не глупого Дори.

— Я им не дамся! — сказал Коми. — Обещаю тебе, нет, клянусь своими магическими силами, что мы найдем способ, как получить именно то,

что нам причитается. Ты можешь стать невидимой? Ну… не обижайся, но тебя очень заметно со стороны.

«Могу», — сказала Крепость.

Коми почувствовал, как она завибрировала. Банки на стеллаж слегка зазвенели, сталкиваясь, но через пару мгновений все завершилось.

— Получилось? — спросил Коми.

«Да. Теперь никто меня не увидит».

Коми решил проверить, так ли это, и выскочил наружу, он потратил некоторое время, привыкая к темноте, а потом понял, что Крепость не солгала: теперь ее действительно не было заметно. Можно было смотреть сквозь нее и видеть берег реки или лес, словно между ними находился только воздух. Коми оббежал Крепость вокруг, что заняло у него какое-то время и заставило немного запыхаться, а потом он протянул руку и коснулся стенки: он чувствовал ее слегка шершавую, теплую поверхность, но вот видеть — не видел.

— Получилось! — воскликнул Коми, а потом смущенно добавил: — Ой… а как я снова войду?

Он совершенно забыл, где именно были двери, которые Крепость ему открыла, и, на секунду, испугался, что там он и останется снаружи.

«Я подскажу. Двигайся правее», — последовал ответ.

Коми послушно сделал то, что сказала Крепость, не отнимая руки от ее поверхности, и очень скоро обнаружил вход.

— Я теперь настоящий колдун с настоящей магической крепостью! — сказал Коми, снова входя внутрь.

Странные приспособления на стеллажах его уже не пугали, как и черепа. Ведь это такая мелочь, когда он может, например, наслать проклятье на невыносимого Дори или сделать еще что-то столь же приятное.

— Это колдовские книги? — спросил Коми, указывая на полку, где стояли толстые истертые фолианты.

«Да. Возьми синюю, она как раз для начинающих вроде тебя», — ответила Крепость.

После этого Коми потянулся было за синей книгой, на которую указывала Крепость, но передумал в последнюю секунду и подхватил другую, с истрепанным коричневым переплетом.

— Я хозяин и я решаю, по какой книге буду учиться магии, — заявил Коми.

Крепость ничего на это не ответила, только слегка завибрировала, предвкушая интересное

зрелище. Колдовская книга, которую опрометчиво взял Коми, была одной из самых старых в библиотеке Честинды, и ведьма сама далеко не всегда решалась применять записанные там заклинания. Конечно, Коми об этом даже не догадывался.

Новый хозяин Крепости сел прямо на пол и принялся листать страницы древнего фолианта, то и дело нетерпеливо постукивая хвостом. Среди рецептов в книге он понимал не так много, но отступать было не в его характере. Уж если взял именно эту — будет накладывать заклинания отсюда.

Пришлось пролистать почти до середины, чтобы обнаружить нечто интересное лично для Коми. Он несколько раз перечитал абзац и только потом обратился к Крепости.

— Здесь написано, — осторожно начал Коми, — что для заклинания, создающего ужасные бородавки, мне понадобится только перо феникса и лягушачий экстракт, а еще желание наслать порчу и правильно произнесенные слова!

Крепость не ответила, но после этих слов на колени Коми упал мешочек, развязав который, он обнаружил целый ворох перьев феникса, теплых на ощупь и словно бы светящихся изнутри, а

следом за мешочком баночка с чем-то зеленовато-коричневым медленно проплыла по воздуху, чтобы приземлиться рядом с сидящим на полу гремлином.

— Это лягушачий экстракт? — спросил Коми, недоверчиво поглядывая на баночку.

«Да, — ответила Крепость, — если хочешь, я могу поведать, как его добывают из живых лягушек».

— Нет-нет, — быстро замахал руками Коми, — как-нибудь потом!

Он взял одно перо феникса, как было указано в книге, и капнул на него лягушачьим экстрактом, а потом попытался сосредоточиться на мыслях о Дори. Когда Коми показалось, что ему удается держать в голове именно кузена и никого другого, он стал произносить магические слова.

— Бородавикус, нованус, селито магиски. Болезникус кожинус! Быстрикус!

Коми показалось, что он на секунду ослеп, раздалось громогласное «бам» и он упал на спину. Лицо невыносимо жгло, а перед глазами мелькали разноцветные всполохи.

— Что случилось? — спросил Коми.

«Посмотри в зеркало», — посоветовала Крпепость, в ее словах чувствовался смех.

Коми открыл глаза и оглянулся в поисках зеркала. Оно было прислонено к одному из стеллажей: высоченное, как будто для огра, в золоченой резной раме. Коми подбежал к зеркалу и с ужасом уставился на отражение своего лица. Оно было покрыто огромными зелеными бородавками.

«Ты задумался не о Дори, а о себе, — потешалась Крепость, — и наслал проклятие сам на себя! Ха-ха-ха! Великий колдун!»

— Заткнись! — взвыл Коми. — Мне нужно попробовать другую магию! Что тут у тебя интересного есть?

Он отложил старый фолиант, из-за которого покрылся бородавками, и принялся перебирать другие книги на полке. На обложке одной значилось: «Как разрушить магию своих врагов». Коми сначала хотел ее отложить, так как знал, что его главный враг, Дори, не владеет колдовством, но потом вспомнил о том, про что услышал сестренки. Вроде как этой ночью ведьмы призывают дождь к яблоневым садам. Это означало, что можно попробовать разрушить, наример, их магию.

На самом деле Коми не интересовало, будет ли дождь или нет, но хотелось сделать хоть что-нибудь магическое, чтобы отыграться за бородавки и бессонную ночь.

«Не стоит привлекать к себе внимание», — внезапно обратилась к Коми Крепость.

— Ты читаешь мои мысль?

«Конечно. По-твоему, как мы с тобой общаемся?»

— Прекрати немедленно! — сказал Коми. — Мне это не нравится.

«Опасно привлекать к себе внимание! И опасно использовать такие заклинания без подготовки. Тебе надо начать с чего-то полегче. Может, попробуешь прогнать мышей или заставить вещи взлететь в воздух?»

— Колдун — это я, а не ты! — возмутился Коми. — И я буду решать, что именно мне делать и какое волшебство использовать! Я, а не ты, слышишь?!

Он открыл книгу, нашел нужную страницу и незамедлительно приступил к ритуалу. В книге говорилось, что для того, чтобы разрушить чужую магию дождя, нужно свободное пространство и погодный жезл, который был описан. Коми остановился и оглянулся в поисках коротенькой палки без узоров, но с красными и зелеными шелковыми кистями, привязанными к обоим ее концам. Жезл он заметил на одной из полок и, прихватив с собой, как и книгу, направился

наружу.

Гремлин просто кипел от злости: надо же, не прошло и дня, как даже магическая Крепость начала с ним спорить и давать указания. Она вела себя так, будто сама до этого не уговаривала его войти и воспользоваться всем колдовским арсеналом, которым он теперь и владел.

Коми снова чувствовал себя несправедливо обиженным. Даже его союзник, Крепость, и та пыталась отнять радость от наконец-то улыбнувшейся удачи.

Оказавшись на улице, гремлин понял, что поторопился: у него с собой не было ни фонаря, ни даже свечи. Он не мог разобрать ни словечка в книге, которую прихватил с собой. А это означало, что придется произносить заклинания по памяти. Можно, конечно, вернуться назад в Крепость и поискать что-то, что может дать ему свет, но Коми был очень обижен. Он решил, что и так хорошо помнит слова и прекрасно справится с колдовством. Ведь теперь-то он не бородавки насылает, значит, ничего страшного лично с ним не случится. Погода — это несерьезно, она и так меняется каждый день…

Книгу Коми положил у своих ног, а потом, как в ней говорилось, поднял жезл над головой и

присмотрелся к небу, где потихоньку собирались дождевые облака: ведьмы стягивали их к яблоневым садам.

— Сбиватос магио ведьмос! — крикнул Коми так громко, как только мог. Он надеялся, что произнесит правильные слова.

От раската грома, который незамедлительно последовал, гремлин вздрогнул и опустил жезл, а потом вспомнил, что в книге советовали не прерывать заклинание, и снова поднял его. Коми считал, что если все сделать достаточно быстро, разницы не будет, словно бы он и не ошибался.

— Погодус инфико модус! — прокричал Коми уже чуть тише, а потом понял, что следующее слово забыл: — Э-э-э… озверус?

Ветер усилился и закружил сухие листья, пыль и мусор. Начался дождь, который мгновенно перешел в ливень и вылился на голову горе-колдуну ничуть не хуже ушата холодной воды. Гром громыхал прямо над головой Коми, и небо то и дело расчерчивали всполохи молний, каждая из которых была все ближе и ближе к нему. Вот это действительно пугало.

— Что же я натворил? — прошептал гремлин.

Он схватил книгу, которая так и лежала у его ног, взял погодный жезл под мышку и бросился к

проходу в Крепость.

Ветер завывал, как живой и очень голодный зверь, он пытался закрутить и самого Коми, как будто тот был листиком или пылинкой, а дождь нещадно молотил по голове и спине, за его сплошной завесой не было видно даже избушки, не говоря уже о лесе.

Коми судорожно ощупывал невидимую поверхность Крепости и никак не мог найти прохода.

— Помоги мне! — воскликнул он. — Пусти, Крепость, я приказываю!

Ответа не было, а ветер только усиливался, что здорово пугало Коми. Того и гляди — поднимет его в воздух и выкинет где-нибудь в другой части Кронии.

— Извини, что не послушался! — закричал Коми, обращаясь к Крепости. — Ты была права, я взял не то заклинание. Впусти меня! Я же здесь умру!

Неожиданно Коми почти ввалился внутрь и оставил снаружи ливень и ураган, устроенные его магией.

«Обещаешь меня слушать всегда и во всем?» — спросила Крепость сурово.

— Да-да, конечно! — заверил ее Коми.

Он положил книгу и жезл на полку, а потом

стряхнул с себя капли дождя. Ему с одной стороны было страшно из-за того, что он устроил с погодой, а с другой Коми переполняла гордость. Ведь ему все-таки удалось сорвать ритуал ведьм и создать магию самому. Пусть его лицо в зеленых бородавках, но у него есть и волшебство, а это тоже неплохо.

С остальным же, как был полностью уверен Коми, ему поможет Крепость. И он действительно получит все, о чем только мечтал всю свою жизнь: уважение жителей Кронии и их восхищение его силами.

Коми уже вообразил, как становится Солнечным Правителем, и все население волшебной страны склоняются перед ним. Особенно несносный Дори.

«Зачем тебе править только солнечными? — спросила Крепость. — Ты можешь править и лунными тоже».

— Лунными? — удивился Коми. — Но как? Я же не ведьма!

«Ты один из самых сильных чародеев, какие живут в Кронии. И тебе не нужно себя ограничивать».

Эти слова заставили Коми широко улыбнуться. Да, он покажет им всем на что способен. И станет

править всей-всей волшебной страной. Именно это было тем, о чем гремлин мечтал всю жизнь.

Теперь Коми знал точно: он не просто заурядный гремлин, он — будущий владыка всей Кронии и никто в целом мире не сможет его остановить!

Глава третья

...в которой Дори встречает свою Настоящую Любовь и отправляется на поиски магической крепости.

Любой житель Кронии знает, что такое Настоящая Любовь, но рассказать толком о ней мало кто может. В волшебной стране Настоящая Любовь встречается значительно чаще, чем в нашем с вами мире потому, что в Кронии больше магии, и потому, что у необычайных созданий есть столетия и даже тысячелетия для поиска именно той самой, Настоящей. Но как следует, со всеми подробностями, рассказать, что она такое, вряд ли получится даже у самого мудрого и убеленного сединами старца Кронии. Любовь — она Любовь и есть, понятно становится, когда встречается в жизни.

Мама Дори когда-то описала сыну это чувство так: «Как будто целое солнце вспыхивает у тебя в сердце, когда ты видишь того, кого любишь». Она же предупредила, что Настоящую Любовь не пропустишь, уж если она появляется. Но иногда, как говорила мама, что-то мешает Любовь заметить,

и тогда могут пройти дни, годы и даже столетия, прежде чем пара, связанная узами Настоящей Любви, узнает это чувство. Когда Дори спросил, что же так вредно влияет, мама сделала очень загадочное лицо и ответила, что это то, что сыну придется понять самому, как только он станет достаточно взрослым.

Долгое время Дори и не думал о Настоящей Любви, все-таки он был довольно юным гремлином, а все знают, что из их народа мало кто женится до тех пор, пока жениху и невесте не будет по тысяче лет. Но этой ненастной ночью, прислушиваясь к раскатам грома, Дори сам не зная почему задумался о словах мамы.

«Хорошо бы, чтобы у меня в сердце вспыхнуло солнце, — думал он, — может, тогда бы я боялся поменьше». Наедине с собой, когда вокруг не было восторженных почитателей, Дори признавал, что он вовсе не смельчак и не герой. Это перед другими ему надо было держать лицо, а сам по себе он хорошо понимал, что быть храбрым довольно сложно и даже опасно.

Во время грозы, насланной Коми, Дори проснулся в тот час, когда все дневные жители Кронии еще должны были крепко спать. Не только он вскочил с постели, чтобы подбежать к окну и в

ужасе посмотреть на ветвистые молнии, рассекающие небосклон. Можно сказать, что никто в этой части волшебной Кронии вообще не спал во время ужасной грозы. Ну кроме парочки глухих леших — они все равно ничегошеньки не услышали и пропустили всю бурю.

Многие задавались вопросом что произошло, ведь известно, что такого кошмарного ненастья в это время года просто случиться не может. Дори было не так важно, почему ночью была гроза, его больше волновало, чтобы она не повторилась.

— Тананна сказала, что буря вызвана тем, что их ведьмовское заклинание нарушили, — объяснил Эрген за завтраком.

Правитель выходил на рассвете из дому, чтобы узнать, что же происходит на самом деле. Дори в это время сидел, укрывшись одеялом с головой, и мелко дрожал. И конечно же, ни за какие коврижки не вышел бы из дома во время грозы.

— Это дело ведьм, — сказал Дори в ответ на слова Эргена, — правда же?

— Боюсь, нет, сынок, — вздохнул его отец. — Это дело всей Кронии, Лунная Правительница считает, что наложить заклинание такой силы можно было только с помощью артефактов Цестинды из ее магической крепости. Именно потому нам

нужно ее найти! Твоя миссия очень важна.

Дори тяжело вздохнул и отодвинул тарелку с кабачковыми оладьями: он как-то сразу потерял всякий аппетит. Юный гремлин надеялся, что как-нибудь получится увильнуть от поисков магического арсенала злобной ведьмы, но теперь… теперь у него это так легко не выйдет. Быть героем, конечно, хорошо, но все отчего-то думают, что ты только и ждешь случая, чтобы снова совершить какой-то подвиг, даже если ты ну совсем этого не хочешь.

Дори предпочел бы укрыться одеялом, да так и сидеть целый день, пока что-нибудь само бы не решилось. Но Эрген недовольно хмурился, так что пришлось собираться в дорогу. Обед Дори на всякий случай собрал плотный. Может быть, даже аппетит вернется днем, на свежем воздухе. Юный гремлин чуть было не забыл амулет, который помог ему в борьбе с Цестиндой. Надев его на шею и собрав сумку с обедом, герой всея Кронии и победитель могущественной ведьмы, Дори Великолепный и Гениальный, вышел из дому.

— Но как искать что-то по всей волшебной стране? — спросил себя Дори. — Да к тому же такое, что может выглядеть как угодно?

Он снова тяжело вздохнул и побрел к воротам.

«Но это же хорошо, — понял вдруг Дори, — я могу просто пойти куда-нибудь и сделать вид, что ищу убежище Цестинды, а никто и проверить не сможет!».

План ему понравился и помог отчасти воспрянуть духом, но уже у ворот Дори понял, что так просто отвертеться от поисков у него не получится. Потому что его уже ждали.

У ворот топтались кузены и кузины гремлины, парочка эльфиек перешептывались между собой, то и дело широко зевала болотно-зеленая кикимора, грифон с черной гривой разминал крылья, а угрюмый кентавр делал вид, будто оказался здесь случайно.

— Вы ждете моего отца? — с надеждой поинтересовался Дори у разношерстной толпы.

— Нет, мы ждем тебя! — сказала одна их эльфиек и мотнула головой.

Ее многочисленные сережки и украшения в прическе мелодично зазвенели. Это словно послужило сигналом: все разом загалдели, убеждая Дори, что они готовы пойти вместе с ним искать убежище Цестинды, а потом рассказывать всем-всем историю о новой победе могучего героя Кронии.

Дори был ошарашен и молча слушал что ему

говорили.

— Что нам делать? — пробасил кентавр. — Расскажи уж, коли ты наш лидер.

«Да какой я лидер?» — захотелось спросить Дори. Но ответил он только:

— Э-э-э… делать что?

— Какие будут указания для поискового отряда? — подала голос кикимора.

— Мы слушаем тебя, Дори! — пискнул кто-то из кузенов. — Давай указания!

Они все сгрудились вокруг и ждали, что вот сейчас им скажут, куда идти и как искать убежище Цестинды, а сам Дори очень сильно захотел сбежать домой и все-таки накрыться с головой одеялом. Он понятия не имел, как искать магическую крепость злобной ведьмы! Гремлин вообще не собирался ее разыскивать, пусть этим занимается Тананна и остальные, у кого есть волшебные силы.

Неожиданно из толпы гремлинов раздался высокий звонкий голос.

— Я думаю, нам надо разделиться на группы и начать почесывать территорию, верно?

Все повернулись к тому, кто заговорил, и даже Дори перестал вжиматься спиной в ворота, а сделал шаг вперед. Звонкий голос принадлежал

молоденькой гремлинше. Дори показалось, что она немного младше него самого, а может и одного возраста, у нее были блестящие карие глаза, черная как уголь шерстка и аккуратный темный носик. Гремлинша очень внимательно и серьезно смотрела на собравшихся.

— Да-да, ты это хорошо придумала, — сказал Дори и почувствовал себя смущенным, — я сам как раз собирался предложить подобный вариант, но ты успела быстрее. Кстати, а как тебя зовут? Мы никогда не встречались.

Когда Дори смотрел на нее, казалось, что он когда-то видел ее в очень счастливом сне. Странное это было чувство, будто мурашки от кончика хвоста и до самых ушей бегают.

— Лори, — ответила серьезная гремлинша, — меня зовут Лори. Я недавно живу в этой части Кронии.

— Я могу все тебе здесь показать! — незамедлительно вызвался Дори, ему показалось вполне естественным и очень вежливым предложить это Лори, а заодно привлечь ее внимание к своей героической истории.

— Поиски убежища Цестинды важнее, — снова очень-очень серьезно ответила Лори.

Дори снова смутился, но незнакомая гремлин-

ша была права, а выглядеть рядом с ней глупым ну совсем не хотелось.

— Да, точно, — сказал Дори, — давайте разделимся на группы и начнем… начнем… откуда нам лучше начать, Лори?

— От яблоневых садов, конечно! — ответила она, не задумываясь.

Дори важно закивал, размышляя, что и сам мог бы выдвинуть такое предложение. Понятно, что начать поиски нужно оттуда, где прервали колдовство ведьм.

— Да, это отличная идея, я тоже так и думал, — не растерялся он, — давайте делиться по двое, тогда групп будет больше и мы… мы успеем все осмотреть быстрее.

— Отличная идея, — кивнула Лори, — я буду в группе с…

— …Со мной! — перебил ее Дори, а потом указал на другую кузину: — Ты вот с ним, вы двое вместе, а вы…

Он не слишком обращал внимание на то, кого с кем ставит, но никто из объявившихся помощников в поисках магической крепости не торопился спорить. Они только согласно кивали и иногда перешептывались между собой.

— Теперь идем к садам! — скомандовал Дори. —

А уже там что-то придумаем.

— Веером разойдемся, — подсказала Лори. — Пусть каждая группа выберет направление и держится его. И надо решить, как будем передавать сигналы друг другу, если заметим что-то подозрительное.

При ее последних словах все снова посмотрели на Дори. Тот почесал в затылке. Он сразу захотел сказать, что надо всем к обеду вернуться назад к яблоневым садам, но представил, как будет ходить туда-сюда и все пешком, да ноги у него сразу заныли, предчувствуя слишком большое напряжение.

— Можно попросить кого-то сообщения носить… птиц, например, — наобум предположил Дори.

— Гениально! — одна из эльфиек, смуглая, с волосами оливкового цвета, в которых было множество подвесок в форме зверушек, хлопнула в ладоши. — Я это могу. Я умею разговаривать с птицами, говорила же тебе, Лори!

— Да, Фрезия, — нехотя согласилась Лори. — А я возражала, что у твоих птичек память короткая, так что они все сразу же забудут.

— А что думает Дори? — пробасил кентавр. — Он же ведет нас и он наш герой. Наш лидер.

Дори посмотрел сначала на недовольную Лори, которая сложила руки на груди, потом на оживленную Фрезию, что чуть ли не приплясывала на месте. Он сейчас главный, и ему лучше знать, как поступить.

— Попроси птиц, — принял решение Дори.

Эльфийка радостно улыбнулась и достала из кармана крошечную дудочку с мелким-мелким орнаментом. Стоило Фрезии подуть в нее, как птицы с ближайших деревьев и из ближайших кустов начали слетать к ней и носиться, оживленно чирикая. Лори закатила глаза, но промолчала, только раз недовольно глянув на Дори. Фрезия тоже принялась чирикать, и скоро все пичужки разлетелись.

— Готово! — сообщила эльфийка. — Как только кто-то что-то заметит — пусть громко свистнет, и все очень быстро узнают об этом от наших замечательных пернатых друзей.

— Спасибо, ты очень помогла, — ответил ей Дори, Фрезия от его похвалы чуть было не начала опять приплясывать.

А Лори снова тяжело вздохнула, и то, что гремлинша была недовольна, значительно больше расстроило Дори, чем то, что Фрезия обрадовалась. В то же время весь остальной отряд встретил

его решение молчаливым одобрением. Все уже разбились на группы и на некотором отдалении друг от друга направились к яблоневым садам, то и дело переговариваясь и посмеиваясь над какими-то своими шутками.

Когда Дори с Лори шли бок о бок, наш герой внезапно понял, что за странную неловкость чувствует по отношению к своей спутнице. Это было так неожиданно, что даже заставило споткнуться.

— Осторожнее! — воскликнула Лори и подхватила Дори за руку.

Мама была неправа, когда говорила о солнце в сердце, это больше напоминало вспышку молнии и раскаты грома. Как во время ночной грозы, но приятнее, ближе и как-то роднее. Дори смотрел на Лори и чувствовал, что именно она — это его Настоящая Любовь и больше такой не найти нигде в Кронии, но вот понимает ли то же самое и она сама? Пока что Лори смотрела на Дори недовольно насупившись, а ее хвост яростно метался из стороны в сторону.

— Я в порядке! — сказал Дори и приосанился. — Просто проверял твою реакцию.

Лори хмыкнула и открыла рот, собираясь что-то сказать, но к ним подбежал еще один гремлин.

— Извини, что отвлекаю, о великий Дори, но Коми нигде нет.

Дори недоуменно уставился на одного из своих родственников. Тот был невысоким даже для гремлина, с кудрявой серой шерстью и чуть рассеянным видом, будто бы только поднялся с кровати.

— А кто такой Коми? — спросил Дори очень осторожно, он не хотел признавать, не помнил имен всех своих многочисленных кузенов.

Дори рос один в семье, однако обычно у гремлинов меньше трех-четырех братиков и сестричек не встречалось, потому у великого героя Кронии и насчитывалось так много разнообразнейшей родни.

— Ну кузен Коми. Угрюмый такой, — объяснил родственник. — Вечно бурчит о том о сем… живет на отшибе.

— Да, точно, помню его, — ответил Дори. — А что с ним?

— Не пришел, — родственник почесал в затылке, — я тут это… попросил Фрезию послать туда ее птиц. Они ответили, что Коми и дома нет, а сюда он и не пришел.

— Может, пусть передадут, чтобы ждал у садов? — предложил Дори, он снова заметил хму-

рый вид Лори и добавил уже более уверенным тоном: — Да, так и сделай. Пусть Фрезия попросит птицу найти кузена Коми и сообщит ему, чтобы он направлялся к яблоневым садам помогать в поисках убежища Честинды и спасении Кронии!

Гремлин кивнул и умчался в направлении Фрезии, которая попала в одну группу с кентавром.

— А ты не подумал, что Коми не знает языка птиц? — спросила Лори.

Дори прикусил губу: об этом он как-то не подумал.

— Неважно, — сказал он и постарался напустить на себя героический вид. — Ведь убежище злостной Честинды уже ищу я. Этого должно хватить с избытком!

Лори остановилась и заступила Дори дорогу. Они почти дошли до яблоневых садов: стоило только перейти мостик через узкий, но быстрый ручей, и вот уже всего ничего оставалось до ворот.

— Посмотри вокруг! — воскликнула Лори, растопырив руки.

Дори послушно оглянулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Разве ты не видишь?

Дори посмотрел внимательнее. Повсюду были

заметны последствия ночной бури: грязь чавкала под ногами, глубокие лужи разбросаны там и сям, кое-где вывернутые или сломанные деревья, мельница, стоящая ниже по реке, осталась без одной из стен, и ее колесо не крутилось, а просто замерло в воде. Все это и многое другое Дори, конечно, замечал по пути, но его значительно больше волновало то, что говорить поисковому отряду и то, как на него реагирует Лори. Понятное дело, что буря не прошла бесследно, но почему это важно?

Другие группы уже переправлялись через ручей, кто по мостику, а кто просто перепрыгивал. Кузены и кузины оглядывались на Лори с Дори, некоторые даже подошли поближе, прислушиваясь к их беседе. И то, что они стояли, ожидая каких-то героических деяний, заставило Дори снова приосаниться и спросить:

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что ураган принес много вреда! Вот что я хочу сказать! — воскликнула Лори, она опустила руки и тут же уперла их в боки. — Ты же ведешь себя так, будто вообще ничего не случилось! Будто все поиски — это какая-то ерундовина!

— Нет такого слова «ерундовина», — возмутился Дори.

— Но именно так ты и думаешь! Ты что, не понимаешь, что крепость и магический арсенал Цестинды надо найти как можно быстрее?

Ее злые слова заставили Дори аж задохнуться от возмущения. Особенно если не забывать, что они были несправедливыми. Он вовсе не думал, что поиски бесполезны, он хотел, чтобы они не принесли результата, ведь тогда не придется разбираться с последствиями и иметь дело с убежищем злой ведьмы и целым арсеналом ее магических вещей.

— Поиски крепости Цестинды очень важны! — объявил Дори. — Ведь это именно я победил ее. Цестинду, не крепость, не подумай. Мы сражались с ведьмой день и ночь, она насылала на меня чудовищных монстров, и только храбрость и ум помогали мне их побороть.

Кузены и кузины подошли поближе: им никогда не надоедало слушать о подвигах Дори, но Лори не выглядела слишком уж впечатленной.

— Что было, то прошло, — бросила она, — сейчас у нас сложная и невероятно важная миссия. Кронию уже страдает от действий магической крепости, мы должны что-то сделать.

— Да, именно потому командует наш великий Дори, — крикнул кто-то из родни, — у него есть

опыт.

Это высказывание поддержал согласный гул. Тем временем уже добравшиеся до яблоневых садов эльфийки, кикимора, кентавр и грифон, поняли, что гремлины не торопятся, и вернулись назад.

Они снова перебрались через ручеек и столпились вокруг Дори.

— Ну вот. Командуй, — сказал кентавр.

— Так это… — Дори набрал воздуха и продолжил: — Давайте, расходимся, и не забудьте свиснуть, если увидите что-то необычное!

Юный гремлин с удивлением наблюдал за тем, как поисковые команды выполняли то, что он им сказал. Кузены и кузины гремлины, которые были старше него, эльфийки, кикимора и даже грифон с кентавром не оспорили ни однин его приказ. Это было непривычно и довольно жутко, а вдруг он скажет им что-то не то, и все закончится плохо просто потому, что они ему доверились?

Лори стояла рядом с Дори и недовольно хмурилась. Она вообще все время казалась недовольной, и очень хотелось хоть раз увидеть ее улыбку.

— Идем? — спросил Дори.

— Ты думаешь, что это правда что-то даст? — кисло спросила Лори. — Сейчас же все разбредутся и никакой пользы.

Дори вздохнул и прислонился к ближайшему валуну. Остальные поисковые отряды неспешно шли вперед, так что пока можно было постоять и не думать о том, как кем-то командовать.

— Почему ты такая недовольная? — спросил Дори. — Что-то плохое для тебя случилось во время бури?

Лори пожала плечами и дернула хвостом.

— Работа моих родителей связана с предсказанием погодной магии, — сказала она. — Из-за этой грозы — все насмарку. Никаким показаниям верить нельзя, потому что магия сбилась. Я расстроена из-за них.

— Ну-у-у, — протянул Дори. — Это правда грустно. Но ведь они смогут с этим справиться, да?

— Конечно, смогут!

Лори опустила голову и принялась теребить кисточку на хвосте, как делал, когда расстраивался или смущался, и сам Дори.

— Знаешь… извини за грубость. Я просто волнуюсь.

Она сказала это и улыбнулась. Дори захотелось подпрыгнуть от радости, ведь его Настоящая

Любовь больше не хмурится! Это ли не повод для веселья? С каждой минутой юный гремлин все больше и больше верил, что именно Лори — это та самая, единственная Любовь, что может быть в его жизни. Важная-важная и красивая-красивая.

— А что это с ним? — неожиданно спросила Лори, указывая на медальон Дори. — Он светится?

— О, это необычный медальон! Он магический, — обрадовано сообщил Дори и открыл медальон, — смотри, тут есть игры и много-много интересных штучек. Например, с его помощью я в прошлый раз научил говорить тех, кто от природы этого не умел этого делать, и еще всегда знал, где находится ведьма. Вот ведьмометр, он указывает на место ее нахождения.

Дори показывал функции Лори, которая восторженно присматривалась к медальону.

— А на что он указывает сейчас? — спросила гремлинша. — Ведьмы же нет.

— Ведьмы нет… — начал Дори, а потом вытаращил глаза на медальон. — Ее магия осталась, Лори!

— Ох, а ведь теперь мы и в самом деле можем найти убежище Цестинды! С помощью твоего медальона, — обрадовалась Лори. — Так чего же мы ждем?

Она схватила Дори за руку и потащила юного гремлина в сторону, которую указывал медальон, с пугающим упрямством, и сопротивляться ей не получалось. Дори боялся и того, что они все-таки найдут крепость Цестинды, и того, что его страх заметит Лори. Но если у них получится, то он сможет убедить самую красивую и лучшую гремлиншу в Кронии, что действительно невероятно смел и готов к подвигам. Чего только не сделаешь ради Настоящей Любви, если уж ее встретил…

Сумка с обедом била по боку Дори, пока они с Лори бежали туда, куда указывал ведьмометр.

«Как же плохо быть героем, — думал на бегу Дори, стараясь не спотыкаться о кочки, — все ждут от тебя подвигов, а иначе даже Настоящая Любовь тебя не заметит».

Глава четвертая

...в которой Коми учится магии, а Крепость принимает решение покинуть Кронию и отправиться в другой мир.

— Это все Дори виноват, — бормотал Коми, глядя на отражение своего бородавчатого лица, — если бы не он, то я бы... я бы...

Закричав от ярости, гремлин бросил зеркало на пол. Осколки разлетелись во все стороны, и только чудом ни один из них не поранил самого Коми.

«Вовсе не обязательно портить вещи», — сказала Крепость, ее голос казался недовольным.

— А что ты мне предлагаешь? — взвился Коми. — На кого я теперь похож? Даже родная сестренка меня возненавидит, как только увидит все эти мерзкие бородавки!

Крепость ответила не сразу, будто обдумывала то, что хочет сказать.

«Есть способ сменить внешность».

— Да? Это хорошо. Что нужно сделать?

Коми еще не успел договорить, как на полу появились светящиеся отпечатки ног.

«Идем, — сказала Крепость, — я проведу тебя к тому, что поможет тебе».

Коми прошел по отпечаткам к стеллажу, в котором было множество масок. Они изображали разнообразные народы Кронии. Мордочки гремлинов и гоблинов, бородатые лица гномов и кентавров, жутковатые рыла троллей и орков — все эти маски были сделаны так искусно, что казалось, будто вот-вот оживут.

«Надень любую, — сказала Крепость, — и ты обретешь чужую личину и будешь выглядеть совсем по-другому».

Коми открыл стеллаж и вытащил ближайшую маску, которая изображала тролля. Стоило надеть ее, как по телу прошла судорога, и все вокруг потемнело. А когда Коми открыл глаза, то с ужасом уставился на свои огромные ручищи, которые сжимали маску гремлина, что выглядела точнехонько, как лицо самого Коми.

«Надень свою маску, и личина спадет, или надень другую маску, чтобы стать кем-то еще», — объяснила Крепость.

— Значит, никто меня теперь не узнает, — сказал Коми и вздрогнул оттого, как низко прозвучал его голос.

В его голове вертелись мысли о том, как теперь

можно будт развернуться. Ведь это так хорошо, когда ты можешь быть кем-то другим, делать и говорить что-то от его имени, а не от своего… но у Крепости была немного другая идея.

«Твоя неосторожность могла привлечь к нам внимание, — сказала она, — теперь тебе нужно пойти и проверить, что же предпринимают ведьмы для поиска нас с тобой».

— И почему я должен тебя слушаться? — спросил Коми.

«Ты забыл свои обещания?» — Крепость завибрировала, и пол под ногами начал ходить ходуном, в то время как вещи на стеллажах не сдвинулись со своих мест.

Коми чуть было не шлепнулся и замахал руками, чтобы сохранить равновесие. При этом он задел несколько склянок на полке, они упали и разбились, а их содержимое растеклось цветными лужицами.

— Я помню, помню я, прекрати! — воскликнул Коми. — Все сделаю!

«Хорошо».

Крепость успокоилась, и получилось перевести дыхание. Коми часто воображал, как у него появятся магические силы, но никогда не представлял, что при этом придется выполнять чьи-то

указания. Причем указания не живого существа, а какого-то здания!

«Я не здание, — Крепость снова прочитала его мысли и ответила на них, — а ты совершенно не умеешь себя контролировать… о великий маг».

Казалось, что после этого она захихикала. Коми насупился и повернулся к стеллажу с масками. Ему следовало выбрать что-то не такое заметное, как тролль. Прикинувшись никому не известным гремлином легче разведать обстановку.

«Кстати, — заявила Крепость, — возьми еще мешочек, который лежит во-о-он на той полке, справа от тебя. В нем порошок, который моментально перенесет тебя ко мне, надо лишь высыпать горсточку себе на голову».

Коми взял ярко-синий мешочей и надел его на шею.

Уже очень скоро, укрывшись под личиной лохматого гремлина средних лет, Коми вышел из Крепости под слепящее утреннее солнце.

Первым делом Коми решил немного прогуляться. Он был уверен, что Крепость слишком сильно волнуется из-за пустяков. Подумаешь, гроза какая-то… для магического арсенала Крепость слишком уж много командует, а полезные и нужные вещи от него скрывает. Вон, про ме-

шочек только сейчас сообщила, а ведь он вчера испугался, когда не смог найти вход. Сказала бы сразу — Коми взял бы мешочек с собой и переместился назад, не упрашивая впустить внутрь.

Идя через лес, Коми все отчетливее понимал, что ночь не для всех прошла незаметно. Многие старые деревья сломались, и теперь вокруг них кружили дриады и феи, которые выглядели крайне раздосадованными и недовольными. Они то и дело торопили Коми, чтобы он проходил быстрее и не мешал им. Трудно было поверить, что именно его магия принесла такие последствия. Сейчас Коми начинал понимать важность того, о чем говорила Крепость, теперь ему надо было дойти до яблоневых садов и осторожно разузнать последние новости.

В одном месте пришлось перебираться через речушку вброд, потому что перекинутый через нее мостик исчез, остались только два столбика с одной стороны, и еще два — с другой. А чуть дальше Коми увидел чью-то почти полностью разрушенную избушку.

Коми еще не успел выйти из лесу, как ему на встречу попалась парочка гремлинов. Они шли, переговариваясь между собой, это были дальние родственники горе-колдуна, гремлины-близ-

нецы, оба с серовато-коричневой шерстью и необычно короткими хвостами.

— Здравствуй, друг. Ты идешь присоединиться к поисковой группе? — спросил один из близнецов, Коми никогда не умел их различать.

Гремлины всегда были дружелюбны, даже к незнакомцам, которых видели впервые. Большинство жителей Кронии относились к их народу точно так же, вот почему Коми выбрал личину другого гремлина: так он мог задавать любые вопросы и ему с радостью ответили.

— Поисковой группе? — спросил он с удивлением.

— Ага, той, что собрал Великий Дори для того, чтобы мы смогли отыскать магический арсенал и навсегда расправиться с угрозами! — так громогласно отчеканил второй близнец, что спугнул пару белок с ближайших деревьев.

— Кстати, — подхватил второй, — ты не видел тут другого гремлина? Он бы тоже пошел этим путем. Его зовут Коми. Шерсть у него светлая, а вид такой, будто что-то кислое съел, а потом горьким запил. Ну или наоборот.

От такого описания Коми аж глаза вытаращил. Он бы никогда не подумал, что близнецы могут так о нем говорить. И вовсе у него не такой вид!

Просто в отличие от других гремлинов, Коми больше думает о себе и о своем месте в жизни, а не обо всяких глупостях вроде того, сколько морковки он посадил.

— Да, наверное, ты его не видел, а то бы так не удивлялся, — заключил первый близнец. — В общем, если что — передай, что мы его ищем. Ну и магический арсенал тоже.

— А сколько вас? — спросил Коми. — И что это за арсенал?

— Семь групп, — ответил его собеседник и глянул на брата, тот согласно кивнул. — А арсенал… ну слышал же, вчера гроза была? Конечно слышал! Ну так вот с утра могучий Эрген объявил, что какой-то колдун получил в руки огромный магический арсенал и теперь нам надо его остановить, чтобы беды не было.

Коми напустил на себя обеспокоенный вид. Для этого ему и стараться особо было не надо, ведь он действительно волновался о том, что его и Крепость отыщут, а потом отберут все магические артефакты, и он больше никогда не сможет колдовать. И слова близнецов подтвердили его страхи. Уж если сам Эрген взялся за дело, то не видать Коми магии.

— Не раскисай, — сказал один из близнецов, —

ведь с нами герой Дори, а это что значит?

— Что мы победим! — закончил второй и широко улыбнулся.

Коми через силу тоже выдавил из себя улыбку. Похвалы в адрес Дори преследовали его на каждом шагу, даже если он приобретал чужой облик, все равно был вынужден снова и снова слушать о ненавистном кузене.

— А где его можно найти? — спросил Коми. — Дори, я имею в виду.

Близнецы стали наперебой рассказывать ему о том, как они разделились, и какая группа куда пошла. Братья почти поссорились, но все-таки смогли подсказать, куда идти. Коми с ними распрощался и быстро пошел в указанную сторону. Он даже решил, что пробираться прямо через лес проще и быстрее, чем искать нужную тропинку, так ему хотелось посмотреть, как же «великий герой» собирается искать Крепость.

Из чащи Коми выбрался неожиданно и вдруг услышал голоса, в том числе самый неприятный на свете — голос своего кузена Дори. Коми снова юркнул в кусты и уже оттуда стал изучать, что же происходит вокруг и не заметили ли его.

Дори и незнакомая темненькая гремлинша сидели на вершине холмика в тени раскидистого

старого дерева, уминали пироги и весело разговаривали. В животе Коми заурчало, когда он увидел это и вспомнил, что с утра так и не позавтракал, хотя и был на ногах всю ночь. К счастью для Коми, ни ненавистный кузен, ни его подруга не заметили его, но перевести дух не получилось.

— Ой, смотри, снова светится! — воскликнула гремлинша, указывая на медальон, висящий на шее Дори.

— Сейчас посмотрим…

Коми настороженно наблюдал за тем, как его кузен возится с медальоном жирными от пирогов пальцами, и думал, что он с таким пренебрежительным отношением к вещам не заслуживает важные магические артефакты.

— Ведьмометр сработал! — Дори справился с защелкой и сейчас оба гремлина на холмике внимательно всматривались в содержимое медальона, оказавшегося кулоном.

— Нам, кажется, туда… — гремлинша указала точнехонько на затаившегося Коми.

Дори что-то ей ответил, но она ухватила его за руку и потащила вниз. Коми понял, что его сейчас поймают с поличным, и запаниковал. Он даже забыл о том, что сменил внешность и его теперь никто не узнает. Главное, что Дори идет в его

сторону и вот-вот обнаружит. Коми судорожно ухватился за мешочек, который взял в Крепости и дрожащими руками распустил завязки на нем. Дори и гремлинша были все ближе, так что Коми зажмурился и высыпал себе на голову мелкий песок, который и был в мешочке.

Шелест травы и шум ветра в кронах деревьев вмиг исчезли, точно так же не стало слышно голосов Дори и его подруги, а под босыми ступнями уже оказалась не сырая после ночной грозы земля, а гладкий пол. Даже запах сменился: с цветочного аромата на зуд от старой пыли, забившейся в нос. Но Коми все равно не решался открыть глаза. А вдруг все это ему только кажется и сейчас к нему подойдет отвратительный Дори?

«Что случилось? — голос Крепости звучал слегка утомленно. — Ты что-то нашел… о великий маг?».

После этого Коми решил, что открывать глаза уже безопасно.

— Это они нашли меня! — немедленно напустился он на Крепость. — Они знали, что я там! У них была эта штука… как ее… ведьмометр, и она указала точно на меня. Это все ты виновата!

Коми размахивал руками и топал, но на Крепость это не производило слишком большого

впечатления. Она молчала какое-то время, а потом сказала:

«Все хуже, чем я думала. Ведьмометр, если это действительно то, о чем я думаю, улавливает колдовство определенной природы. Нашей с тобой природы. Куда бы мы ни пошли в Кронии — нас найдут».

Коми плюхнулся на пол прямо там, где стоял.

— Мы можем замаскироваться, — предложил он. — Я надену маску лешего, а ты схоронишься в болоте и тогда…

«Это не поможет, нас найдут», — Крепость не дала ему даже договорить, хотя Коми казалось, что он придумал отличный план.

Гремлин почесал в затылке.

— Тогда что же? — спросил он.

«Нас найдут, если мы останемся в Кронии, но мы можем отправиться в другой мир».

— Другой мир? Это вроде того, в который попадал этот… — Коми поморщился, — Дори, когда шел за Цестиндой?

«Именно об этом я и веду речь, — подтвердила Крепость, — в мире людей нет магии, и никому не придет в голову искать колдуна именно там».

Ее слова заставили Коми вскинуться.

— Ну уж нет! — заявил он. — Мало того, что

мне и так сложно учиться колдовать, так ты еще хочешь, чтобы мы оказались там, где это невозможно. Зачем тогда мне магические силы?

«Спокойнее, — ответила Крепость, — я тоже не собираюсь отправляться туда, где буду бессильна. Именно потому нам надо сделать так, чтобы на некоторой части мира людей появилась магия».

— А получится? — подозрительно спросил Коми.

«Да».

— Но как?

Коми показалось, что он услышал вздох, а потом усмешку в обращенных к нему словах.

«Кронии магию дает Огромный Дуб, его двойник в мире людей раньше делал то же самое, пусть и не так хорошо… но теперь двойника нет. Нам придется посадить в другом мире свой Дуб».

— «Всего лишь», — передразнил Крепость Коми, — а как ты собираешься это делать?

«Я и не буду, — спокойно ответила она, — это сделаешь ты. Достаточно похитить один желудь Огромного Дуба и посадить его в мире людей».

— Похитить? — прошептал Коми.

«Я объясню как…».

Крепость действительно объяснила, что должен сделать гремлин, и впервые она рассказала

все или почти все: в ее интересах было, чтобы у Коми действительно получилось. Она прекрасно питалась за счет его ненависти к Дори и зависти к чужим успехам, но Крепость искренне боялась, что ведьмы снова ей помешают. Можно было ради выживания вытерпеть неудобства и даже помочь гремлину воплотить его мелкие желания.

Очень скоро, уяснив то, что именно ему предстоит, Коми приступил к делу. Он отыскал маску, изображавшую ворона, а другую, на которую указала Крепость, положил на пол. Гремлин несколько раз мысленно повторил слова заклинания, с помощью которого он собирался отвлекать стражей Дуба, как его научила Крепость, а потом надел на себя маску.

Моментально все вокруг начало расти, а сам Коми упал на пол и неловко взмахнул… крыльями.

— Кар-р! Кар-р! — сказал он и перепугался, что теперь не сможет разговаривать, а значит, и произнести заклинание.

«Вороны могут произносить слова, — напомнила ему Крепость. — Просто постарайся».

— Хор-р-рошо, — старательно проговорил Коми, — я полетел.

Гремлины, как известно, не летают, потому

Коми было очень трудно справиться с крыльями, он неловко подпрыгнул и взмахнул ними, но врезался в один из стеллажей и склянки с него посыпались на пол. Потом получилось взлететь под купол Крепости, и она открыла ему дыру, сквозь которую можно было увидеть безоблачное небо. Коми полетел туда и зажмурился: ему казалось, что он сейчас врежется прямо в потолок, но воронье тело само знало, что нужно делать, и крылья вынесли его за пределы Крепости.

С высоты птичьего полета все смотрелось иначе: избушка Коми стала совсем крошечной, а теперь было заметно, что крыша сплошь заросла мхом; лес тоже казался уже не таким большим, а до Огромного Дуба оказалось совсем близко.

Коми пролетел над лесом и опустился на землю, не долетев до самого Огромного Дуба. От дерева и птиц-стражей его надежно укрывали кусты боярышника.

— Эльфикаус мелкус танцеватиус, — проговорил Коми. — Надуб лезитус!

Он взлетел и увидел, как на земле под ним закружился водоворотами цветной дым, и из него появились маленькие эльфята в зеленых, сиреневых и красных одежках. Созданная иллюзия была такой достоверной, что малышня выгляде-

ла совсем живой.

Эльфята стояли не двигаясь, но не успел Коми заволноваться, как они звонко рассмеялись и побежали в сторону Огромного Дуба. Оказавшись рядом, малыши запрыгали по могучим корням, которые торчали из земли, а потом несколько эльфят полезли по толстенному стволу, цепляясь за неровности в коре лучше кошек.

Обычно, как говорила Крепость, иллюзии не могут делать ничего осязаемого, но, если приложить некоторые усилия и немного злости, замешенной с недовольством, получится сотворить нечто убедительное. Конечно, недолго, но Коми и не нужно было, чтобы эльфята плясали на ветках до самого заката: его дело было коротким.

— Прочь, дети! — прикрикнул кто-то из птиц-стражей, в которых пометили души убитых на войне с Цестиндой эльфов.

Но иллюзии, конечно же, не обращали на оклик внимания. Несколько птиц слетели на нижние ветки и взмахнули крыльями, пытаясь отпугнуть эльфят. Те же, в свою очередь, уже дергали Дуб за листья и лезли в одно из дупел на его стволе. Время было самым подходящим: сейчас даже волшебное дерево отвлечется на иллюзии, и Коми сможет сделать то, о чем говорила ему

Крепость. Он влетел в пышную крону Огромного Дуба и осмотрелся в поисках желудя. Найти его оказалось не сложно: блестящий, искрящийся золотистым светом, желудь сиял словно маленькое солнышко. Коми даже залюбовался этой красотой, но шум внизу заставил поторопиться. Ведь вопрос нескольких минут, когда и Дуб, и его стражи поймут, что безобразничающие эльфята не более чем мастерская иллюзия.

Коми быстро сорвал желудь, пока иллюзии отвлекали Огромный Дуб, и лавируя между ветками, полетел прочь. Ему казалось, что магическое дерево старается его поймать, но на самом деле он сам с перепугу запутался. Когда Коми удалось выбраться, гремли заметил, что Дуб и стражи все еще пытаются избавиться от эльфят. Самое время было улетать со всей возможной скоростью.

— Я дошгал его! Дошгал! — кричал на лету Коми.

Он работал крыльями как только мог быстро, но сегодня ему все-таки пришлось лететь впервые, и потому он не смог справиться с управлением и ударился о невидимый купол Крепости.

«Отлично!» — был ответ, и Коми провалился сквозь дыру. Уже внутри он потряс головой и крыльями, а потом выплюнул желудь и просу-

нул голову под лежащую на полу человеческую маску.

— Что будем теперь делать? — спросил Коми, поднимаясь на ноги.

Теперь он стал значительно выше гремлина, но не таким мощным, как тролль и орк, и всяко ниже великана. А борода, пусть и была густой, но не такой окладистой, как у уважающего себя гнома или старого гремлина. Еще на нем была одежда скучного коричнево-серого цвета, а на ногах — смешно подумать — ботинки. В зеркало Коми себя сейчас не видел, но сомневался, что собственная внешность ему понравится.

«Ты заберешь желудь и выйдешь, я же уменьшусь и открою портал, через который мы пройдем», — ответила Крепость.

Коми вздохнул и наклонился за желудем, в спине при этом отдалась неприятной болью, и гремлин ойкнул.

«Привыкай пока, — отозвалась на это Крепость, я попозже объясню, как исправить боли в теле».

После этого Коми недовольно буркнул, что ему надоедает, что собственный арсенал магических артефактов так к нему относится, но послушно поднял желудь и вышел из Крепости. В тот же миг она начала стремительно уменьшаться, а

потом стала видимой. Коми поднял игрушечную башенку, которая помещалась у него в ладони и посмотрел на нее с удивление.

— Ты здесь? — спросил он.

«Да, здесь. Сейчас открою портал между мирами, готовься, о великий маг!» — сказала Крепость. В этот раз ее обращение не казалось таким насмешливым. А потом Коми и думать об этом забыл, потому что перед ним появился тот самый портал, о котором столько разговоров. Он выглядел, как пятно черноты прямо на земле, его края слегка перемещались и меняли очертания. От него веяло… пустотой. Коми никак иначе не мог бы назвать свои ощущения. Он просто чувствовал, что там, внутри портала, нет ничего.

«Чего же ты ждешь? — спросила Крепость, в ее мысленном голосе сквозило явное раздражение. — Нужно особое приглашение, что ли?»

— Дай мне подготовиться, — ответил Коми и несколько раз глубоко вдохнул.

Он крепко держал желудь Огромного Дуба в одной руке, а крошечную Крепость сжимал в другой. Коми очень боялся уронить и тот, и другую. А еще ему было страшно ступать в черноту.

«Хватит!» — сказала Крепость и дернулась, вынуждая Коми упасть в портал, тот влетел в него

с криком, который мгновенно оборвался, стоило голове гремлина оказаться под поверхностью непроглядной черноты.

Пятно еще с минуту или две оставалось на месте и только потом с громким хлопком сжалось до точки, а через секунду — исчезло вовсе.

Глава пятая

...в которой Коми сажает желудь, любители природы собираются в лесу, а Крепость настаивает на создании армии.

На самом деле проходить из одного мира в другой через портал совсем не так страшно, как кажется. Ведь между мирами нет ничего, даже времени. Это означает, что ты просто входишь в один портал и выходишь из другого в тот же самый миг. Вот и все. Но впервые — это, конечно же, довольно жутко.

Коми выпал из портала и покатился по траве, Крепость и желудь он при этом выронил. Но гремлин, укрытый сейчас человеческой личиной, этого не заметил: он во все глаза пялился по сторонам, стоя на четвереньках.

«Что же такое ты творишь?! — возмущенно прошипела Крепость. — Подними желудь, колдунишка несчастный. Не для того я... мы столько стараний приложили!»

Но Коми даже не слышал ее слов, пусть они и звучали у него в голове, слишком занят был тем, что пытался разглядеть в мире вокруг себя что-то,

что бы отличало его от Кронии. И у него в самом деле получалось.

Пусть небо здесь было голубым, а трава зеленой, но Коми видел, что у деревьев, что его окружают, какой-то неухоженный вид, березки вообще росли как попало и некоторые были больны. В Кронии такого бы не случилось, ведь дриады ревностно относятся к своим обязанностям. Сейчас Коми оказался в самом, по его мнению, блеклом и запущенном лесу, какой он когда-либо видел. Вокруг высились березки и осины, между них тянули к небу ветки кусты, которые, как и трава, выглядели немного пожухшими, а из звуков слышалось только неуверенное птичье чириканье.

«ЖЕЛУДЬ!» — мысленно прокричала Крепость, и Коми вскочил на ноги. Он моментально вспомнил обо всем, что ему предстояло сделать, и обругал себя за рассеянность. Коми оглянулся по сторонам и быстро отыскал желудь Огромного Дуба, который все так же словно светился изнутри, но уже не настолько ярко, как в Кронии.

— Что мне с ним делать? — спросил Коми, подкидывая желудь на ладони, ставшей теперь человеческой: крупной, с длинными узловатыми пальцами.

Крепость, которая лежала на боку чуть в сто-

роне, почти невидимая в траве, ответила ему: «Просто закопай в землю. Магия, что заключена в желуде, не даст ему погибнуть, но тебе надо будет поливать его эликсиром роста первые несколько недель».

— Зачем? — спросил Коми. — И откуда мне взять эликсир?

«Если у тебя есть желание, то ты можешь ждать в течение сотни лет, пока новый Дуб вырастет достаточно большим, — сказала Крепость, — а эликсир я тебе предоставлю».

— Как? Не обижайся, но ты сейчас такая крошечная.

На эти слова Крепость отвечать не стала. Вместо этого она засветилась изнутри и стала стремительно увеличиваться в размерах. Коми отбежал в сторону, чтобы она не зацепила его, и уставился на то, во что превращался его магический арсенал. До этого Крепость принимала только вид темного купола или того крошечной, почти что игрушечной башенки… зато теперь она выглядела как избушка, сложенная из посеревших от времени бревен. На коньке крыши сидела наполовину стершаяся и выцветшая морда какого-то чудища. Оно же было нарисовано на двери.

Коми с интересом обошел Крепость вокруг и

заметил одно-единственное окошко с мутным стеклом.

— Выглядишь необычно! — сказал Коми перед тем, как войти внутрь…

Да так и замер на пороге. Он ожидал увидеть привычные уже стеллажи с магическими артефактами, но вместо этого оказался внутри вполне обычного жилья какого-то захудалого гремлина. Ну может с мебелью чуть побольше размерами. Дощатый пол скрипел под ногами, окошко занавешено плотной шторой, в дальнем углу виднелся маленький очаг, широкая кровать застелена цветастыми покрывалами, на полу — несколько ковриков, лавка под окошком и еще одна у стены, да пара полок. Из магических предметов на стенах висели маски из стеллажа с ними, а на полках стояли склянки, несколько книг, черные свечи и парочка черепов, и еще с потолка свешивались пучки сушеных трав.

По размерам избушка едва ли была больше прежнего домика Коми.

— Что случилось? Где все?! — в ужасе воскликнул Коми. — Как я стану великим магом, если у меня ничего нет?

«Я буду показывать то, что необходимо, — ответила Крепость. — Но пока мне нужно беречь

силы. Здесь неоткуда подпитываться магией, кроме как от тебя и к тому же вдруг кто-то еще войдет внутрь?».

— Что значит «от меня»? — удивился Коми.

«Это неважно, — быстро ответила Крепость, — важно, что ты должен как можно быстрее посадить желудь. Эликсир роста стоит на полке в синей бутылке с нарисованным деревом».

Коми быстро отыскал нужную бутылку, будто она специально попалась ему на глаза. Он собирался не отходить от дверей далеко и посадить желудь прямо рядом, но Крепость его отговорила.

«Ты же не хочешь, чтобы большой Дуб заставил меня перебираться с места на место? Ты не умрешь, если чуть-чуть пройдешься». Коми проворчал в ответ что-то неразборчивое о слишком говорливых магических избушках, но послушно ушел в лес, где и закопал желудь Огромного Дуба между двух чахлых осинок.

Но ни Коми, ни Крепость не знали одного: в эту пору и в лесу они были не одни. Не так далеко четверо подростков устраивались на полянке, чтобы обсудить, что они собираются делать в ближайшее время и как выполнять те задания, что им были даны на все время летних каникул.

Ведь они были из клуба юных любителей природы, ну или же просто учениками школы № 15, внеклассный проект которых поддерживали учителя биологии и географии.

Они не были одинаковы эти четверо, по-разному смотрели на мир и свои обязанности. Например, старший из них, невысокий светловолосый парнишка в джинсах и белой футболке с синей молнией на груди, скинул рюкзак с плеч и тут же упал в траву.

— Ну что, народ… сво-о-обода!

Его звали Женей, он дал понять, что собирается развлекаться по мере сил еще в автобусе, на котором они сюда приехали, и напоминал о своих планах всю дорогу.

Одна из девочек подошла к Жене и сделала вид, что собирается пнуть ногой в кроссовке с люминесцентными вставками. Конечно, Алиса — круглая отличница и в прошлом главная среди юных натуралистов — не могла промолчать и не напомнить ему об их целях. Женя и Алиса знали друг друга с детского сада, они даже жили в одном подъезде, девочка всегда была самой прилежной и никогда не оставляла попыток переучить и наставить на путь истинный Женю.

— Евгений, — сказала Алиса сурово, — не по-

давай дурного примера остальным. У нас есть задание!

Она за счет своей серьезности казалась старше Жени, а узкое лицо, тонкий нос и подстриженные аккуратным каре темные волосы, как и очки в тонкой оправе, только дополняли образ.

— Ну Алиса… — проворчал Женя. — Прекращай. И на кого я тут, по-твоему, могу плохо повлиять, а? На них?

Он указал на пару других подростков, которые как раз снимали рюкзаки и устраивались на траве. Долговязый мальчик в черных джинсах и черной футболке, новенький этого года Артем, просто сел, а крупная девочка с двумя каштановыми хвостиками сначала достала круглый вязаный коврик, который постелила у своих ног, а только потом на него аккуратно опустилась. Шура была в их кружке натуралистов уже не первый год, но не переставала переживать о том, что может испачкаться об траву или сесть на холодную землю и простудиться. По крайней мере в первые дни поездок в лес, дальше она отвлекалась на собственные мысли и уже об этом не волновалась.

Шура и Артем с интересом наблюдали за беседой Жени и Алисы, но пока в разговоре участия

не принимали.

— Точно! — Алиса повернулась к ним и, уперев руки в боки, спросила: — Шашковых видели? Волча? Темыч?

Шуру почти всегда именовали «Волчей». Потому что ее прозвище было «Волчица». В их компании вообще было обыкновение давать друг другу прозвища в честь животных или птиц. Свое второе имя — Малиновка — Света получила из-за любимого платка. Женю звали «Кот», правда, вспоминали об этом редко.

Тем временем Артем пожал плечами, а Шура задумчиво протянула:

— Ну, знаешь… они же говорили, что опоздают… их папа подвезти должен был сегодня, это завтра уже с нами на автобусе поедут. Жень, тебе ведь говорили?

— Да, говорили, — ответил тот. — Саша мне звонил вчера вечером, извини, Лиска, не сказал.

Алиса быстро глянула на него, нахмурилась и поправила очки. Ей очень не нравилось, что все так спокойно отнеслись к смене лидера их кружка: в этом году они дружно решили, что раз Женя старший — ему главным и быть. Но Алиса надеялась, что в ее друге проснется хоть какая-то ответственность.

— Плохо, когда группа разбивается, — сказала она, тяжело вздохнув. — Но да ладно… Давайте прямо сейчас начнем распределять задания, чем раньше — тем лучше, да?

Все так же лежащий в траве Женя фыркнул.

— Эй, расслабься, Алиса… нам не надо спасать Вселенную, а так же ее окрестности. Нам вообще ничего делать не надо.

— А я думала, что надо, — неуверенно сказала Шура, она мечтательно посмотрела в небо, — может быть, мы даже обнаружим что-то важное…

Алиса решила не уточнять, что она считает «важным», потому что в этом случае могла получить честный ответ о том, как Шура будет ловить единорогов или искать цветы папоротника. Все очень любили эту девочку, но иногда она была слишком мечтательной даже по их меркам.

— Вот, видишь, даже Волча согласна! — ухватилась за ее слова Алиса.

— Ну лю-ю-юди! — Женя сел и недовольно посмотрел на всех троих. — Послушайте, с нами даже учителя нет. Это все почему? А потому что взрослым плевать на то, что мы делаем.

Артем, который до этого не очень обращал внимания на разговор и задумчиво срывал травинки вокруг себя, вскинулся.

— «Плевать»?! — переспросил он. — О… я думал… думал, что мы за оценки это делаем.

— Конечно за оценки, — Алиса снова поправила очки и сложила руки на груди. — Нам нужно выполнить ряд заданий. Наблюдать за птицами, отметить, сколько старых деревьев попадало за зиму. Вести дневник погоды тоже нужно! Это улучшит наши оценки по биологии и географии, когда отчеты предоставим! Я же тебе объясняла! Но это не главное, главное, что мы на природе и…

Женя рассмеялся, и Алиса обернулась к нему, не закончив свою речь. Она не любила, когда ее прерывают, и собиралась потом сурово поговорить с их так называемым лидером.

— Лиска, извини, просто ты не понимаешь. Темыч, — Женя указал на Артема, — к нам записался только, чтобы оценки повыше получить. Народ, спецом для всех, кто не в курсе: весь наш кружок — это наша личная инициатива, и учителя ее поддерживают. Вот и все, так что будем просто гулять.

Шура тряхнула головой.

— Мы знаем, — сказала она.

— Я не знал, — хмуро ответил Артем. — Но, если оценки мне повыше поставят, я только за.

Алиса прикусила губу, ей очень хотелось кричать на них всех: это же надо, так несерьезно отнестись к тому, что они делают. Да, с ними все время не ходят ни их учительница биологии, ни учитель географии, но только потому, что доверяют им и верят, что они сами способны выполнять те задания, которые им дали. Тем более что Жене уже почти шестнадцать, пусть он и подбивал на лентяйство, но действительно оставался самым взрослым из них. Всегда раньше получалось ударно работать, но никогда не было такого настроения с самого начала.

Ее мрачные размышления прервали еще двое подростков, которые выбежали на поляну.

— Всем привет! — крикнул Саша Шашков, падая на траву рядом с Шурой.

Его младшая сестренка, Света, тоже сказала что-то приветственное, но она сильнее запыхалась от бега. И у нее, и у ее брата были одинаково взлохмаченные светлые кудрявые волосы, вздернутые носы и чуточку раскосые глаза, хотя у Саши веснушек на лице имелось на порядок больше. А Света, несмотря на жаркую погоду, намотала на шею ярко-оранжевый платок. В этом году она тоже стала новенькой в их кружке, как и Артем, но мальчик был старше одиннадцатилетней

Светы на три года. Так что и на него, и на Алису с Женей девочка смотрела с огромным уважением и восхищением. Старшему брату его доставалось значительно меньше.

— Мы что-то пропустили? — спросил Саша.

— Лиска — зануда, — ответил ему Женя, снова падая в траву, — а так все, вроде бы.

— Ну значит вообще ничего нового.

Алиса в ответ на это почти что зашипела и набрала воздуха для гневной отповеди…

Шестеро юных любителей природы, разумеется, не знали, о том, что твориться рядом с ними. Магия пришла в этот мир и собиралась пустить свои корни в ничем не примечательном лесу. Тем временем, пока подростки обсуждали, что они собираются делать и собираются ли вообще, Коми и Крепость обсуждали свои дальнейшие планы.

— Я могу снять маску? — спросил Коми.

Он сидел на крыльце, вытянув слишком, как ему казалось, длинные ноги и недовольно чесал в бороде. В обличие гремлина ее у него не было: волосы на лице начинали расти только после того, как минует первая тысяча лет.

«Нет. И я уже тебе говорила, о великий маг».

Крепость в посление пару часов достаточно часто использовала обращение «великий маг»,

иногда добавляя сарказм в свой мысленный голос, но чаще так, будто заменяла имя Коми. Это ему очень льстило.

— Но мне оно не нравится! И вообще… сколько мне еще ждать до тех пор, пока я не смогу разобраться с этим мерзким Дори? И когда я смогу получить власть в Кронии? А, главное, как?

«Терпение, прояви терпение. Что же до твоего последнего вопроса… нам может понадобиться армия».

— Армия? — переспросил Коми. — Я думал, что меня признают как великого чародея.

«Признают, — согласилась Крепость, — но не сразу. Лучше, чтобы как можно больше жителей Кронии поддержали тебя еще до того, как мы объявим о своих намерениях. Армия нам… то есть тебе, поможет».

— Я не уверен, — начала Коми, но голос Крепости снова зазвучал в его голове.

«Ты хочешь и дальше жить в тени Дори? Повсюду слышать его имя? Хочешь, чтобы твои способности не уважали?».

— Конечно нет! — Коми вскочил с места. — Но как мне найти армию?

«У меня осталось несколько артефактов, — последовал ответ, — они помогут создать постоян-

ный портал, а в Кронии тебе предстоит отыскать других, подобных тебе. Тех, кем пренебрегают и кого не уважают, не замечают, не любят. Я дам тебе компас, который приведет тебя к ним».

— Звучит хорошо, — кивнул Коми.

Он представил, как все эти несчастные, о ком говорила Крепость, будут благодарны ему и начнут прославлять его имя. Никакой Дори не мог бы дать им такого!

Стоило Коми взяться за дверную ручку, как Крепость сказала: «Но начнем мы с лунных».

— Почему? — опять удивился он. — Солнечных я знаю лучше.

«И они знают тебя, к тому же лунных лучше знаю я».

Спорить было бесполезно и, как Коми мог убедиться, просто вредно, как в том случае с грозой. Оттого он кивнул, распахнул дверь и вошел в избушку.

«На скамейке», — прошелестела Крепость. И действительно, на скамейке у окошка Коми заметил два артефакта: крупные рубины, впаянные в золотые ободки. Когда он подошел поближе, то увидел, как внутри камней словно кружит красный туман.

«Возьми их и отнеси в лес и расположи друг

напротив друга на расстоянии шага, — начала давать распоряжения Крепость, — сделай это достаточно далеко отсюда, но не слишком. Не нужно идти больше пары часов».

Коми не собирался идти даже час, но спорить не стал. Все равно Крепость читала его мысли и все знала сама.

«А если ты встретишь кого-то, о великий маг, — продолжила она, — то не смей представляться своим настоящим именем».

— Почему? — удивился Коми.

«Это выдаст нас, если кто-то из Кронии придет в мир людей. Ты уже не сможешь спокойно бродить по своему родному миру».

— А… хорошо. Я понял, — ответил Коми, — сейчас возьму эти штуки и пойду.

Он поднял со скамеечки артефакты и поежился: от рубинов веяло холодом, казалось, что в его руках ледышки, а вовсе не камни.

«Поторопись».

Отвечать Крепости Коми снова не стал, он просто вышел из избушки и пошел, куда глаза глядят: направление она не уточняла, так что было все равно, а избавиться от артефактов очень хотелось просто неимоверно. Коми старался не сворачивать, только два-три раза обходил дере-

вья, да еще грязный мелкий ручеек. Что гремлина возмущало в мире людей: нимфы тут работали очень плохо, в Кронии за такое пренебрежение их бы свои же отругали, а тут так и оставалось все. Будто не жило в мире людей нифм и дриад.

Довольно быстро Коми решил, что больше не может нести артефакты, которые он всю дорогу перекидывал из одной руки в другую. Первый рубин он почти уронил на землю, а второй уложил напротив него, сделав широкий шаг. Мгновение ничего не происходило, а потом клубящийся туман внутри рубинов стал светиться. Коми отошел от них, потирая замерзшие руки, и наблюдал, как свет все усиливается и усиливается. А потом он мигнул и исчез: артефакты снова были просто камнями, вплавленными в золото. Коми собрался было пойти назад к Крепости и сказать, что не подействовало, как артефакты ушли в землю, словно нырнувшие в норы кроты. Земля поднялась валом по кругу, от которого Коми быстро отскочил. Еще миг — и вся трава, весь сор и старые листья в этом круге оказались выжжены.

— У меня получилось! — восторженно воскликнул Коми. — У меня действительно получилось!

Потом же он оглянулся по сторонам и понял, что не помнит, откуда пришел, а значит и где

Крепость.

Коми тяжело вздохнул и повернулся вокруг своей оси, намного понятнее не стало.

— Да что же это такое? — спросил он, топая ногой. — Ладно…

Он снова, как и с самого начала, выбрал направление и пошел в ту сторону. Коми брел через кусты, проклиная длинный руки и ноги: эта личина была очень неудобной для гремлина, который привык к меньшим размерам. Именно из-за своей нынешней внешности, как он считал, Коми и заблудился, так что никак найти Крепость не получается.

Пробравшись через очередные заросли, он неожиданно оказался прямо перед группой подростков. Конечно, Коми не знал точно, на кого он вышел. Он вообще людей как таковых раньше и не встречал, потому не понимал, что Крепость подсунула ему маску именно человека.

Наши юные любители природы, перед которыми как раз и предстал Коми, увидели пожилого мужчину: высокого, костлявого и бородатого, одетого в поношенные коричневые штаны с курткой не по сезону, еще и в сапогах.

— Здравствуйте, — сказала вежливая Алиса.

— Вы кто? — спросила менее вежливая и более

прямолинейная Шура.

— Я Ко…Каматаш, — быстро ответил Коми, вспомнив, о чем его предупреждала Крепость, он выбрал первое попавшееся в голове имя и надеялся, что оно звучит нормально, — у менядела тут рядом.

При этом Коми неопределенно махнул в сторону леса и решил тут же пойти в атаку, так что грозно спросил:

— А вы кто такие?

— А мы натуралисты! — пискнула Света. — Мы за птичками наблюдаем. И деревья считаем!

Коми посмотрел сначала на нее, а потом на всех остальных по очереди.

— И вы тоже, да? За птичками? Да… да… конечно, нужное дело. Молодцы. Я тут тоже за деревьями слежу, знаете ли.

— Я понял! — Женя хлопнул себя по лбу. — Народ, это лесник!

— Евгений, так говорить невежливо, — тут же осекла его Алиса, а потом обратилась к Коми: — Простите его, пожалуйста, Каматаш… а как вас по отчеству?

— А? — не понял Коми.

— Это как папу звали, — подсказала Света.

— Гребень, — тут же отреагировал Коми —

именно так звали его папу.

Дети переглянулись, они пытались понять, не подшучивает ли над ними этот странный человек, а Коми вцепился в ремень штанов и еле-еле сдерживался, чтобы не кинуться прочь от этих странных созданий, которые вроде бы и походили на жителей волшебной страны, а вроде и нет.

— Э-э… Каматаш Гребневич, — неуверенно начала Алиса, — мы очень рады, что познакомились с вами и надеемся на помощь и поддержку в случае нужды.

— Да-да, конечно, — кивнул Коми. — Спасибо вам, а я пойду, не буду мешать. Кстати, я действительно лесник и всегда с радостью вам помогу. Простите, что сразу не сказал — отвлекся и задумался.

После этого он, пятясь, отступил в кусты, а потом все-таки побежал прочь, как от взгляда детей скрылся. Коми уже не слышал, что в обсуждении между собой подростки решили, что лесник чудак, но опасным не выглядит, и как будто был напуган больше них.

За то Крепость слышала их, а еще и то, как Женя пообещал по возвращению в город уточнить, точно ли здесь есть лесник или взрослый чудак им наврал. А то вроде бы не слишком заметный

лес, а они тут совсем одни и совсем без старших. В этот момент Крепость задействовала все магические силы, которые бережно хранила, и буквально заставила мир людей «вписать» Коми в себя. Так она могла быть уверена, что никто не придет с вопросами… а где-то среди документов сами собой начали появляться бумаги, которые подтверждали, что Гремлинов Каматаш Гребневич действительно существует и в самом деле местный лесник.

Пусть Крепость и немного разозлилась на Коми, что он столкнулся с подростками, и ей пришлось израсходовать свой запас сил, но были в этом и свои плюсы. Крепость немного изменила направленность сил и сделала так, чтобы любой, кто перемещается из Кронии в мир людей с помощью ее портала — становились частью Земли в том или ином качестве. Ведь неприятно было бы, если кто-то обнаружил бы их армию раньше срока.

После таких упражнений Крепость уже не могла часто использовать магию. Она понимала, что ей придется впадать в глубокую спячку время от времени до тех пор, пока саженец дуба не наберется сил и не начнет создавать вокруг себя магию.

— Уф… — Коми привалился спиной к стене

Крепости. — Как долго я тебя искал!

Крепость не стала сообщать ему, что Коми нашел ее только благодаря тому, что она заставила тропинку саму стелиться ему под ноги.

«Слишком долго, — проворчала она, — тебе пора отправляться. В Кронии уже ночь, пришла пора вербовать армию, о великий маг!»

— Да, пришла пора.

«Тогда — вперед, к порталу, встанешь в его центр и пожелаешь переместить в Кронию».

— Что это получается, я только затем к тебе шел, чтобы назад отправляться?

«Конечно, я не могу общаться мысленно на больших расстояниях».

Коми в раздражении пнул стенку Крепости, и она недовольно завибрировала. Ей хотелось уничтожить этого мелкого гремлина, который так к ней относился и совершенно ее не слушал… но Крепость напомнила себе, что тогда она останется одна, без источника сил. Умирать от голодной смерти ей тоже не хотелось, особенно в мире людей, еще и после всех затраченных на Коми усилий.

«Я направлю тебя к порталу, о великий маг, — сказала Крепость, — следуй моим инструкциям, и ты выйдешь к нему».

— Вот так бы сразу! — обрадовался Коми.
«…Но сначала тебе понадобится новая маска».

Глава шестая

...в которой Коми собирает армию, а Дори просит руки и сердца своей избранницы, но все почему-то против.

Перемещение назад в Кронию было проще, потому что Коми уже точно знал чего ему ждать. Крепость не соврала: в то время как в мире людей был еще день — здесь успела наступить глубокая ночь.

Портал открылся в горах, значительно западнее того места, откуда Коми с самого начала отправлялся в мир людей. В этой местности почти не жили гремлины и эльфов, да и кикимор с лешими было немного: слишком мало лесов для этих народов. Зато в горах легко было отыскать грифонов и кентавров, точно так же как троллей, гномов и орков. Самое подходящее место для того, чтобы начать зазывать на свою сторону обиженных жизнью созданий: достаточно далеко от места, откуда все колдовство началось и меньше риска попасться ведьмам или поисковым группам.

Коми чувствовал себя неуютно в новом образе, теперь он и сам был орком: крупным, с массив-

ными ручищами и длинными ногами, словно специально созданными для долгих пеших переходов. Кожа его имела серый цвет, глаза и уши стали просто крошечными, а клыки на нижней челюсти неприятно выступали изо рта, зато нюх усилился настолько, что Коми мог учуять запах пирогов, стоящих на порогах домов в ближайшей деревне, а ветер доносил запах жарящегося мяса со стоянки орков. Слюна сразу наполнила рот, и пришлось сказать самому себе, что он здесь по важному делу и сейчас нет времени на еду. Странно, но когда Коми вспомнил, когда он ел в последний раз, то понял, что, увлеченный магией, не испытывал голода. Он тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли и оглянулся: темнота не была для него помехой в этой личине.

Орки в Кронии славились как надежные работники, смелые охотники и воины. Пусть битв в волшебной стране не случалось со времен Честинды, но этот народ ценил сражения как искусство и стиль жизни, так что для орков считалось нормальным решать свои разногласия в хорошей драке. И все равно, было ли это соревнование на звание вождя клана, размолвка пары охотников из-за угодий или семейная ссора.

Крепость предупредила Коми, что ему не стоит

соваться прямо на стоянку орков, иначе будет риск, что и его вызовут на поединок, в котором гремлину не победить, не привлекая на свою сторону магию. Тем более что кланы, как правило, дружны и чужак среди них вызовет вопросы еще до того, как успеет что-то сказать сам.

Да и значительно больше Коми интересовали именно орки-одиночки. Первым за что уважали в этом народе, было вовсе не умение драться, а умение хорошо работать. Тот, кто отлынивал или делал порученное ему кое-как, быстро становился отщепенцем среди своих, а потом ему вовсе переставали доверять что-то значимое.

Такие орки жили отдельно от своих сородичей, вместе с самыми сонными и трусливыми троллями, которых тоже не принимали троллочьи кланы. Коми заметил костер, который горел у пещер чуть выше на утесе, именно туда он и направился собирать свою будущую армию.

Длинные ноги принесли его на место очень быстро, значительно скорее, чем он двигался, когда был в облике гремлина. Это оказалось неожиданностью, и Коми не успел даже обдумать, что же именно он собирается сказать оркам и троллям. Те в свою очередь быстро заметили чужака и смотрели на него во все глаза.

До его прихода, как заметил Коми, они мало что делали, просто бродили вокруг костра, ели дурно пахнущее варево из глиняных мисок и переговаривались.

— Здравствуйте, братья, — начал Коми и сам вздрогнул от своего басовитого голоса. — Я пришел помочь вам.

Это заявление встретила тишина, только поленья потрескивали в костре. Все неотрывно смотрели на Коми и он даже поежился под этими изучающими взглядами. Ему показалось, что им удалось увидеть сквозь личину его настоящий облик. Пусть он и знал, что это невозможно.

Не сразу со своего места поднялся орк, бывший еще крупнее того образа, который взял Коми.

— Работа? Ее ты нам предлагаешь? — спросил орк с надеждой.

— Да, — подтвердил Коми, — и это такая работа, которая позволит вам занять достойное место среди жителей Кронии.

Сейчас реакция была заметнее: орки и тролли зашептались, недоверчиво поглядывая на Коми.

— Что это такое? — спросил первый орк. — И кто ты такой? Почему ты пришел к нам?

— Я маг Каматаш, — сказал Коми и взмахнул рукой, он шепнул слова заклинания и порыв

ветра эффектно склонил пламя костра к самой земле, а потом с воем промчался между скал, — и я собираю армию.

— А нам что с того? — поинтересовался один из троллей.

— А то, что я хочу видеть вас в ее рядах. Мы будем контролировать мир людей, а потом и Кронию, и все получат чего заслуживают.

Коми изначально не хотел говорить таких слов, но Крепость доказала, что иначе орки с троллями ему не поверят или посчитают, что он ничего не может им предложить.

— Цестинда говорила так же.

Коми не видел, кто именно это сказал, но другие лунные закивали, и по приглушенному ропоту голосов стало понятно, что его слова их не обрадовали. Нужно было как можно быстрее отыскать другие причины, а не то они погонять его взашей, несмотря на принятый облик.

— Разве я похож на Цестинду? — спросил Коми с притворной обидой, Крепость предупреждала его и о том, что вполне могут вспомнить о прошлой войне в Кронии, но она не дала никаких советов на этот счет, и пришлось испровизировать. — Нет, мы не будем нападать открыто. Мы сначала поселимся в мире людей, захватим его,

а после придем сюда, и вот тогда нас будет не остановить.

Его слушатели снова зашептались, и тогда Коми сказал то, про что Крепость не говорила, а вот гремлин считал самым важным:

— Подумайте обо всех, кого ставили вам в пример. Обо всех этих «героях». Разве они лучше вас? Или достойнее вас? Нет, просто им повезло больше. Давайте же докажем, что и мы не просто так живем.

— А ты сможешь? — спросил кто-то.

— Конечно, — ответил Коми, — тот, кто пойдет со мной, — добьется успеха. Я обещаю!

Он ожидал бурной реакции, но снова все молчали. Может быть, его речь и тронула их за живое, но никто этого не выдавал. Коми ждал, но тишина продолжалась.

— Что же, — сказал он, поворачиваясь спиной к костру, — если вам не интересно, то я пойду. Поищу кого-то другого…

— Стой!

Коми обернулся и увидел орка, который заговорил первым. Теперь он топтался почти за его спиной и выглядел неуверенно. Насколько кто-то из его народа вообще может выглядеть неуверенным.

— Я не знаю, — сказал орк, — я хочу показать всем, что они неправы. И… ну… быть важным. Я пойду с тобой, колдун.

Он сделал шаг вперед и стукнул себя кулаком в грудь. После этого от костров подошла еще одна троллиха и другой орк. Они молчали и во все глаза смотрели на Коми.

— Больше никто не пойдет? — спросил он.

Сидящие у костра не ответили. Тогда Коми вспомнил еще одну вещь, о которой говорила Крепость и снял с пальца кольцо с черным камешком.

— Забытикус ночиус спатус! — произнес он слова заклинания и метнул кольцо в сторону лунных, которые не последовали за ним.

Мгновение — и они уснули прямо там, где сидели. Как сказала Крепость, сон продлится до следующего заката солнца и никто из них не вспомнит, что произошло.

— Идем, — произнес Коми, обращаясь к троице, которая решила следовать за ним.

Орки и троллиха переглянулись, но не стали задавать вопросов или спорить. Послушно пошли следом за тем, кто пообещал им целый мир и настоящее уважание.

Пока Коми начал собирать своих последовате-

лей, пусть и не быстро, как хотелось бы Крепости, Дори предавался мыслям о Настоящей Любви. Как мы знаем, он еще во время поисков убежища Честинды понял, что в действительности чувствует к Лори. Больше в тот день не случилось ничего интересного. Они вдвоем проходили почти до заката, но ничего так и не отыскали.

Ведьмометр направил их сначала в лес, а потом перестал сигнализировать о близости ведьмы, хотя стрелка продолжала указывать направление. Но, не успели Дори и Лори добраться до места, как она закртилась так, будто сигнал и вовсе исчез. Гремлины пытались послать весточку своим коллегам по поискам, но птицы забывали на полпути, что же им надо передать, и ничего толком рассказать не могли. По крайней мере, Лори, немного знавшая язык птиц, утверждала, что в чириканье нет никакого смысла. Пустая птичья болтовня.

Дори вынужденно признал, что это была плохая идея, и зря он послушался Фрезию: ведь все знают, что эльфы довольно беззаботны и рассеяны.

К счастью, Лори не стала упрекать Дори за то, что он ее не послушался. Вместо этого она посоветовала больше не использовать птиц как курьеров. И юный гремлин был с ней полностью

согласен. К вечеру поисковые группы вернулись к яблоневым садам, и там-то их встретили ведьмы с Тананной во главе.

— Большое спасибо за помощь, — сказала Лунная Правительница.

Уставшие дневные заворчали было, так как решили, что она над ними издевается, но Тананна прервала их взмахом руки.

— Никто из нас, ведьм, — продолжила говорить она, — не чувствует присутствия силы Цестинды в этом мире. Возможно, ее крепость исчерпала все свои запасы, пытаясь скрыться, и теперь больше не представляет опасности.

— Так значит, нам больше не нужно ее искать? — с надеждой спросил Дори.

Тананна тепло улыбнулась.

— Да, юный гремлин, не нужно, — а потом возвысила голос и обратилась уже ко всем: — Вы можете идти по домам и не возобновлять эти утомительные поиски. Вашеи старание и желание помочь не будут забыты!

После ее слов даже самые недовольные успокоились и стали потихоньку расходиться по домам: близилась ночь, и дневные жители хотели выспаться.

А вот у Дори слова Тананны вызвали неодно-

значные эмоции. Сначала ему хотелось запрыгать от радости, но потом он оглянулся на стоящую рядом Лори и с ужасом понял, что больше не сможет с ней общаться. Не сможет бродить целыми днями по полям, есть пирожки и вспоминать, кто в какие игры играл в детстве. Дори стало очень-очень грустно, ведь он уже понял, что Лори — его Настоящая Любовь. К счастью, он успел узнать, где она живет. Просто спросил, а Лори ответила. И даже сказала: «Заходи, если будешь неподалеку».

Вот из-за переживаний о Настоящей Любви этой ночью Дори лежал без сна и думал о том, что такое любовь и как сообщить о своих чувствах самой красивой гремлинше в Кронии.

«Я пойду к ней прямо с утра! — подумал наш герой. — И обо всем расскажу сам… и вообще, попрошу Лори стать моей женой. Тогда-то мы точно будем вместе!» С этой мыслью он заснул, уверенный в том, что Лори не откажет. Ведь она тоже должна чувствовать Настоящую Любовь, которая, как все знают, всегда взаимная.

Конечно же, с раннего утра у Дори не получилось навестить Лори. Потому что сначала он попросту проспал. Оно и понятно, потому что за прошедший день юный гремлин прошагал больше, чем обычно за целую неделю. А проснувшись,

с удивлением заметил, как светится ведьмометр. Однако прежде чем Дори успел испугаться, «ведьма», на которую показывал амулет, опять исчезла.

— Наверное, все показания сбились из-за погоды, — решил Дори, а потом повторил загадочные слова бородатого гномьего мастера: — Это такие глюки, прибор нужно перепрошить.

Дори понятия не имел, что означают эти слова, но ему нравилось, как они звучали. Но только гремлин решил, что самое время пойти к гости к Лори, его поймал Эрген… и заставил работать по дому.

В общем, освободился Дори уже после полудня. Но в этом влюбленный гремлин увидел хороший знак. Ведь так Лори поймет, что он все старательно обдумывал, а не побежал, сломя голову.

Настоящая Любовь Дори жила у реки, в домике, который, судя по виду, построили совсем недавно: яркая роспись на низком белом заборчике еще не успела стереться, а стены и водостоки не завил вьюнок, хотя он был уже посажен.

Герой Кронии топтался у калитки и все не решался войти и постучать в дверь, чтобы дать знать хозяйке домика, что вот он — гость.

К счастью или нет, но страдания Дори долго не

продлились — из дому вышла гремлинша. Она была значительно старше Лори, но ее шерсть имела тот же оттенок. Глядя на ее мордочку, Дори мог бы поклясться, что именно так его Настоящая Любовь будет выглядеть где-то через тысячу-другую лет.

— Здравствуй, — сказала гремлинша, глядя на Дори.

Она держала в руках пустое лукошко.

— Здравствуйте, — неуверенно ответил гремлин, теребя кисточку на хвосте, — а Лори здесь живет?

— Она сейчас с младшими сестричками возится, — гремлинша улыбнулась, — но я уверена, что она будет рада видеть такого милого молодого гремлина… да заходите же, калитка не закрыта… Ло-о-ори! К тебе пришли!

Последнее она прокричала так, чтобы услышали в доме.

— Да, мама, иду! — раздался голос Лори.

Эти звуки заставили сердце Дори биться часто-часто. Ведь они означали, что его Настоящая Любовь рядом, и он прямо сейчас расскажет ей о том, что чувствует. И получит ответное признание, как же иначе? Дори воспользовался приглашением мамы Лори и вошел во двор, а

гремлинша, если куда и собиралась, то теперь решила подождать.

Через секунду или две из дверей выскочила Лори. Выглядела она сегодня, по мнению Дори, еще более красивой, чем вчера.

— Привет, — сказала Лори.

— Э-э-э… да…

Все слова вылетели у Дори из головы. Он придумал заранее, что скажет своей Настоящей Любви, но теперь, когда Лори стояла перед ним, гремлин никак не мог сообразить, что же говорить.

— Ты моя Настоящая Любовь! — выдал наконец Дори. — А это означает, что мы должны быть вместе!

Лори молча смотрела на него, как и ее мама. Дори заметил, что из дома вышел другой взрослый гремлин, по всей видимости папа его возлюбленной, но сейчас остальные существа в мире интересовали величайшего герои Кронии меньше всего. Ведь он пришел признаваться в чувствах, которые, как он считал, обязаны быть взаимными.

— Лори, ты самая красивая гремлинша на свете, — вдохновение и уверенность вернулись к Дори, — ты — единственная, с кем я хочу провести свою жизнь. Будь моей женой!

Он опустился на одно колено и протянул руки к Лори. Но она почему-то не торопилась бросаться к нему в объятия. Только стояла и удивленно смотрела на Дори. Как и ее родители.

— Скажи же что-нибудь, — попросил юный гремлин.

Но вместо Лори ответил ее папа.

— Конечно, она откажет, — заявил он.

— Это даже не обсуждается, — поддержала мама Лори.

— Но почему? — спросил Дори.

Он поднялся с земли и отряхивал колено от налипших травинок.

— Сколько тебе лет? — сурово спросил папа Лори. — Точно меньше тысячи! Где это слыхано, чтобы такие молодые гремлины женились!

— Лори тоже очень молодая, — добавила ее мама.

В поисках поддержки, Дори посмотрел на свою возлюбленную: она-то должна понимать, но Лори только нахмурилась. Она глянула сначала на признавшегося ей в любви гремлина, потом на родителей, а после сказала:

— Конечно же нет. Я не выйду за тебя.

Дори показалось, будто он летит в бездонную пропасть, откуда не выберется никогда в жизни.

— Но почему? — спросил он. — Как так? Как же Настоящая Любовь?

— Нет и еще раз нет! Ты слышал моих родителей!

Лори сложила руки на груди и недовольно посмотрела на Дори.

— Но как же чувства… как же Любовь… — начал тот, а потом вспомнил еще один аргумент: — Я ведь герой Кронии!

— Но ты очень молодой герой Кронии, — напомнила мама Лори. — Вот подрасти чуть-чуть.

— Да, — согласился папа Лори, — приходи через пару сотен лет.

Все трое выглядели сейчас одинаково: недовольные и суровые, будто не живые гремлины, а выточенные из камня фигуры.

Отчаянье затопило маленькое сердечко Дори.

Как он вернулся домой, юный гремлин не помнил. Он помнил только то, что, захлебываясь словами, рассказывал отцу о том, как с ним жестоко поступили и отказали, подумать только, из-за того, что он слишком молод. Это же было совсем не честно!

Дори метался от стены к стене, пока Эрген неторопливо перебирал ягоды земляники. Казалось, что именно они волнует отца больше всего.

— Но ты действительно еще очень юный, — спокойно ответил Эрген, — спроси ты у меня, я бы тоже запретил вам с Лори жениться.

Вот такого от собственного отца Дори не ожидал! Он удивленно остановился и выпучил глаза.

— А ты уверен, что эта любовь — Настоящая? — спросил Эрген.

— Конечно! — подтвердил Дори.

— Почему же твоя Лори так себя повела?

Вот на это у Дори ответа не было. Потому он, опустив голову, ушел в свою комнату. Там гремлин забрался на кровать и завернулся в покрывало. Если мир несправедлив к нему, то он, Дори, так и будет сидеть и не выйдет из комнаты в ближайшие пару лет. А может и того дольше. До тех пор, пока ему не стукнет тысяча, чтобы наверняка быть достаточно взрослым.

Юный гремлин не понимал, как мудрый Эрген, его отец, мог усомниться в Настоящей Любви! Он же должен был знать о том, какая она и на что похожа. И знать, что отказывать ей нельзя, просто глупо.

Мысль о том, что его любовь действительно может оказаться не той самой, не Настоящей, пришла к Дори, но он прогонял ее всеми силами.

Солнце еще не успело приблизиться к гори-

зонту, когда Дори понял, что сидеть просто так в комнате выше его сил. Ему захотелось есть, и страдания о делах сердечных если не ушли совсем, то уступили первенство требованиям желудка.

Тем больше было удивление Дори, когда он, пробравшись на кухню, увидел там Лори. Его Настоящая Любовь сидела за столом и пила чай вместе с Эргеном!

— Что ты тут делаешь? — спросил Дори.

— Я… я… подумала, что мне надо все тебе объяснить, — Лори смущенно опустила ушки и прикусила губу.

Она поставила кружку и вскочила на ноги, теребя кисточку хвоста совсем так же, как это делал Дори, когда нервничал.

— Не подумай, что ты мне не нравишься, — начала Лори.

Она посмотрела в глаза Дори, и он с удивлением понял, что гремлинша вот-вот заплачет.

— Ты тоже мне нравишься, — отозвался Дори. — Ну ты знаешь же. Я потому тебя и попросил стать моей женой.

Лори на секунду прикрыла глаза ладошками, смахивая слезы, а потом решительно сказала:

— Я пока не могу! Пойми, Дори, ты отличный

гремлин. Ты великий герой Кронии, я не спорю… но ты всегда много говоришь и всегда разное. Понимаешь, о чем я?

— Да, — вздохнул он.

Хотя на самом деле гремлин вовсе не понимал, к чему ведет Лори. Да, он добавляет красок в свои рассказы о победе над Цестиндой, и что с того? Он ведь ее на самом деле победил, какая разница, как именно?

— Вот в этом дело, — продолжила Лори, — ты много чего сделал в прошлом, но я не знаю, как и что именно…

— Давай я тебе расскажу! — с жаром предложил Дори.

Он уже представил, как поведает своей Настоящей Любви о героической битве с силами зла, о многоглавых драконах и о том, как он в одиночку стоял против целой армии, вооруженный только своей верой в победу, но Лори покачала головой.

— Не надо рассказывать, — сказала она, — надо делать! Я знаю, что ты герой. Вся Кронии знает, что ты герой… но мне бы хотелось, чтобы ты что-то сделал сейчас, понимаешь? Что-то важное и хорошее для всей страны. Какой-нибудь подвиг, Дори…

— Это отличная идея! — раздался голос Эргена.

Юные гремлины синхронно подпрыгнули: они позабыли о том, что отец Дори сидит здесь же и пьет чай, ухмыляясь в усы.

— Послушай, сынок, — начал Эрген, — это то, о чем я повторяю тебе каждый день. Ты должен работать не покладая рук, стремиться стать лучше. Ты должен быть достойным всегда: и когда нужно победить ведьму, и когда требуется принести воды из колодца!

Дори слушал отца с угрюмой миной: вот нужно ему говорить это все перед Лори? Мало, что ли, поучений наедине?

— Почему я должен? — спросил Дори с обидой в голосе. — Я ни у кого ничего не брал.

— Ты — будущий Солнечный Правитель, — ответил Эрген, — хочешь ты этого или нет, но все дневные жители уже равняются на тебя. Потому тебе нужно соответствовать.

После этой не очень вдохновляющей речи Дори тяжело вздохнул и посмотрел на Лори. Вот она как раз выглядела радостной, словно Эрген высказал именно то, что у нее не получалось.

— Значит, мне нужен подвиг, так, что ли, выходит? — спросил Дори.

— Да-да, — Лори закивала. — А когда ты покажешь, что ты можешь, родители согласятся на

нашу свадьбу.

Она неуверенно оглянулась на Эргена, а тот сделал вид, что задумался, но потом медленно кивнул.

— Определенно, — сказал он, — мы с мамой Дори дадим разрешение на вашу свадьбу. И даже поможем ее устроить.

После этого Лори радостно захлопала в ладоши и обняла Дори, а тот понял, что без подвига не обойтись. Но понял еще и то, что делает он теперь это не только ради себя, отца или Кронии, а ради самого ценного, что существует в мире. Ради Настоящей Любви.

Глава седьмая

...в которой Дори пытается отыскать подходящий подвиг и обновить свой статус героя Кронии.

Кронія, как мы знаем, была светлой волшебной страной. А это означало, что страх и горе не задерживались здесь надолго. Даже когда злобная Цестинда начала войну, время тьмы долго не продлилось, как бы ведьме ни хотелось обратного. Что уж говорить о такой мелочи, как одна буря?

Все старались устранить ее последствия. Дриады ухаживали за деревьями: лечили те, что еще можно было, и с сожалением позволяли оркам и гоблинам спилить и выкорчевать те, которым помочь были не в силах. А еще они сажали молоденькие деревца, которые рано или поздно тоже поднимут свои пышные кроны к небу.

Строители целыми днями восстанавливали разрушенные дома, наводили мосты, снесенные бурными потоками, приводили в порядок мельницы и амбары... ведьмы помогали в этом и поддерживали хорошую погоду, насылая тучи только на поля и сады, которым необходим был

полив.

Дневные и ночные, как повелось испокон веков в Кронии, работали рука об руку для того, чтобы обеспечить процветание своей волшебной родины, и все равно было гном это или кентавр, эльф или тролль, главное, что все они родом из Кронии.

Вскоре жизнь Кронии вернулась в привычный неспешный ритм: в лесах раздавался счастливый смех эльфов и веселое стрекотание фей, а по ночам молоденькие ведьмочки веселились и танцевали вокруг костров, что пылали разноцветным магическим пламенем. Пусть работы было много, жители волшебной страны не забывали о том, что нужно отдыхать и наслаждаться каждым прожитым днем.

Тананна и другие сильнейшие колдуньи то и дело проверяли, нет ли нигде следов магического убежища Цестинды, но находили только редкие вспышки магии, которые не были направлены ни на какое злонамеренное деяние. Ведьмы и их помощники исследовали места, где была замечена магия, каждый раз, но не заставали там никого. Так что очень скоро все посчитали это отголосками бури и занялись своими делами, которых оказалось предостаточно. О том, что

всплески магии могли создавать порталы, открываемые из мира людей, никто и не подумал.

Вернувшееся в Кронию спокойствие устраивало всех… кроме одного юного гремлина, от которого требовалось совершить подвиг во имя Настоящей Любви. Для этого, как оказалось, было не самое подходящее время.

Дори и думать не думал, что отыскать какую-то проблему в Кронии сложно. Он всегда считал, что, когда спокойно — это хорошо, но теперь почти жалел о тех временах, когда Цестинда еще пыталась получить власть над волшебной страной. Трудно стать героем и совершать подвиги, если все вокруг благополучно.

— Терпение, — говорил, посмеиваясь, Эрген. — Куда тебе торопиться, сынок?

— Но это же Настоящая Любовь! — отвечал ему Дори.

— Тогда — вперед.

Конечно, Дори не подходил абы какой подвиг, ему нужен был самый героический и достойный. Ведь юный гремлин же уже был героем Кронии. Даже дважды героем Кронии, если на то пошло. А такая фигура не может размениваться на всякую мелочь, вроде помощи лягушке, подвернувшей лапку, или проявить себя на сборе урожая. Разу-

меется, требовалось что-то столь же героичное, достойное и важное, как спасение целых миров от зла ведьмы Цестинды. Но при этом Дори совсем не хотелось рисковать. Он думал, что подвиг ему нужен, но лучше полегче. Чтобы ничего особо делать не пришлось, зато стало бы заметно всем… а потом можно планировать свадьбу с Лори. Ведь не станут же ее родители и Эрген мешать им! Еще Дори не знал, что на эту тему подумает его собственная мама, которая все еще не вернулась домой, но он считал, что она-то его поддержит. Ведь именно мама когда-то рассказала ему про Настоящую Любовь! Она будет рада увидеть сына вместе с Лори.

Предаваясь мечтам о том, какой дом они построят после свадьбы, Дори бродил по Кронии и пытался отыскать достойный подвиг.

Очередной день в поисках подвига Дори начал с посещения родственников. Они сегодня праздновали день рождения одного из малышей. Теперь гремлины обедали все вместе под старым орехом, что рос во дворе многие десятилетия. Дори помнил это дерево с тех самых пор, как сам был карапузом.

Пусть срок жизни деревьев меньше, чем у гремлинов, но некоторые могут с ними посорев-

новаться. Особенно с юными.

Дори как раз рассказывал очередную версию истории о своей великой победе. Он взобрался на стул во главе стола и демонстрировал то, как отбивался от бесчисленных полчищ врагов и огнедышащих драконов, которых насылала на него Цестинда.

Кузены и кузины охали и ахали, гремлины постарше качали головами, кое-кто хватался за сердце на особо страшных местах… в общем, Дори, как обычно, стал главной звездой этого дня.

Он с трудом вспомнил о текущей задаче.

— Вот потому, — закончил свою речь Дори, — мне и нужен подвиг. Вы не знаете, что случилось за последние дни, что стало бы достойно вмешательства Дори Великого и Непобедимого? В смысле, моего внимания.

Его кузены с кузинами и дяди с тетями переглянулись, но никто не ответил. Дори очень наделся, что хоть кто-то сможет предложить ему настоящий подвиг… но не слишком трудный. И чтобы в другой мир отправляться не потребовалось. А так — любой.

— Да мы даже не знаем… — начала тетя.

— Ничего, только вот гроза прошла, — сказал один из кузенов.

— Да ладно, это дело старое! — перебил его другой кузен.

Остальные задумчиво переглядывались и качали головами. Дори поставил перед ними слишком сложную задачу.

— Я знаю! — вспомнила одна из кузин. — Недавно пропал Коми… ну знаете его, мрачный такой гремлин, всегда сам себе на уме.

— Да-да, — согласилась другая кузина, которая весь обед сидела тихо и о чем-то размышляла, — он же мой братик, вот он пропал… но я не переживаю… Ну разве что чуть-чуть. Коми всегда был сам по себе.

Дори задумчиво теребил кисточку на хвосте и думал о пропавшем кузене. Достойный ли подвиг его поиски? А если окажется, что гремлин вовсе никуда не пропадал, а просто ушел в поход? Или гостит у кого-то? Нет, решил все-таки Дори, это недостаточно значимый подвиг. Кузен Коми рано или поздно отыщется сам, а настоящему герою требуется что-то другое. Более важное и героичное.

— Значит, буду бродить в поисках подвига дальше, — сделал вывод Дори.

Он уже собирался уйти, когда кто-то из младших гремлинов попросил его снова рассказать о

битве с Честиндой… и как им отказать?

Так этот день и прошел у Дори: без подвига, зато среди семьи и восторженных кузенов. Засыпая, юный гремлин пообещал себе, что непременно отыщет героическое деяние завтра. Или послезавтра. Или на неделе… в общем, скоро.

А наутро Дори отправился в лес. Он интересовался у встречных, не было ли чего-то необычного и не могут ли они подсказать достойный его подвиг.

— Помоги подвязать деревья, — предложила одна дриада, одетая в платье из живых бабочек.

— А это разве героизм? — удивился Дори.

— Для меня — да!

Другие дриады, которые возились с молоденькими саженцами, поддержали подругу. Дори пришлось объяснять, что он бы с радостью, но прямо сейчас не может, потому что ужасно занят. Ему еле-еле удалось уйти от дриад, так что он решил больше к ним не подходить. Чего доброго, заставят подвязывать деревья, а это точно не подвиг, который убедит родителей Лори передумать по поводу свадьбы!

Пройдя дальше Дори, встретил лешего и кикимору. Как и у всех болотных жителей, их кожа имела серо-зеленый оттенок, а головы были

лысыми, только у кикиморы на макушке рос аккуратный мухомор, похожий на шляпку. Болотники сидели возле ручья и просеивали ил, чтобы снова сделать поток воды чистым и прозрачным.

— Доброго вам дня, — вежливо поздоровался Дори.

— Ой, кто к нам пришел! — кикимора наградила юного гремлина широченной улыбкой. — Это же великий герой Дори, смотри, муж!

— Да и точно, — леший тоже обернулся, — здравствуй-здравствуй, что привело в нашу глушь прославленного героя?

Дори решительно взмахнул хвостом и сказал, стараясь, чтобы его голос звучал важно:

— Я ищу достойный себя подвиг. Скажите, случалось ли чего-нибудь необычного в последнее время?

Кикимора с лешим переглянулись и пожали плечами. Они уже поднялись с земли и отряхивали ил с перепончатых рук.

— Да так, вроде ничего, — сказал леший. — Ну разве что Гули-Юри и Йоли-Тори пропали.

— А кто это? — спросил Дори.

— Да наши соседки, — махнула рукой кикимора, — сестры-близняшки. Они, правда, лентяйки

страшные! Может, где в ил закопались, чтобы их после бури не заставили работать. Знаешь, есть такие, только дай побездельничать — так впереди всех. А как работать, то нет, у них руки болят и спать хочется. Я думаю, они вернутся еще.

— Может и так, — согласился Дори.

Он попрощался с лешим и кикиморой и снова пошел по лесной тропинке. Юный гремлин очень быстро забыл об исчезнувших жителях Кронии, слишком занятый мыслями о подвигах. А ведь именно о странных исчезновениях ему и стоило бы серьезно подумать. Ведь кикиморы исчезли не просто так: их увел с собой в мир людей Коми. Он пришел к ним и рассказал о том, каких высот им удастся достичь. Сестры кикиморы решили, что это неплохая идея, ведь хочется жить, как королевам, и ничего для этого не делать. Они с радостью вошли в портал и переместились на Землю.

С каждым днем число сторонников Коми все росло и росло, но, если кто его и видел в Кронии, то с помощью магии забывал об этом. Крепость помогала своему новому хозяину во всем, питаясь его недовольством и завистью, а теперь у нее, кроме одного Коми, были и другие. Обиженные и раздосадованные жители Кронии давали ей все,

что нужно для того, чтобы дождаться, пока Дубок наберет силу.

А Дори тем временем все искал и искал подвиги. Да никак не мог найти ничего такого, чтобы его вкусу соответствовало.

Следующими, к кому обратился Дори, были эльфы. Они как раз чинили мост, переброшенный через широкий поток. Летающие тут и там феи поддерживали доски с помощью магии, но гвозди эльфы забивалисамыми обычными молотками.

— Дори! Это же герой Дори!

Одна миловидная эльфийка, в которой гремлин сразу узнал Фрезию, махнула рукой, а потом оглянулась на мостик и захихикала. Она упустила доску и та заметно накренилась

— Это не смешно, — отозвался кто-то из ее коллег, — будь внимательнее.

Феи тоже что-то недовольно запищали.

— Но это же Дори! Самый героический гремлин во всей Кронии! Да что там, в целых двух мирах! — сказала Фрезия.

Эльфы и феи позволили себе отвлечься от работы. Дори неуверенно помахал им рукой и подошел поближе.

— Простите, что прерываю, — сказал он, нервно теребя кисточку на хвосте и прядя ушами, — но,

может, вы подскажете, что бы я мог сделать важного и нужного? Это для Настоящей Любви, понимаете?

Фрезия захлопала в ладоши.

— Ой, чудесно! — сказала она. — Помоги нам с этим мостом! Ты же герой и гений, ты можешь.

— Эх, — тяжело вздохнул Дори, — ну сколько можно всем объяснять? Мне требуется подвиг! Настоящий подвиг, а не работа. Такой, чтобы о нем пели в балладах, рассказывали в легендах. Что-то сомневаюсь, что ремонт моста станут воспевать. Так что такая работа не для меня!

Эльфы переглянулись, феи затрещали о чем-то между собой, как они умеют, когда не разговаривают с более крупными жителями Кронии, а Дори снова почувствовал себя ужасно неловко. Он уже не в первый раз за сегодняшний день пытался объяснить, в чем же разница между повседневными делами, которыми занимаются другие солнечные жители, и подвигами для героя целых двух миров.

— Ладно, я пойду, — грустно сказал Дори, — удачи вам. Извините, что отвлек.

— Тебе тоже удачи, — пожелала Фрезия.

И Дори, грустно опустив плечи и таща хвост по земле, ушел прочь от незаконченного моста.

Казалось, никто во всей Кронии не понимал, что же ему нужно и не способен был дать совет по поиску подвига.

Все время то одно сделать предлагали, то другое. То рыбу сушить, то урожай собирать, то вон мост чинить. Будто и не слушали рассказов о битве с Цестиндой и не называли его героем. Иначе понимали бы, что это такое — подвиг.

Оставалось одно: дождаться ночи и попытать счастье с лунными жителями Кронии. Может, у них найдется что-то достаточно важное, достойное, героичное и, конечно же, не очень трудное. Тогда Дори совершит подвиг, о котором сложат с десяток-другой легенд, родители Лори дадут согласие на свадьбу, а сама прекрасная гремлинша тут же поймет, что нужно обратить внимание на Настоящую Любовь и позволить ей пылать так ярко, как звезды на небе.

Мечты снова увлекли Дори, и он плохо запомнил, как шел домой. Помнил только, что иногда пускался бегом, когда представлял, насколько пышной будет у них с Лори свадьба и то, сколько друзей и родственников придет. Наверное, вся Крония!

Но как же наш юный гремлин расстроился, когда дома его поймал Эрген и снова заставил

таскать воду из колодца! Будто мало страданий для того, кто уже который день подряд странствует в поисках подвига, еще и ночью собирается не спать.

Проще говоря, жизнь в последнее время, по мнению Дори, очень плохо с ним обходилась. И миссии героической не попадалось, и все почему-то пытались заставить его работать! Спасали в это трудное время только мысли о прекрасной Лори. Вот совершит он подвиг, и они поженятся. Настоящая Любовь стоит того, чтобы ради нее немножечко потерпеть.

— О чем ты опять задумался? — спросил Эрген сурово. — Хватит витать в облаках, сынок.

— Я не витаю, — ответил Дори.

— Вот и молодец. Подумай о том, как важно быть ответственным.

Юный гремлин тяжело вздохнул, но не стал спорить. Ведь значительно приятнее думать о Лори, а не слушать поучения.

До вечера ему едва-едва удалось дотерпеть. Эрген удивился, почему это Дори не ложится спать, но настаивать не стал, а только хмыкнул в бороду и сказал, что тот уж взрослый и сам может за себя решать.

— А если ты взрослый, то можешь и сам доду-

маться, когда ложиться, — сказал Эрген.

Дори показалось, что отец смеется над ним, но дело было слишком важным. Потому поговорить с ночными жителями стоило, пусть даже потом будет трудно целый день.

С лунными Дори общался значительно реже, чем с солнечными. Хотя он и был героем всей Кронии, еще и все жители поздравляли его с победой над Честиндой, а ночные приносили подарки к дверям дома, но все равно они бодорствовали в разное время суток, так что Дори довольно редко случалось с ними общаться.

Именно потому наш бесстрашный герой немного нервничал, пока ждал заката солнца и появления лунных. Сидящей на удобной скамеечке Дори все же задремал и проснулся от холода, когда вокруг уже было темным-темно. Наступила ночь, на небо выкатился тоненький серп месяца, и звезды засияли за облаками.

Не успел Дори испугаться, как заметил свет — это гномы несли фонари, освещая себе путь. Большая часть лунных жителей хорошо видят в темноте: орки, тролли и гоблины не нуждаются в свете, но для других, например, ведьм и гномов, освещение просто необходимо. В светлые ночи, когда луна ярко сияет на небе, они могут обой-

тись без фонарей, но в такие, как сегодня, — нет.

Дори заворожено наблюдал за тем, как работают ночные обитатели Кронии: орки тащили вязанки дров, гномы катили тачки с углем, тролли и гоблины брели мимо с удочками и сетями — их ждала ночная рыбалка… Дори никогда не интересовался, как идет жизнь в темное время суток. Он просто знал, что наутро с порогов домов исчезнут пироги и корзинки с фруктами и ягодами, зато появится уголь, дрова, рыба и заказанные мастерам инструменты из лучшей стали.

Теперь же Дори своими глазами видел, что ночная Кронии такая же живая и волшебная, как и дневная. И на самом деле его родина никогда не спит.

Гномы, одетые в разноцветные кафтанчики, орки в набедренных повязках, тролли и гоблины в свободных штанах и рубахах — все они были заняты своими делами. Неяркий свет фонарей освещал их лица, высвечивал то хитро заплетенные бороды, то длинные носы, то озорно блестящие глаза…

Дори подошел к ближайшей группе, в которой в основном были гномы. Они что-то бурно обсуждали, а возвышавшийся над ними орк то и дело медленно кивал.

— Доброй вам всем ночи, — пискнул Дори.

Гномы были ненамного выше гремлина, но значительно шире в плечах и с более крупными руками и ногами.

— О… а я знаю тебя! — сказал один из гномов, у него была окладистая рыжая борода и лысина, блестящая в свете фонаря.

— Меня зовут Дори и я…

— Да мы все знаем, кто ты, — махнул рукой гном, — ты тот малец, что всю Кронию спас. Тот, ради кого мы ловушку для злобной ведьмы ковали!

— Конечно, это я, — кивнул Дори.

Вокруг них собрались другие гномы, а высоченный орк присел, чтобы лучше слышать гремлина.

— Тут такое дело, — начал Дори, а потом широко зевнул и потер кулаками глаза, — извините, спать хочу… так, дело такое: происходит ли сейчас в Кронии что-то странное? Мне очень нужен подвиг, который я мог бы совершить. Очень-очень.

Гном почесал в бороде и задумчиво протянул:

— Да-а-а… малец, задачка интересная. Но я не могу вспомнить ничего для тебя интересного…

— Рогро пропал, — пробасил орк. — И еще

несколько троллей.

— Да ведьмы с тобой, — отмахнулся гном, — кому нужны эти бездельники? Они просто поняли, что их работать позовут, чего-чего, а этого они никогда не любят.

Он посмотрел на Дори и пожал плечами.

— Ничего не придумаю, извини уж, друг.

— Да ничего, — вздохнул Дори, — а может, я чем помочь смогу?

Гном открыл рот, глянул на свою тачку с углем и широко улыбнулся.

— Можешь, — сказал он, — еще как можешь! Вот видишь тачку? Поможешь ее довезти до места, а? Я буду очень рад.

«Ну вот, — подумал Дори, — опять никто не понимает, какой именно подвиг мне нужен!».

— Я не уверен, — сказал он вслух.

— Кстати, — перебил его орк, — а ведь гномы тоже пропадали.

Он, как и многие его сородичи, соображал не очень быстро и не всегда мог понять, о чем идет беседа.

— Пропадали, но тоже тунеядцы… Ну как, малец, берешь тачку? — спросил гном.

Может быть, Дори бы и отказался, но он глянул в глаза гнома и понял, что это будет некрасиво.

Так что гремлин вздохнул и покатил тачку с углем туда, куда ему указали.

А потом он так покатил следующую. И следующую…

В общем, вернулся Дори домой уже ближе к утру. Он очень устал, и ему казалось, что болят не только руки и ноги, но хвост, нос, уши и вообще все, что есть в теле гремлина.

Эрген не стал будить Дори, когда поднялось солнце, он просто поправил покрывало и оставил сына спать.

Так Дори не нашел достойного себя подвига. Он проснулся уже днем и решил дождаться удобного момента. Юный гремлин и понятия не имел, что для проявления героизма ему надо просто повнимательнее посмотреть на кое-что у себя под носом. Но, как всегда и случается, заметить проблему было нелегко.

Тем временем Коми привел еще одну группу волшебных созданий Кронии на Землю. И, благодаря чарам Крепости, они мгновенно стали его частью.

Глава восьмая

...в которой молодой Дубок набирает силу, а Коми понимает, что надо тщательнее выбирать сторонников.

Что же происходило в мире людей, пока Дори искал для себя достойный подвиг? Дубок, который совсем недавно был всего лишь желудем, уже начал расти. И потому, что почва была плодородной, и потому, что Коми не скупился, поливая его зельем. Обычно проходит достаточно времени, прежде чем росток проклюнется, а потом пробьется сквозь толщу земли, поэтому Дубок был немного удивлен, увидев солнечный свет так рано. Ему казалось, что все происходит слишком быстро, и он не сразу сообразил, что же творится вокруг.

Молодой Дубок был не простым деревцем, а волшебным, как и его отец, Огромный Дуб, и значит видел и понимал все, что происходило поблизости... Ну может не все, опыта у него было маловато, но кое-что он осознавал. Например то, что другие деревья отличаются от него. Они были молчаливы и угрюмы, не отзывались, когда Ду-

бок обращался к ним, а только тяжело и мрачно поскрипывали ветками.

Кроме того, вокруг не было других дубов. Ни простых, ни волшебных. Все осины да березки, с редкими ольхами, а еще парочка буков в отдалении.

Дубок чувствовал, что он растет не в Кронии. Он знал, что сейчас он в мире людей, а до родины, в землю которой погружены корни его отца, еще расти и расти.

В мире людей было мало магии и мало тех, с кем Дубок мог бы поговорить. Сразу же к нему обратилась Крепость, но она сама жаждала волшебства, которого он еще не мог дать достаточно. Потому их беседы не клеились. Был еще кое-кто другой, кто всегда приходил в образе человека, но Дубок видел, что это лишь маска. Этот кое-кто и поливал его зельем роста.

— Кто ты? — спросил Дубок однажды.

Незнакомец смешно упал, вытаращил глаза, а потом подскочил и сбежал. Это очень сильно расстроило молодое деревце, и он больше не обращался к своему неведомому садовнику.

Молодой Дубок не все понимал, но точно знал, что может создать уголок магии в этом мире, который почти лишен волшебства. Стоит только

чуть-чуть подрасти. И, может быть, потом у него появятся друзья, которые не станут бояться, а составят ему, Дубку, компанию. Может быть, даже Крепость сможет с ним общаться, как только магии станет достаточно… хотя здесь он не был уверен, потому что чувствовал что-то странное. Словно Крепость использовала совсем другое волшебство. Неприятное и даже горьковатое на вкус. Так что пока Дубок рос, он изучал то, что было рядом с ним. И наблюдал.

За Крепостью, за детьми, которые пока не подходили к нему близко, за животными и за птицами. Дубок еще был очень молод, но видел многое. Видел и запоминал.

Магия росла вместе с ним и медленно-медленно пропитывала почву. Со временем волшебство поселится в этом леске… но пока оно больше походило на пробегающую по поверхности пруда рябь. Или на искорки, которыми мерцают звезды до того, как появиться в вечернем небе.

Коми, как легко догадаться, и был тем самым садовником с зельем роста. Сейчас он крутился, как только мог, и порой ему казалось, что только бурлящая магия не позволяет ему свалиться без сил. Ведь ему нужно было и книги по волшебству читать, и армию собирать, и за ростом Дубка

следить… да и любителей дикой природы из виду не упускать. Хотя вот как раз о детях Коми почти не беспокоился.

Когда желудь пошел в рост, становясь Молодым Дубком, волшебство стало потихоньку проявляться и в этом мире. Получалось создать простенькие заклинания: свечу зажечь или порыв ветра вызвать… то, что в Кронии выходило словно бы самой собой, здесь удавалось сделать с большим трудом. Но Коми радовался и этому. А Крепость тем временем питалась эмоциями созданий, которых они перенесли в мир людей как залог будущей армии.

Благодаря маскирующим чарам, никто не видел в орках, кикиморах, гоблинах, троллях, гномах и остальных созданиях тех, кем они являлись на самом деле. Для всех они выглядели вполне обычными человеческими существами.

Но будущая армия оказалась недовольна.

— Ты не сдержал своего обещания! — воскликнула кикимора Гули-Юри.

Она ткнула в грудь Коми тонким длинным пальцем с обломанным ногтем.

— Ты говорил, что мы заживем, как царевны! И самые успешные жители Кронии сами от зависти лопнут, нас увидев.

Приняв облик человека, она стала выглядеть, как молодая женщина со спутанной копной блекло-рыжих волос. Лицо у нее казалось бы даже симпатичным, несмотря на длинный нос, но злобное выражение все портило. А мешковатое желтое в синий цветочек платье висело на ее тощей фигуре, как на вешалке.

Ее сестра-близнец недовольно кивала, полностью соглашаясь с Гули-Юри.

— Вы и можете жить, как царевны, кто же мешает? — ответил Коми.

— Ах ты! — кикимора враз потеряла дар речи.

— Выгнал нас на у-у-улицу! — затянула Йоли-Тори, когда ее сестра замолкла.

Теперь уже возмутился Коми. Он воспользовался тем, что в человеческом облике выше обеих кикимор, навис над ним. Но вот что сказать, гремлин понятия не имел. А сестрички ждали и еще и смотрели на него, не моргая.

— Вы не поместились бы в избушку все! — сказал он. — Что мне еще делать было? А вы теперь похожи на людей, подыщите что-нибудь…

Он говорил им это много раз. Каждый раз, как кто-то новый перемещался в мир людей, следовало удивление и шок от новой внешности. Кому-то она нравилась, но большинству — нет.

Так орк Рогро стенал из-за того, что стал таким маленьким и хрупким… а ведь с точки зрения людей он был здоровяком, каких поискать.

Другой проблемой стало то, что им всем действительно нельзя было жить с Коми. Они бы не влезли в ту избушку, какой стала Крепость, да и она сама выступала против.

«Твоя армия вся в одном месте, о великий маг, — говорила она, — привлечет слишком много внимания к нашему делу».

Потому Коми сразу предложил всем перебраться в ближайший человеческий город. Тем более что маскировка на самом деле «вписала» их в мир людей и сделала его полноправными жителями.

Но тут была другая сложность: они не знали, как им жить здесь. И не знали, что и как делать. Самого Коми кормила Крепость, хотя с магией гремлин стал нуждаться в этом значительно меньше, а вот его соратники должны были находить пропитание сами.

«Предложи им найти работу, — сказала Крепость, — для них это не так сложно».

Судьба так называемой армии пока что не волновала Крепость — ей вполне хватало их негативных эмоций, чтобы неплохо устроиться в мире людей, и этого казалось пока вполне до-

статочно.

Эти слова Коми и передал кикиморам, оркам, гоблинам, гномам и троллям. Они смотрели на него недовольно, но согласились попробовать. А потом отправились в город…

А вот тут начались неприятности другого рода. Маскировка помогала жителям Кронии походить на людей, но она не меняла их характеры. Кикиморы, привыкшие спать целями днями, закопавшись в ил, так и остались собой. Точно так же, как трусоватые и ленивые орки, которые предпочитали бездельничать ночи напролет, тоже не менялись.

Для лунных трудно было принять то, что от них ждут, что они станут бодрствовать целый день, а солнечные неожиданно поняли, что даже еда в мире людей не дается просто так.

— Вы могли бы найти работу, — повторил Коми слова Крепости.

Гули-Юри тряхнула головой, а собравшиеся за ее спиной гномы и гоблины недовольно заворчали.

— Мы нашли, — сказала кикимора, — я стала этой… кас…сиршей.

Она запнулась на незнакомом слове и глянула на сестру, которая поощрительно похлопала ее

по плечу.

— Мы обе стали, — добавила Йоли-Тори.

— А нас взяли охранниками, — поддержал их кто-то из гоблинов, то ли Крраг, то ли Дрран, то ли Бррен — Коми путался в именах.

Орк Рогро что-то пробормотал. Можно было понять, что он поддерживает остальных, но в чем именно и сам не определился.

— Так в чем же тогда проблема? — спросил Коми. — Почему вы опять стоите у меня на пороге и мешаете практиковаться в магии?

— Нас никто не любит! Люди вообще очень грубые создания, — заявила Йоли-Тори. — И пообещали оставить без… зарплаты? Это же так называется? Ну когда тебе дают деньги, и ты потом можешь что-то на них себе взять…

— Да, вроде зарплатой, — подтвердила ее сестра.

Коми почесал в затылке. Он не понимал, почему его соратники, можно сказать солдаты будущей армии, недовольны. Гремлину не приходилось сталкиваться с людьми в городе, и он понятия не имел, насколько сильно они отличались от лунных и солнечных волшебных созданий.

Дело в том, что бездельники из Кронии оставались бездельниками и на Земле. Кикиморы жутко

зевали и невнимательно проводили товары на кассе, а потом покупатели на них жаловались. Начальнику это не понравилось, и он угрожал оштрафовать сестричек, а то и вовсе уволить.

Рогро, которого наняли грузчиком, отлынивал от работы. Его уже выгнали из двух мест и пообещали, что больше никуда не возьмут. Орк никак не мог взять в толк, почему ему нужно таскать что-то, чем он пользоваться не будет.

То же самое касалось всех остальных, кого собрал в мире людей Коми. Они не любили и не хотели работать, а пошли за гремлином только из-за того, что он пообещал им счастливую жизнь и всеобщее уважение. Делать что-то ради этого они не собирались. Но если в Кронии всех их терпели, разве что изредка ругали, то в мире людей просто так жить не получалось. Нужно было выполнять какую-то работу, а не дремать в иле или греться около костра. А им всем это не подходило. Они попытались взяться за дела, но им быстро надоедало. Такого же не любили ни в одном из миров.

С достойными работниками в Кронии по-настоящему никогда не ссорились. Даже ворчливых гномов-мастеров уважали, если они изготовляли поделки высокого качества. Да что там: и самый

драчливый орк находил друзей, если всегда был готов нарубить дров или помочь дотащить тележку с овощами. С другой же стороны те, кто не любил работать, быстро теряли уважение родственников, знакомых и соседей. Самого Коми, пусть он этого и не понимал, не слишком любили за то, что он много говорил, но не так много делал. Его кузен Дори, хотя тоже обожал побездельничать и полежать на солнышке, все равно прибегал, когда его звали помочь в делах. Не всегда и не ко всем, но приходил… в то время как Коми рассуждал о том, что можно было бы сделать лучше, но сам он этого никогда не делал.

Вот теперь собранные по всей Кронии бездельники пришли требовать исполнения обещаний от Коми, когда жизнь в человеческом городе им надоела и не принесла желаемого.

— Так ты дашь нам того, чего мы хотим? — грубо спросила Гули-Юри.

— Да-да, — пробасил Рогро, — нам надоела работа. Работа — это очень скучно.

— И тяжело, — поддержал его один из гномов.

Голоса остальных недовольных присоединились к этому хору. Коми дождался, пока они замолкнут.

— Конечно, ничего я вам не дам, — фыркнул

он.

Коми сложил руки на груди и, поджав губы, осмотрел свое «войско».

— Вы выглядите жалко, — сказал он, — разве такие, как вы, смогут захватить Кронию? У меня высокие… высокие…

Коми замялся, он не мог подобрать нужное слово. Оно крутилось на языке, но мешалось в голове со всевозможными заклинаниями, которые он разучивал. Последние несколько дней гремлин не вылезал из колдовских книг, разве что Дубок полить.

«Стандарты, — подсказала Крепость, — можно еще сказать, что высокие требования».

— Стандарты, да, — радостно добавил Коми. — И требования. И стандарты.

— Да он просто лже-е-ец! — теперь длинным пальцем в него тыкала уже Йоли-Тори, сестрички были между собой похожи не только внешне, но и по характеру.

— Вы сами виноваты, — ответил Коми, отступая от нее на шаг, — я дал вам все, что нужно. Новуж жизнь, маскировку и целый мир впридачу, а что вы?

Ответом ему было злобное ворчание.

— Мы тебе покажем, — сказал один их тех трех

гоблинов, чье имя Коми все никак не мог вспомнить, а в человеческом облике они все были одинаково чернявыми и невысокими.

— Ну? И что вы мне сделаете? — спросил Коми. — А?

Ответили ему не сразу, и гремлин уже было собирался вернуться в избушку, но его остановил голос кикиморы.

— А ну стой! Мы… мы… — Гули-Юри задумалась на секунду, а потом ее лицо стало еще более озлобленным, — а я знаю, что мы сделаем! Мы сами добровольно пойдем и сдадимся правителям Кронии! Пусть уже Эрген и Тананна решают, что с нами и тобой делать.

Она снова ткнула в него пальцем, ее сестра тоже не стала долго ждать.

— Да-да, — Йоли-Тори злобно и хитро глянула на Коми, — посмотрим, что они сделают с таким колдунишкой, как ты!

Остальные поддержали ее, начали топать ногами и выкрикивать: «Все расскажем! Все расскажем!».

После этого Коми сначала испугался, а потом разозлился. Ведь они собирались испортить то, что он только начал. Ведьмы точно отнимут у него Крепость и все, что в ней есть… а потом Эр-

ген передаст ее своему ненаглядному Дори. Коми просто не мог этого позволить!

А из-за чего его соратники так-то разошлись? Просто из-за того, что им пришлось потерпеть неудобства? Коми не понимал их и злился. «Можно подумать, — размышлял он, — мне сильно нравится жить в избушке, когда Крепость ворчит над ухом и постоянно напоминает о том, что я все еще не успел сделать».

«Я не ворчу у тебя под ухом, о великий маг, — раздался в голове голос Крепости, — что до твоих соратников: успокойся, ведь они не в силах осуществить свои смехотворные угрозы. Через портал всех их проводил ты, а это означает, что без тебя они не смогут пробраться, даже если захотят».

В ее словах имелась своя мудрость, но только вот Коми не был в настроении слушать дельные советы. Ведь его задели за живое! Такого к себе отношения гремлин прощать не собирался. В душе Коми поднялась ярость на свою так называемую «армию». Он так старался, так планировал и тратил все свои силы на то, чтобы делать как можно больше, а они его не уважали и не ценили, а только требовали и требовали.

Все было почти так же, как в детстве, когда никто не хотел играть в те интересные игры, ко-

торые придумывал Коми. Но он теперь не просто какой-то там гремлин, он — великий колдун и может продемонстрировать собственный силы.

«Хватит чего-то яркого, пусть запомнят, — решил Коми, — лучше всего — огонь!» Об одном только Коми жалел: здесь, в мире людей, он способен был использовать значительно меньше магии, чем в Кронии. Но если сделать все достаточно хорошо, то его неблагодарные соратники этого не узнают. Пусть лучше считают его непобедимым колдуном.

— Огневикус! Выжигатиус! — воскликнул Коми первое заклинание, которое удалось вспомнить.

С утра он как раз читал книгу об огненной магии и представлял, как прекрасно будет ей пользоваться. Не рассчитал он только того, что Дубок рос не по дням, а по часам. Теперь он хорошо помогал в создании волшебства, особенно — так близко. Так что вся колдовская сила, слившись с яростью Коми, выплеснулась огненным потоком.

Гули-Юри успела отскочить, а вот ее сестре опалило руку, Рогро тоже зацепило, и он с воплем вылетел из огня. Орк упал на землю и принялся кататься по траве: ему казалось, что вся его одежда горит.

Пламя потухло так же быстро, как появилось, но оставило широкий выжженный полукруг на земле. Соратники Коми перепугались не на шутку.

— Ну? Все все поняли? — спросил Коми.

Ответом ему была тишина. А потом Рогро вскочил с земли и убежал, не проронив ни слова. Все-таки он был очень трусливым орком.

— Если ты так ведешь себя с нами, — сказала сквозь слезы Гули-Юри, — то нам точно ничего хорошего от тебя ждать не приходится!

Она приобняла сестру за плечи и повела ее прочь, пока Йоли-Тори укачивала обожженную руку и стонала.

За этими тремя последовали и остальные: кто бежал, кто просто уходил, то и дело оглядываясь на Коми. Один за другим они скрывались в лесу. Некоторые повторяли слова кикиморы и говорили, что им совсем не хочется иметь дело жестоким и несправедливым командиром.

Очень скоро Коми стоял перед выжженным полукругом один.

— И что мне теперь делать? — беспомощно спросил он.

«Ничего, — сказала Крепость, — мы и сами справимся, без них, ведь ты великий маг и зна-

ешь об этом».

— Да уж, — буркнул Коми и побрел к избушке.

Ему не понравилось, как просто соратники отреклись и от него, и от общего дела, но признавал, что огненное заклинание пришлось по душе своей разрушительностью. Казалось, что оно наполнило Коми такой силой, какой у него никогда не было. И это, как ему представлялось, стоило того, чтобы проучить этих бездельников. А еще гремлин был уверен, что они еще вернутся, ведь в мире людей им больше попросту некуда пойти.

Крепость же совсем не опечалилась из-за того, что волшебные существа «ушли». Пока они были в этом мире, она могла питаться их страхом, завистью и ненавистью. А этих эмоций стало значительно больше после применения Коми огненного заклинания. Все складывалось как нельзя лучше для бывшего убежища Цестинды. У нее было питание и был владелец, которым она могла вертеть, как ей только хотелось. А прочее ее волновало слабо.

Никто, ни Крепость, ни Коми, ни сбежавшие от него и его волшебства жители Кронии, не заметили Свету Шашкову, одну из юных любителей природы. Девочка наблюдала за всем разворачивающим действом, спрятавшись за деревом.

Света отбилась от остальных ребят, а потом заметила лесника и решила поговорить с ним: он казался ей интересным во многом и потому, что постоянно избегал детей, будто боялся их.

Но Света была вежливой девочкой. Она подумала, что не стоит лезть между раговаривающими взрослыми и подойти, когда они разойдутся.

Она не поняла большей части того, о чем шла речь, многое даже не расслышала, но заклинание, которое вызвало пламя, заметила. Странно было бы пропустить такое, если оно творилось прямо перед ее глазами!

Света стояла открыв рот. К счастью, никто ее не заметил. А потом девочка протерла глаза и опрометью кинулась к полянке, где обычно собирались ребята. Кончики оранжевого платка развевался на ветру как знамя.

«Я им все расскажу!» — думала Света. Света действительно не понимала, почему все ругались и спорили из-за работы, но считала, что, как бы громко на тебя ни кричали, это не повод поджигать людей.

Девочка бежала, пока не столкнулась с Шурой.

— Волча! — выдавила запыхавшаяся Света. — Я такое видела!!!

— Тише-тише, Малиновка, — ответила вторая

девочка, — что такое? От кого ты убегала? Все в порядке?

— Нет-нет! Там был огонь и фу-у-х! — Света взмахнула руками, показывая, как именно шел огонь. — А потом а-щ-щ-щ, и все разбежались! — Огонь! Лесник не просто лесник, — продолжила сбивчиво рассказывать Света. — Веришь?

— Я не очень понимаю, про что ты говоришь, — медленно начала Шура. — Но вообще много что не такое, каким кажется.

— Да-да! Волча, мне страшно, — призналась Света, — он чуть было не сжег всех дяденек и тетенек, что там были. Лесник наш. Каматаш Гребневич! Он колдун!

Шура задумчиво кивнула и посмотрела в небо, а потом сказала, обращаясь к Свете:

— В сегодняшнем гороскопе было сказано, что или пойдет дождь, или случится что-то необычное. Тучек я что-то не вижу, — она протянула Свете руку, — пошли, расскажем остальным. Все по порядку только, договорились?

— Да, — Света убрала руки за спину и хмуро глянула на Шуру, а потом добавила: — И я уже не маленькая, чтобы меня за ручку водить. Так и знай! А ты меня всего на год старше! Или на полтора… или на два…

— Хорошо, — не стала спорить Шура, — пошли к остальным.

Глава девятая

...в которой никто не верит Свете, Огромный Дуб опасается за свое будущее и обращается к жителям Кронии за помощью, а те собирают Совет-На-Заре.

— Сколько раз вам говорить, я это видела! — со слезами на глазах уверяла Света.

Она повторяла свою историю в третий раз, и все равно ее не слушали и не хотели принимать всерьез.

— У него была зажигалка, да? — спросил Женя.

— Или, может, спички? — предположил Саша. — А, сестренка?

— Не было зажигалки! И никаких спичек! Он просто махнул рукой, и сразу огонь. Я же говорила, как вы не понимаете!

Все ребята собрались на поляне: скоро им пора было садиться на автобус и возвращаться по домам, но Шура настояла на том, чтобы они сначала выслушали историю Светы. Она близко к сердцу приняла ее рассказ, потому что всегда верила в магию и волшебство. Как доброе, так и злое.

Только вот никто не торопился верить рассказу

Светы. Потому что не бывает, чтобы простые лесники поджигали людей.

— Не мог же огонь взяться из ниоткуда, — терпеливо объяснил Женя, — это антинаучно. Лиска, скажи ей!

— Евгений прав, — кивнула Алиса, а потом процитировала: — Энергия никогда не исчезает и не появляется из ниоткуда, она лишь превращается из одного вида в другой. Потому Каматаш Гребневич не мог создать огонь просто так.

— Я знаю, что я видела! — заявила Света.

— И я ей верю, — поддержала девочку Шура.

Лидеры их группы переглянулись и пожали плечами. Пусть Женя и Алиса редко могли договориться, но в этот раз и он, и она думали одинаково. Артем в разговоре не участвовал, он просто сидел на рюкзаке, а Саша бродил по поляне и то и дело взлохмачивал и без того стоящие дыбом волосы.

— Волча, ты плохо влияешь на мою сестру! — обвинил он Шуру. — До того, как начать общаться с тобой, она всякие небылицы о волшебстве не сочиняла.

Вот тут не выдержала уже Света.

— Ты же мой брат, ты должен меня защищать!

— Но Малиновка… — начал Саша, когда заметил, что его сестра вот-вот расплачется. — Пре-

крати, пожалуйста… Волча, это твоя вина!

— Я не буду на это отвечать, — гордо произнесла Шура и показательно повернулась к Саше спиной.

Света терла кулачками глаза и пыталась остановить непрошенные слезы: она сейчас ненавидела всех. Кроме Шуры. А ведь совсем недавно ей хотелось вместе с ними поехать в лес, наблюдать за птицами и вести дневник погоды…

— Когда мы уже пойдем на автобус? — неожиданно спросил Артем.

— Ты тоже мне не веришь? — накинулась на него Света.

Слезы высохли буквально за секунду: Артем ей нравился, а теперь внезапно перестал. «Неужели все, как старше становятся, превращаются в таких зануд?» — думала она.

— Я просто хочу попасть домой до темноты. Только и всего, — пожал плечами мальчик.

По поляне пронесся единый тяжелый вздох: у каждого из ребят он вырвался по разным причинам. Женя и Алиса просто очень устали за целый день, Шура и Света досадовали, что никто не верит в то, что добрый лесник вовсе не так прост, как кажется, Саша не был уверен, нужно ли ему поддерживать сестру или все-таки встать на сто-

рону науки, а Артему… Артему было в общем-то все равно.

— Ладно, — сказала Алиса и поправила очки, — давайте обсудим это завтра или по дороге домой.

— Завтра, — решительно заявил Саша.

— А что тут обсуждать? — пожал плечами Женя. — Физика есть физика, это еще Жуль Верн доказал… или Герберт Уэллс?

Он закинул свой рюкзак на плечо и направился в сторону дороги. Артем, который только этого и ждал, последовал за ним.

— Не умничай, — сурово бросила Алиса уже в спину Жене. — Волча, ты так и будешь обижаться, или мы пойдем?

Шура недовольно пробормотала себе под нос, что некоторым стоило бы меньше командовать, но послушно взяла рюкзак. Она хотела было пойти рядом с расстроенной Светой, но ее оттеснил Саша. Алиса замыкала шествие: в ее планах было не допустить нового обсуждения взявшегося из ниоткуда огня. Она приобняла Свету за плечи и сказала ей на ухо:

— Не обижайся, ладно? Давай завтра или послезавтра сходим туда вдвоем и посмотрим. Договорились?

— Угу, — кивнула Света и вытерла глаза угол-

ком своего яркого платка.

Пока подростки в мире людей размышляли верить или нет своей подруге, в Кронии как раз наступило очередное утро. Огромный Дуб уже какое-то время назад заметил исчезновение желудя, и это ему здорово не понравилось. Ведь он не планировал обзаводиться потомством так быстро. Должно было пройти достаточно лет, может пара тысячелетий, а может и того больше.

Когда Огромный Дуб понял, что желудя больше нет на ветке — он стал ждать, когда же его дитя найдется. Рано или поздно, оторванный от него будущий Дубок, должен пустить корни и начать мыслить. Начать чувствовать и воспринимать мир. И, конечно, звать своего родителя и другие деревья, что будут его окружать. А там уже отыскать его легче легкого, ведь во всей Кронии их окажется всего-то двое: малыш и его родитель.

Дуб готовился ждать годы, пока его потомок окрепнет настолько, что сумеет понять, кто он и где находится… тем больше было удивление, когда такое знакомое ощущение связи с другим деревом пришло из-за пределов Кронии. Дуб чувствовал, как из другого мира к нему тянутся корни его собрата… который просто не мог быть никем иным, как его желудем. Выросшим быст-

рее, чем это возможно.

А вот это встревожило Огромный Дуб не на шутку. Он прекрасно знал, что рост деревца можно ускорить темной магией, но вспомнил и о том, какими проблемами обернулось применение злой магии в прошлый раз, когда собрат-Дуб в другом мире поддержал Цестинду в ее намерениях разрушить спокойную жизнь Кронии. Определенно, волшебство, которое сначала отняло драгоценный желудь Огромного Дуба, а потом помогло ему вырасти быстрее обычного, еще и на Земле, было недобрым.

Дуб боялся, что стоит его потомку добраться корнями до его корней — младшее дерево вмиг высосет всю магическую силу, чтобы окрепнуть и подрасти еще быстрее. Ведь темная магия не учит умеренности. И если такое случится, то волшебству Огромного Дуба придет конец, а значит и магии, что питает Кронию, тоже. Начнут угасать волшебные огоньки, деревья не будут такими пышными, а погода — такой приятной. Ведьмы утратят свои силы, пегасы перестанут летать, да и феи не смогут легко порхать по облачкам. Кронии просто исчезнет, развеется, как туман, без своей магии.

Пусть Огромный Дуб и не любил вмешивать

в свои дела прочих волшебных существ, но сейчас у него не было выбора. Опасность грозила не только ему, но всему их миру. Потому он послал птиц-стражей с сообщениями для Эргена и Тананны, чтобы правители Кронии собрали Совет-На-Заре и сообща нашли решение, пока молоденький Дубок не вырос достаточно и не сгубил их всех. Огромный Дуб не сомневался, что его потомок, науськиваемый темным магом, именно это и сделает.

«Эх, — думал Дуб, — не стоило выращивать желудь так рано, нет бы подождать пару тысяч лет, пока готов не буду». Стоило птицам, в которых воплотились души доблестных защитников Кронии, обратиться к Эргену и Тананне, как те без лишних проволочек созвали Совет-На-Заре…

Это был не первый раз, когда жители волшебной страны Кронии, лунные и солнечные, собирались вместе, чтобы решить важные для всех вопросы. Этот Совет действительно собирали на заре: тогда, когда дневные существа только-только просыпаются, а ночные — готовятся отходить ко сну. Пусть это время не было ни для одних, ни для других слишком удачным, но так они, по крайней мере, могли обсудить проблемы сообща. Обычно мелкие общие вопросы прави-

тели решали между собой, но теперь опасность была значительно больше, и они не имели права принимать решения, не обсудив их со своими поданными.

На Совет-На-Заре явились пусть не все жители Кронии, но многие, и, конечно, пришли представители самых старших и уважаемых семейств: здесь были кентавры и орки, гоблины и эльфы, гномы и кикиморы, гремлины и ведьмы — все-все народы, что существовали в их мире. Бабочки с девчачьими лицами нервно взмахивали крыльями, грифоны переминались с лапы на лапу и недовольно порыкивали, а драконы выдыхали тонкие струйки дыма… Эрген и Тананна восседали на изукрашенных креслах, возвышающихся над собравшимися.

— Жители Кронии, — начал Эрген, и его голос заставил умолкнуть ропот толпы, — мы собрались здесь по множеству не очень радостных причин.

— Братья и сестры, — продолжила Тананна за своим правящим коллегой, — сегодня нам с вами предстоит решить, как мы встретим очередную напасть, что готова разрушить мирную жизнь нашей родины.

После этого им пришлось еще немного подо-

ждать, пока уляжется волнение.

— Совет-На-Заре давно нужно было провести, — снова взял слово Эрген, — как многие из вас слышали, один за другим пропадают жители Кронии. Никто не придает этому значения, но сейчас выяснилось, что исчезли слишком многие…

Из толпы раздался чей-то голос:

— Так пропадают же лентяи!

Его поддержали другие, но они замолкли, стоило Тананне сурово свести брови, а Эргену хлопнуть по подлокотнику кресла.

— Лентяи или нет, но они — жители Кронии, — сказал он. — Наши сородичи. Мы не можем игнорировать то, что их с нами больше нет.

В толпе снова раздались шепотки, но никто больше не спорил: все согласились с тем, что, какими бы надоедливыми и бесполезными не были пропавшие, они оставались чьими-то родными и близкими.

— Нужно организовать поиск, — предложил старший из кентавров, его седые волосы и борода достигали самой земли, а в лошадином хвосте поблескивали белые прядки.

— Мы поможем, — поддержал его стоящий рядом эльф.

Тут же нашлись другие добровольцы, как дневные, так и ночные. Все готовы были отправиться на поиски пропавших прямо сейчас, но Эрген прервал их, подняв руку.

— Может оказаться, что вы не найдете их в Кронии, — заявил он.

Все, кто был на поляне, враз затихли и замерли, ожидая, что же их правители скажут дальше. А заговорила молчавшая до того Тананна.

— Мы подозреваем, что их нет в нашем мире, — сказала она и грустно покачала головой, — думаю, все здесь помнят недавнюю грозу. Ее создали силы злой магии… злой магии, что осталась от моей предшественницы…

На самом деле, об этом слышали многие из собравших на сегодняшний Совет-На-Заре, кое-кто даже помогал в поисках крепости Цестинды. Но сейчас никто не перебивал Лунную Правительницу. А Тананна снова покачала головой и продолжила:

— Магический арсенал Цестинды, ее волшебное убежище, осталось целым. Мы перестали его ощущать… — при этих словах другие ведьмы закивали, — и потому решили, что угроза исчезла сама собой. Но это была ошибка, арсенал Цестинды не уничтожен. Более того, есть основания

полагать, что у него появился новый владелец… или владелица…

Какой же шум поднялся после этих слов! Война ушла из Кронии совсем недавно, особенно по меркам жителей волшебной страны, для которых тысяча лет — это как раз достаточный возраст, чтобы жениться. Теперь же, когда они узнали о том, что кто-то завладел оружием Цестинды, и лунные, и солнечные были до смерти напуганы. Никто не хотел, чтобы дни мира в Кронии закончились, толком не успев начаться.

— Успокойтесь! — в один голос крикнули Эрген и Тананна.

Этот призыв, усиленный магией, пронесся над поляной и отдался эхом в ушах каждого из собравшихся. Волшебные создания снова утихли на миг или два, а потом посыпались вопросы.

— Что нам делать? — спрашивали феи.

— Как мы будем сражаться? — интересовались орки.

— Нам опять придется ковать оружие? — беспокоились гномы.

Драконы едва сдерживали рвущееся из глоток пламя, а гремлины испуганно прикрывали головы ладошками. Высокий и прекрасный птичий крик, больше похожий на песню, заставил всех

замолкнуть и посмотреть в уже начавшее светлеть небо. Оттуда к ним спланировала одна из птиц-стражей Огромного Дуба. Она опустилась на спинку кресла Эргена и развернула крылья.

— Есть и более страшная беда, — сказала птица глубоким и полным мудрости голосом. — С Огромного Дуба был похищен волшебный желудь… похищен и перенесен на Землю, в мир людей, где раньше укрывалась Цестинда.

Жители Кронии опять принялись обеспокоено переговариваться, но замолчали, стоило только заговорить Солнечному Правителю.

— Да, — подтвердил Эрген, глядя на стража, — это еще один вопрос, к которому мы не успели подобраться. И он тоже важен.

— Благодаря черной магии, Молодой Дубок растет очень быстро и скоро его корни коснутся корней Огромного Дуба, — продолжила говорить птица. — Кто знает, что случится после этого? Возможно, соперник отберет волшебство у нашего мира.

После этих слов наступила настолько оглушительная тишина, что стало слышно далекий птичий щебет — утро вступало в свои права все больше и больше.

— Очевидно, что наши проблемы связаны, —

спокойно сказала Тананна, — новый хозяин волшебной крепости Цестинды похитил желудь Огромного Дуба, бежал в мир людей и теперь растит Молодой Дубок там. У него есть магия… он же похищает для своих злых козней жителей Кронии и завлекает их на Землю.

Юная гремлинша, которая стояла в окружении своих родственников, неуверенно вышла вперед и спросила:

— Но… зачем они ему? Я переживаю… понимаете, мой братик Коми тоже пропал. Что, если он попал в руки этому злобному колдуну? Или новой ведьме? Что с ним будет?

Эрген вздохнул и поскреб в бороде, а Тананна очень мягко и ласково улыбнулась гремлинше.

— Не переживай, милая, — сказала она, а потом возвысила голос, обращаясь к собравшимся: — Не волнуйтесь, братья и сестры! Кого бы вы не потеряли, скорее всего, они живы. В мире людей нет волшебства, а для питания крепости Цестинды оно необходимо, как и для всех заклинаний, что накладывает неведомый колдун. Это значит, что они пользуются эмоциями похищенных жителей Кронии.

— Мы вернем тех, кто исчез, всех до единого, — добавил Эрген.

— Но как вы это сделаете? — спросила гремлинша.

— Давайте просто отправимся в мир людей и спасем пленников, — предложил один из орков.

Сородичи поддержали его тихим ропотом.

— Нет, нужно дождаться удобного случая и воспользоваться магическими артефактами, — внес свою лепту в обсуждение гномий мастер.

Поступали и другие предложения, хотя лунные жители все больше молчали, устало зевая. Солнце поднималось над горизонтом, а Совет-На-Заре затягивался.

— Но что будет с нашим Дубом? — внезапно спросил кто-то из дриад.

— И с волшебством, что он обеспечивает, — поддержали ее обеспокоенность ведьмы, — ведь без него Крония погибнет!

Все снова загалдели, пытаясь перекричать друг друга. Попытки успокоить их со стороны Эргена и Тананны оказались безуспешны. Для существ, чья суть сама магия, страшно представить потерю волшебства.

Тишина наступила, когда раздалось пение птицы-стража. Еще одна из них спикировала с рассветного неба, но приземлилась уже на спинку кресла Тананны.

— У меня есть сообщение от Огромного Дуба, — сказала вторая птица, — он передает: «Я знаю, что можно сделать. Нужно срубить этот новый Дубок, и тогда все проблемы решатся».

Поднявшийся после этого шум нельзя было описать словами: волшебные создания Кронии кричали и визжали, топали ногами, свистели и стучали рогами… а правители не спешили их успокаивать. Никто не хотел смерти молодому волшебному деревцу, но угроза слишком велика.

Постепенно жители Кронии осознали что выбора нет, и замолчали. Очень скоро тишина словно бы поглотила всю поляну, на которой собрался Совет-На-Заре.

— Это решит все проблемы, — отметил Эрген.

— Без второго Дубка у крепости Цестинды рано или поздно закончится магия, — добавила Таннанна, — а тогда можно будет освободить всех похищенных из Кронии.

Лунные и солнечные кивали, то и дело тяжело вздыхая. Предложение Огромного Дуба было разумным.

— Если так нужно, — раздался наконец скрипучий голос гномьего мастера-кузнеца, — то для нас будет честью создать магический топор, которым можно совершить этот подвиг.

— Придется только найти героя, — поддержал его кентавр. — Того, кто срубит Молодой Дубок и положит конец магии Честинды раз и навсегда

— В таком случае мы точно знаем, к кому обратиться, — сказала Тананна и посмотрела на Эргена.

Правитель солнечных кивнул. Пришло время для его сына, Дори, снова защитить Кронию и срубить Молодой Дубок, который угрожает благополучию их мира.

Пока шел Совет-На-Заре, Дори дремал: он опять не выспался, занятый поисками идеального подвига и теперь попросту уснул, свернувшись клубочком у камня. Юный гремлин пропустил все обсуждение. Иногда он поднимал голову, когда вокруг начинался особо громкий шум, а потом снова ронял ее, и продолжал видеть счастливые сны о Лори.

Но когда собравшиеся начали скандировать его имя спать стало совершенно невозможно. Дори не совсем понимал, что происходит, но вскочил и удивленно оглянулся.

— До-ри! До-ри! — кричали эльфы.

— До-ри! До-ри! — пищали феи.

Его имя повторяли орки, тролли, другие гремлины, ведьмы… даже драконы и две птицы, все

так же сидящие на спинках кресел правителей Кронии.

— Чего вы от меня хотите? — испугался Дори.

— Ты искал подвиг, — обратился к нему Эрген, — но подвиг нашел тебя. Ты наш герой, сын, ты наш чемпион. Тебе и предстоит срубить Молодой Дубок, что вырос в мире людей, благодаря темной магии.

— Именно ты положишь конец нашим страхам, — сказала Тананна, — победишь зло раз и навсегда. Благодаря тебе убежище Цестинды не будет угрозой для нас, как и его новый владелец.

— Что? — открыл рот Дори. — Нет-нет, только не это! Я не хочу опять отправляться туда!

Он судорожно схватился за хвост и мелко задрожал.

Наш герой действительно искал достойный себя подвиг, но он и подумать не мог, что отыщется что-то такого рода. Мир людей Дори не нравился и он не хотел отправлять туда вообще никогда.

— Неужели больше некому? — спросил он.

Его имя уже не скандировали, но смотрели, не отрываясь.

— Ты самый опытный, — сказал Эрген.

— И ты наш герой! — заявил один из гремлинов.

— Герой! Герой! Герой! — поддержали криками остальные собравшиеся на поляне существа.

Дори зажмурился и ущипнул себя, а потом снова открыл глаза: никто не торопился исчезать, как дурной сон.

— Ладно, ладно! — замахал руками Дори. — Хорошо, но прекратите кричать. Я понял…

— Не ты ли разыскивал подвиг? — обратился к сыну Эрген, премудрый Солнечный Правитель выглядел сурово, восседая на своем месте, а нахохлившаяся птица-страж на спинке кресла придавала ему важности.

— Теперь ты прибавишь еще одну легенду к тем, что уже окружают тебя, — добавила Тананна.

— К тому же, — с некоторой хитринкой продолжил Эрген, — это может помочь тебе и в любовных делах.

О последнем Дори уже и сам успел подумать, но все равно новый подвиг казался ему слишком опасным предприятием. Гремлин искал для себя что-то полегче и попроще, чтобы не пришлось бояться и душа в пятки не уходила бы… но теперь у него просто не оставалось выбора.

— Хорошо, — сказал Дори и решительно выпрямился, выпуская из рук хвост. — Я согласен. Я срублю Молодой Дубок и спасу Кронию, потому

что не могу иначе! Ведь я герой двух миров!

А потом все, кто присутствовал на Совете-на-Заре, разразились радостными криками и аплодисментами. Они приветствовали своего спасителя и героя Дори… который на самом деле был сейчас очень и очень напуган. Но он подумал о том, как на известие о подвиге отреагирует Лори, вдруг она окажется против путешествия Дори за пределы Кронии? Тогда он подыщет другой подвиг, и все будет хорошо. Мысль об этом очень утешила Дори. Он собирался первым делом, как разойдется Совет-На-Заре, пойти к Лори и дождаться ее просьбы никуда не уходить. Ведь он же ее Настоящая Любовь и должна за него переживать.

Глава десятая

...в которой все поддерживают Дори и верят в него и его смелость, но герой этому совсем не рад.

Сразу после Совета-На-Заре Дори помчался к Лори. Наверняка его Настоящая Любовь уже все знала: многие наблюдали за Советом-На-Заре через специальные магические экраны. В плоский зачарованный поднос, какой находился в каждом доме, наливалась вода, и в ней можно было видеть, что происходит на поляне Совета. Так что все-все жители Кронии слышали о том, какой подвиг предстоит совершить их герою.

Дори надеялся, что гремлинша будет против затеи с Молодым Дубком. Лори настойчиво повторяла, что хочет подвига для Кронии, но такого, чтобы она могла его видеть. А если герой отправится в мир людей, то как его Настоящая Любовь сможет наблюдать за свершением подвига? Значит, Лори начнет Дори отговаривать, просить не покидать Кронии... а там он тяжело вздохнет, посетует на несправедливость мира, но на самом деле будет очень рад, ведь ему не придется

рисковать собой и совершать такое страшное путешествие!

Пусть Дори в глубине души понимал, что вряд ли Лори действительно будет против этого героического поступка, но очень сильно надеялся.

По дороге к дому своей Настоящей Любви Дори несколько раз задержали. В первый раз его остановили еще до того, как он успел покинуть поляну, где собирался Совет-На-Заре. Это были маленькая феечка и тот самый гном, которому Дори недавно ночью помогал таскать тележки с углем

— Мы все-все слышали! — пропищала феечка. — Дори — великий герой, и он снова идет совершать подвиги!

— У-у-ух! Уважаю тебя, малец, — добавил гном. — Рад небось?

— Да, наверное, — неуверенно ответил Дори.

— А ты правда пойдешь в мир людей? — спросила феечка.

— Если моя невеста будет против, то не пойду, — серьезно ответил Дори.

Гном рассмеялся и хлопнул Дори по плечу:

— Уверен, она не будет! Должна же понимать, что герои без подвигов не могут, а?

Он широко зевнул и сказал устало:

— Ладно, пойду я. Этой ночью нам, гномам, предстоит серьезная работа. Надо выковать специальный топор. Мы постараемся, чтобы он оказался достоин того, кто его использует, — при этом гном подмигнул Дори.

— А что если это буду не я? — на всякий случай спросил гремлин.

— Как это не ты? — удивился гном. — Я тогда очень удивлюсь.

— Не надо быть таким скромным, — к ним подошел старший кентавр, Дори едва доставал макушкой до его лошадиного живота.

— Ты самый важный гремлин в Кронии! — сказала феечка. — И ты самый лучший герой! А теперь, извини, но мне тоже пора лететь!

И она, и гном ушли еще до того, как Дори успел рот раскрыть. Он тяжело вздохнул и опустил голову.

— Не расстраивайся, юный гремлин, — медленно произнес кентавр, — твои заслуги не будут забыты и твою миссию не отдадут никому другому. Можешь быть уверен, что именно ты отправишься в мир людей, чтобы свершить великое деяние!

Он взмахнул хвостом и неспешным шагом отправился прочь, а Дори чувствовал, что вот-вот

сядет на землю и расплачется. Гремлин никак не мог взять в толк, почему это все вокруг считают, будто он очень рад? Ведь ему снова отправляться в полный опасностей мир людей и сражаться со злой магией, в которой он ничегошеньки не понимает.

Второй раз по дороге к домику Лори нашего героя остановили восторженные кузены и кузины. Они собрались на мосту, через который Дори надо было обязательно пройти, и радостно приветствовали своего родича.

— Ты лучший! — сказала кузина с каштановой шерстью.

— Ты настоящий герой! — добавил маленький светленький кузен.

— Ты спаситель Кронии! — вторили им другие.

— Ура Дори!

— Ты — победитель несправедливости!

— Наш защитник!

Дори приосанился от их похвал, а потом вспомнил о том, почему именно он собирался отказаться от всей этой затеи, и его плечи сразу поникли. Очень уж страшно было снова отправляться в другой мир, хотя и не хотелось расстраивать кузенов и кузин, которые с таким восторгом на него сейчас смотрели.

— Да, я герой и я могу победить все зло, что существует в двух мирах! — сказал он, а потом добавил: — Пропустите меня, я иду к своей невесте.

Кузены и кузины послушно расступились, и Дори снова помчался к Лори, не жалея своих уставших ножек.

Его останавливали еще один или два раза, чтобы поздравить, пожелать удачи и рассказать, как все рады, что в Кронии есть настоящий герой. Каждый раз Дори кивал, но не переставал надеяться, что Лори окажется против его путешествия. Когда он добрался до ее дома, было уже позднее утро.

Дори еще не успел дойти до калитки, как Лори выскочила ему навстречу. Гремлинша выглядела взволнованной и размахивала хвостом из стороны в сторону.

— Дори! Я смотрела весь Совет-На-Заре! — сказала она сразу же, только потом спохватилась и добавила неуверенно: — Доброе утро.

— Привет Лори, — неловко ответил Дори, у него опять все мысли из головы словно ветром сдуло.

— Хочешь зайти? — спросила Лори. — Мы завтракаем как раз… родители будут рады и сестрички мои тоже.

— Да, конечно! — Дори обрадовался тому, что не

нужно пока ничего говорить, а за едой глядишь что-то в голову и придет.

Семья Лори завтракали блинчиками с малиновым вареньем и свежей земляникой. Младшие сестрички возлюбленной Дори, точно такие же черненькие, как и она, то и дело пытались стянуть друг у друга ягодки: им казалось, что на чужой тарелке все и всегда вкуснее, а родители Лори были слишком заняты гостем.

— Это серьезный поступок, — покачала головой мама Лори, — нешуточна ответственность. А не просто подвиг!

— Да что там, — проворчал папа Лори и взял еще блинчик, — он ведь герой, дорогая, ему все по плечу. Верно, Дори?

— Да, я герой, но… — начал Дори.

— Ну вот и замечательно, — не дослушал его старый гремлин, — хорошо, что у нас когда-нибудь будет такой зять.

— Зять? — ухватился за слово Дори. — Значит, вы не против нашей с Лори свадьбы?

— Эй! — возмутилась будущая невеста. — Я еще не согласилась!

— Конечно-конечно, — закивал папа Лори, — но ты же и не против, да?

Дори посмотрел на возлюбленную, и она сму-

щенно улыбнулась.

— Прекратите, — перебила их мама Лори, — они все еще слишком молоды… слишком…

Взрослая гремлинша наконец-то заметила, что делают ее младшие дочери и цыкнула на них. Малышки захихикали, но принялись чинно есть каждая со своей тарелки.

— Да ладно, — проворчал папа Лори, — они любят друг друга, а уж если Дори по плечу будет такой важный подвиг, как третье путешествие в другой мир, то я думаю, он и с семейной жизнью справится.

— Если так, то ладно, — согласилась мама Лори.

Все слова, какие только собирался сказать Дори о том, что он не уверен, стоит ли ему идти в мир людей, так и застряли в горле.

— Но смелость ничего не показывает, — продолжила мама Лори. — То, что Дори ничего не боится, еще не значит, что он взрослый.

— Я боюсь! — пискнул Дори.

После этого даже сестрички Лори перестали пинаться под столом, а уставились на него. Возлюбленная Дори и ее родители и вовсе, казалось, и дышать перестали.

— Я правда боюсь! — продолжил юный грем-

лин. — А вдруг я не справлюсь? А вдруг этот колдун или колдунья меня убьет? Или еще что-то ужасное случится?

— Ох… — выдохнула Лори.

Ее мама поднялась со своего места и подошла к Дори. Она обняла его за плечи и сказала:

— Вот теперь, милый, я не сомневаюсь. Ты не просто герой без страха, ты — настоящий смельчак. Ты собираешься идти навстречу тому, чего боишься. И делаешь это ради Кронии и всех нас.

— Значит решено, — улыбнулся папа Лори, — как только ты возвращаешься из похода, сразу играем вашу свадьбу.

Младшие сестрички Лори захлопали в ладоши, а Дори посмотрел на свою возлюбленную, но увидел восторг в ее взгляде и передумал что-то говорить. Теперь-то она точно не станет отговаривать его от подвига.

В то время, пока Дори сомневался в том, будет он совершать подвиг или нет, в мире людей тоже происходили важные события.

Никто в Кронии не знал, что за Советом-На-Заре наблюдали те, кому бы делать этого не стоило. Крепость и Коми дала возможность посмотреть, что затевают его сородичи. Конечно, она показала гремлину не все: пусть и очарованный темной

магией, но он до сих пор оставался не слишком злым волшебным созданием. Коми мог бы догадаться, что Крепость только использует его и отказаться давать ей силы, а то и побежал бы назад Кронию сдаваться правителям.

Из-за этого через поднос, который использовался для наблюдения за Советом-На-Заре, Коми удалось увидеть и услышать не все. Он мог рассмотреть собравшихся, слышал часть обсуждения, но многие-многие слова Крепость заменяла шумом или тишиной.

— Что это? — спросил Коми. — Почему я их не слышу?

«Это неполадки связи между мирами, о великий маг, — без запинки соврала Крепость, — но, поверь мне, ты не теряешь ничего ценного».

Восхваление Дори она пропускать не стала. Даже усилила и добавила эхо, чтобы Коми слышал в два раза больше приветственных возгласов, чем их было на самом деле. Легко догадаться, что до конца завистливый гремлин даже не дослушал.

— Они отдадут волшебный топор ему? Ему?! — взревел он и ударил кулаком по краю подноса.

Со звонким «бамс!» поднос перевернулся и полетел на пол, вода расплескалась, и связь между мирами прервалась.

«Что важнее, — подлила масла в огонь Крепость, — они хотят срубить Молодой Дубок, помешать нам… тебе получить то уважение, которого ты заслуживаешь».

— Да как они посмели?! — Коми метался по всей избушке, он наталкивался то на лавочку, то на кровать, то врезался в полки…

Несколько склянок с зельями упали, книга по магии тоже полетела на пол, но Коми этого не замечал. Он был в ярости из-за того, что Дори снова его обошел. Как могло случиться, что этому гремлину опять доверили магическое задание? И какое? Уничтожить его, Коми, труды! Не для того он старался…

«Не для того ты старался», — вторила Крепость.

Она нашептывала в мысли Коми, что он просто обязан сокрушить Дори, не позволить ему не только срубить Дубок, а и вовсе проникнуть в мир людей.

«Кронния предала тебя, — говорила Крепость, — все ее жители предпочли твоего кузена, а ты остался не у дел. Никто никогда тебя не любил».

— А как же моя сестренка… — припомнил Коми, но у Крепости был ответ и на это.

«Ты видел ее, — безжалостно сказало воплоще-

ние злой силы Цестинды, — видел на Совете-На-Заре. Она была там, она обращалась к Эргену, о великий маг, она тоже готовилась уничтожить тебя! Все жители Кронии желают твоего поражения, и даже смерти».

Не будь Коми не взводе, он бы задумался о своей сестре и понял, что не слышал ее слов во время Совета-На-Заре, но сейчас гремлин просто не мог этого сделать. Слишком зацепило его то, как восхваляли Дори.

Коми учился магии так быстро, насколько мог, он устал, волшебные формулы мельтешили перед его глазами. Единственным собеседником и другом была Крепость, потому ее слова, в которых не так давно он бы усомнился, сейчас представлялись Коми единственной истиной.

Когда приступ ярости ушел, Коми остановился посреди избушки и обхватил себя за плечи.

— Что же мне делать? — спросил он.

«Я помогу тебе, мой дорогой, драгоценный великий маг, — ответила Крепость, — но ты должен следовать моим инструкциям в точности».

— Да, — кивнул Коми, — как и всегда. Мы победим, верно?

«Да. Мы победим», — прошелестела Крепость.

Ей нравился страх Коми, она питалась им и

собиралась делать это максимально долго. Крепость решила, что, когда они расправятся с Дори, можно будет придумать для Коми другого врага. А там он и сам станет злым, и вот тогда-то у нее всегда будет источник негативных эмоций.

В то же время Дори, конечно, и знать не знал про готовящийся заговор. Он брел к себе домой, размышляя о том, как сильно не хочет совершать новый подвиг. Юный гремлин думал, что, возможно, стоит подождать до тысячного юбилея и уже тогда думать о свадьбе. Всего-то ничего осталось: двести семьдесят пять лет.

— Но я же не могу ее расстроить, — сказал сам себе Дори, когда вспомнил восторг на лице своей любимой, стоило ее родителям заговорить о подвиге.

Дома юного гремлина поджидал Эрген, который дремал на солнышке после утомительного Совета-На-Заре. Дори собирался тихонечко прокрасться мимо отца, но тот проснулся.

— Иди сюда, сынок, — позвал он.

Пришлось идти к нему и садиться на траву рядом. Дори подумал, что сейчас, наверняка, будет еще одна головомойка. Ему выговорят за поведение во время Совета-На-Заре или, может, Эрген поручит очередную работу по дому. Но подобного

не случилось.

— Я горжусь тем, что ты мой сын, — от этих слов отца у Дори аж кисточка на хвосте распушилась.

— С-с-спасибо, — сказал он.

— А еще, я подумал, — продолжил Эрген, — что зря запретил тебе и Лори пожениться. Тут от твоей мамы письмо пришло, она сказала, что я зря мешаю Настоящей Любви.

Дори просто поверить не мог в свое счастье. В один день и родители Лори передумали, и его собственные разрешение дали! Только вот подвиг все усложнил.

— А если я не отправлюсь на Землю? — спросил Дори тихонечко.

— Ну значит не отправишься… только подумай хорошо. Топор-то уже под тебя делают.

— Но па-а-ап, — горестно вздохнул Дори.

— Никаких «но», — ответил Эрген, — разве Лори не станет тобой гордиться после такого-то важного подвига, а?

С этим не поспоришь. «Дался всем этот подвиг! — рассердился Дори. — Можно подумать, мало того, что я уже дважды Кронию спас! Да и не только Кронию».

— Я же уже доказывал всем, что я герой, — вслух сказал Дори.

— Что же… сынок, — развел руками Эрген, — ты так часто хвастался своими подвигами и так их приукрашал, что все и поняли: другого героя в нашем мире просто не сыскать. Если бы был поскромнее и рассказывал, как всего боялся, глядишь, нашли бы, кем тебя заменить.

— То есть, это я сам виноват? — хлюпнул носом Дори.

— Это ты мне скажи, — улыбнулся в бороду Эрген. — А теперь, я думаю, тебе стоит пойти и отдохнуть. Сегодня никакой работы, тебе ведь отправляться в мир людей, а там непросто придется.

— Совсем-совсем никак отменить не получится? — на всякий случай спросил Дори.

Эрген потянулся и пожал плечами.

— Ну почему же? — спросил он. — Если придумаешь причину, то получится. Но, сынок, ты что, позволишь злой магии разрушить нашу прекрасную Кронию? Это же и твой мир тоже.

— Конечно, я не позволю, — сказал Дори, а потом спохватился: — Но, может, кто-то другой все-таки, а?

— Подумай до захода солнца, — предложил Эрген и закрыл глаза.

Так что Дори оставалось только пойти домой

отдыхать. До вечера наш бравый герой думал о том, какие причины могут помешать путешествию в мир людей. Он думал так напряженно, что аж голова разболелась.

Дори пошел гулять в лес и к реке. Он бросал камушки в воду и наблюдал за тем, как птицы учили птенцов летать. То и дело приходил кто-то из дневных жителей Кронии и снова начинались поздравления и уверения в том, что они не сомневаются в Дори и его способностях. А кто-то еще и спрашивал, какую свадьбу он хочет устроить: слухи разлетались быстрее ветра.

Но ближе к закату мысль о том, как избежать сложного задания, пришла Дори в голову. Обдумав ее как следует, Дори вприпрыжку помчался к Эргену.

— Я понял, в чем проблема! — сказал он отцу, влетев в дом. — Как мне уйти из Кронии, если никакого Дуба в другом мире нет?

Юный гремлин был очень рад, что удалось отыскать такой хороший повод никуда не отправляться, но Эрген улыбнулся и спросил у сына:

— А как, по-твоему, в мир людей попало убежище ведьмы и тот неизвестный колдун?

— Я не знаю, — махнул хвостом Дори. — Это разве важно?

— А если подумаешь, мм-м?

Дори пожал плечами и вздохнул: он не знал, как еще можно путешествовать между мирами, кроме как по корням Огромного Дуба. В прошлый и позапрошлый раз он делал именно так. И ему, если честно, вовсе не понравилось.

— А я тебе отвечу, — сказал Эрген, — с помощью магии открываются порталы. Вот в один из них ты и пройдешь. Это немного страшнее, но ты же Дори, великий и бесстрашный герой. Верно?

При этих словах лицо Дори перекосилось, но просто так сдаваться он не собирался. Уж если решил найти повод остаться дома, он так и сделает.

— Но я же не колдун, — сказал юный гремлин, — я не умею открывать порталы, а значит, перебраться не смогу. Этот подвиг должен совершить кто-то, у кого есть магические силы!

— Совсем необязательно, — ответил Эрген, — ведьмы распахнут для тебя двери. Не волнуйся, без подвига не останешься.

— Да я не волнуюсь, — заверил Дори.

— Ну и отлично, — подвел итог его отец.

— О… а как я домой вернусь?

— Ох, чуть не забыл, — сокрушенно ответил Эрген. Ты сообщишь через медальон об оконча-

нии миссии. Вот ведьмы и узнают, что тебя пора забирать. Не волнуйся ни о чем.

Дори тяжко вздохнул и ответил:

— Не буду волноваться.

— А теперь ложись спать, — добавил Эрген слегка сурово, — за ночь гномьи мастера скуют волшебный топор, а с утра ты отправишься в портал, потом — прямиком к Молодому Дубку, сможешь его срубить и спасти Кронию. А уже после этого мы все подумаем о свадьбе.

— Но… — начал Дори.

— Ты будущий Солнечный Правитель Кронии, — не дал ему договорить Эрген, — на тебе большая ответственность. Раз уж пообещал, то выполняй.

Он потрепал Дори по голове и ушел в свою комнату, а юный гремлин опять очень тяжело вздохнул и побрел к себе. Эту ночь он проворочался без сна, представляя, какие новые ужасы будут поджидать его за пределами родной Кронии.

Пока Дори не мог уснуть, у гномов кипела работа: они ковали волшебный топор. Обычно в мир людей трудно пронести зачарованные вещи. Разве что совсем личные, например, медальон Дори. Тюрьму для Цестинды, волшебный ларец, необходимо было ковать человеческому куз-

нецу по чертежам гномов, но сейчас все было по-другому.

Путешествие по корням волшебных дубов проще и безопаснее, порталы могут быть ненадежными или случайно открыться не там, где хотелось бы. К тому же, в них очень много плохого. По сути, они похожи на дырочки в ткани между мирами и нельзя, чтобы их стало слишком много, а то один мир просто провалится в другой и от этого будет горе жителям и того, и другого. Но хорошее в порталах то, что они позволяют проносить магические артефакты.

Так что гномам не надо было ломать голову над тем, как сделать чертежи волшебного топора понятными для людских кузнецов: они могли просто сковать его сами.

Все народы Кронии любят свою работу, как для дриад нет ничего важнее их ненаглядных деревьев, так для гномов-кузнецов нет в мире более прекрасной вещи, чем сделанные на славу инструменты или поделки. В каждую вкладывают душу.

Волшебный топор, который предстояло получить Дори, был не только острым и крепким, но и красивым. Его почти черную рукоять украшали мелкие узоры и завитки, в которых можно

было рассмотреть героическую историю победы маленького гремлина над чудищами, острейшие лезвие изгибалось полумесяцем, а в навершии топора сиял яркий сапфир. Он действительно сиял в темноте, бросая голубоватые блики на стены пещеры, в которой располагалась гномья кузница. И, если прислушаться, можно было расслышать мелодичную песню или тихий-тихий звон, что издавал волшебный топор. Этот прекрасный инструмент был сделан небольшим и легким, специально под стать гремлину, который будет им пользоваться. Гному закончили его как раз к утру и без сил попадали прямо в кузнеце: их часть работы завершилась, теперь дело было уже за Дори.

А наутро великий герой двух миров еле-еле выполз из-под одеяла. Он надеялся теперь, что гномы не успели быстро сковать топор, и потому подвиг не надо будет совершать вот прямо сейчас. К его огромному сожалению, за порогом дома уже поджидала делегация с Тананной во главе.

Сородичи обнаружили спящих кузнецов и готовый волшебный топор. Они доставили его из подгорных мастерских на поверхность, а там уже его подхватили ведьмы с вивернами и по воздуху доставили к дому Дори на самом рассвете.

— Великий и могучий герой, — сказала Танан-на, когда юный гремлин вышел за двери, — прими этот волшебный дар и будь светочем, что победит темную магию.

Она протянула топор, и Дори, словно во сне, взял его, зачарованный блеском сапфира. Когда тяжесть магического артефакта легла ему в руки, гремлин окончательно понял, что он влип.

Глава одиннадцатая

...в которой Дори направляется в мир людей, а козни Коми оборачиваются против самого колдуна.

После того как топор оказался в его руках, Дори понял, что никуда ему не деться. Подвига не избежать. Причем отправляться придется не по безопасным корням Огромного Дуба, а через магический портал! И еще неизвестно, что находится по ту сторону: а вдруг сам колдун или созданные им монстры? А может, там снова зима, и все засыпано снегом.

— Мне нужно подготовиться и собрать вещи! — сказал Дори ведьмам.

— Конечно, мы подождем, — кивнула Тананна и сурово посмотрела на других ведьм, которые начали было позевывать. — Ступай к яблоневым садам, где все еще сильны отголоски магии, когда закончишь со сборами.

Дори помчался в дом и едва не столкнулся с Эргеном.

— Мне нужно собрать вещи и подготовиться, — повторил юный гремлин отцу.

— А почему ты вчера не собрался? — поинтересовался тот.

— Ну… не успел, — ответил Дори.

Он не стал говорить, что на самом деле все-таки надеялся, что случится что-нибудь, и ему не придется отправляться в мир людей. Впрочем, Эрген сам об этом догадывался.

— Собирайся, — только и сказал он, — но не бери слишком много вещей. Тебе ведь еще их нести…

Но Дори его уже не слышал. Он как раз пробежал по коридору и юркнул в свою комнату. Миг-другой и вот он уже рылся в сундуках, вытаскивая наружу нужные, по его мнению, вещи. Шарфы и шапки, например, чем теплее — тем лучше. Ножницы тоже, вдруг что-то разрезать предется? Молоток, гвозди… или вот моток веревки…

Стоило отцу заглянуть в комнату Дори, как тот подпрыгнул чуть ли не до потолка.

— Ну сынок, — покачала головой Эрген, — скажи, зачем тебе это все?

— А, это… — Дори оглянулся на уже приличную горку вещей. — Но вдруг! Одеяло тоже надо взять. И подушку. Не хочу снова ночевать под крылечком на голой и холодной земле…

Так к вещам добавилась едва ли не вся постель Дори. Он оглянулся по сторонам, вытащил из-под кровати запасное покрывало и принялся заворачивать в него свои вещи. Волшебный топор юный гремлин пока что отложил: его он собирался положить в последнюю очередь, чтобы был поблизости на случай чего. Например, если Молодой Дубок окажется сразу за порталом. Тогда Дори быстро справится с подвигом и вернется домой, к Лори в объятия…

Конечно же, вся гора вещей не влезла в одно покрывало, и пришлось искать, куда сложить оставшееся.

— Мне ведь еще еду собрать надо! — осенило Дори, и он помчался на кухню, так и бросив на полу свои пожитки.

Эрген отступил в сторону, чтобы его с ног не сбили, и опять попытался докричаться до сына:

— Дори, ты ведь в прошлый раз без запасов пошел и справился! И в позапрошлый…

Солнечный правитель Кронии теперь заглянул уже на кухню, где Дори вытаскивал из ящиков все, что там находил, и складывал на столе. Пироги, блины, фрукты и овощи, парочка банок варенья и даже уху в кастрюльке. Казалось, что юный гремлин планирует устроить пир, а вовсе

не отправиться в другой мир.

— Вот в том и дело! — сказал Дори отцу, вытаскивая банки с медом. — Я пошел без ничего, и мне пришлось нелегко. Но теперь я буду готов ко всему! Эм… папа, как думаешь, мне взять одну ложку или две? Вдруг я первую потеряю? Или сразу вилку?

— Ох, сынок… — вздохнул Эрген, — ты, главное, не забудь медальон, что мы с мамой тебе подарили.

— А он сломался, — взмахнул хвостом Дори, — то и дело ведьму показывает, хотя ее тут нет! Но я возьму его, еще не все игры прошел и в гонках новые трассы открылись…

— И невидимость, — подсказал Эрген. — Она тоже тебе пригодится, думаю. И не забывай, через него ты со мной свяжешься!

— Да-да, еще невидимость! Точно… Ох… и связь, да…

Дори снова со всех ног побежал в свою комнату, за чем-нибудь, во что можно упаковать еду. Дори мчался не глядя, споткнулся о завернутые в покрывало вещи, потерял равновесие, испуганно взвизгнул и растянулся на полу.

— Ты не ушибся? — забеспокоился Эрген, который пошел за ним из кухни.

— Ушибся, — ответил Дори, — но мне же нужно собирать вещи!

— Так… Попробуем обойтись всего одной котомкой, — предложил Эрген, — с едой, подушкой, одеялом и топором. А вот остальное ты оставишь дома. Идет?

Дори потер набитую на лбу шишку и кивнул. Кто же знал, что сборы в поход настолько опасное дело!

Конечно, одной котомкой обойтись не удалось: самое мягкое пуховое одеяло и любимая подушка никак не умещались вместе с десятком пирогов и пятью банками варенья.

— Сынок, давай ты возьмешь другую подушку? — предложил Эрген, наблюдая за мучениями нашего героя.

— Нет! Это самая-самая! — ощетинился Дори.

— Ну ладно, — смирился Эрген. — Пусть будет по-твоему.

Потому, когда Дори выходил из дому, за его плечами висела объемная котомка, в одной руке была зажата тяжеленная сумка с припасами, а в другой — волшебный топор. Медальон Дори повесил на шею.

— Что же, вот теперь я готов ступить на путь приключений… — начал Дори гордо.

Но не успел он выйти за порог, как котомка застряла в дверях и гремлин вместе с ней. Только вмешательство Эргена, который аккуратно подтолкнул сзади, спасло от неловкой ситуации. А было перед кем смущаться: к их дому отовсюду стеклись родственники Дори, его знакомые и просто случайные дневные жители Кронии, что хотели проводить на подвиг величайшего героя всех времен.

— Всем привет, — попытался помахать им рукой Дори, но покачнулся под весом котомки, и чуть было не хлопнулся на землю.

Потом юный гремлин восстановил равновесие и сделал еще один шаг, но вещи опять почти перевесили. Наверное, Дори упал бы, но откуда ни возьмись к нему подскочил лохматый гремлин средних лет, который, несмотря на заспанный вид, двигался очень проворно.

— Давай я возьму! — предложил он Дори и сам выхватил из его рук сумку с едой.

Прочие родственники наперебой зашумели:

— О, и мы можем что-то понести! И мы! — каждому хотелось помочь герою Кронии на его пути к подвигу.

— Да я справлюсь, — отмахнулся от них Дори, — если справился с ужасной ведьмой и ее

драконами! Пятиглавыми… нет, десятиглавыми! Вот, их всех я победил, а значит, и какую-то там котомку нести смогу!

Но, несмотря на все эти слова, он с радостью передал вещи подбежавшим к нему кузенам с кузинами. Теперь в руках Дори оставался только топор и гремлин, почти что налегке, направился к яблоневым садам.

— Расскажи нам еще о своих подвигах! — попросил кто-то из знакомых.

— Ну раз вы так просите… — приосанился Дори.

Юный гремлин принялся снова рассказывать благодарным слушателям историю своих прежних подвигов, и он не видел ни того, как горестно покачал головой его отец, ни того, как недобро усмехался гремлин, что нес сумку с едой. Ведь на самом деле лохматым гремлином был Коми, надевший ту маску, в которой он уже появлялся, когда Дори вел розыски убежища Цестинды.

Крепость посоветовала Коми узнать своего врага поближе, сбить его портал и победить еще до того, как Дори окажется в другом мире.

«И мы навсегда избавимся от твоего мерзкого кузена, о, великий маг», — шептала Крепость.

Так что Коми переместился в Кронию пару

часов назад и теперь вышагивал рядом с Дори, пока тот даже не смотрел в его сторону, слишком увлеченный своими рассказоми. Все кузены, кузины, прочие родственники и дневные жители следовали за героем к яблоневым садам. Дори не очень торопился к порталу в мир людей и подвигу, который предстояло совершить. Он до сих пор боялся, что случится что-то страшное. Но тянуть время у него получалось тоже неважно.

— …а потом с неба ударила молния, прямо в злобную ведьму, — как раз закончил свою историю Дори. — Мне оставалось только ее загнать в ларец, и дело сделано! Главное — не бояться!

— А скажи мне, великий герой, — вкрадчиво начал Коми, — как именно ты собираешься побеждать колдуна и его Крепость?

— Колдуна? — переспросил Дори. — А что если это опять ведьма какая?

— Неважно, — ответил Коми быстро.

— Ну…

Дори принялся теребить кисточку на хвосте и понял, что даже не задумывался о деталях, слишком увлеченный своими переживаниями.

— Как-нибудь разберемся… Что там какой-то колдун, ха! — поспешно сказал юный гремлин.

Дори не заметил и того, как Коми после этих

слов захихикал и быстренько выдал свои смешки за кашель. Завистливый кузен ведь и подумать не мог, что все окажется так просто. Дори снова пустился в свои рассуждения о победе над Цест-индой.

— А почему бы тебе, нашему герою, защитнику Кронии… и так далее, не поступить точно так же с новым врагом? — на особо красочном описании битвы спросил Коми.

— Погодные условия другие! — сразу нашелся Дори. — Но если у тебя есть какие предложения, я послушаю. В плане победы…

— Ну знаю кое-что, — напустил на себя загадочный вид Коми, — о врагах…

Не будь Дори сейчас так взвинчен, он бы заподозрил неладное, когда солнечный житель заговорил о вражде, но гремлину в тот миг было совсем не до этого.

— Я бы нашел его первым и расправился бы, — совершенно честно ответил Коми.

Дори отвечать ему не стал, и потому что боялся признать, что не хочет ничьих страданий, и потому что тогда бы показал всем свой страх перед неведомым колдуном или ведьмой. А ведь герой двух миров не должен ничегошеньки бояться, верно?

— Вот и скоро будут яблоневые сады, — отметил Коми.

— Что-то не так? — спросил у него Дори.

— Нет-нет, просто волновался за портал… впрочем, пустое.

— Да?

— Конечно, все будет чудесно…

Коми злорадствовал: он-то знал, что сам приложит все усилия к тому, чтобы Дори не добрался до мира людей. Чтобы кузен застрял в пространстве между мирами.

— О, в этом я спец, не сомневайся, — сказал ничего не подозревающий Дори. — Порталы — это по моей части, как и подвиги.

— Да я и не сомневаюсь, ты же… это… герой, — сквозь зубы процедил Коми, но Дори было опять не до этого, а остальные родственники и знакомые к разговору не прислушивались.

Внутренне Коми просто умирал от смеха и радовался тому, что их планам Дори точно не помешает. Коми ведикий маг, он все сделает правильно.

Яблоневые сады показались быстро, как и в ту злополучную ночь, когда на Кронию налетела жуткая буря. Ведьмы собрались недалеко от главных ворот, и костер, который они развели,

полыхал волшебным пламенем. Сегодня оно было сиреневым.

К своему удивлению, Дори заметил рядом с делегацией ведьм Лори. Его Настоящую Любовь разговаривала с Тананной, которая, подобрав пышные черные юбки, присела на корточки. Дори расслышал только часть их беседы и понял, что его возлюбленная волнуется из-за портала.

— Но зачем открывать именно тут? — спросила Лори.

— Лишь для того, чтобы снизить угрозу для ткани между мирами, — ответила Лунная Правительница, — мы не можем позволить себе просто так протыкать ее как нам хочется…

Она оглянулась и заметила Дори со всеми его родичами, знакомыми и друзьями. Тананна нахмурилась и выпрямилась.

— Освободите место, — скомандовала она, — разве можно колдовать в таком галдеже, как вы думаете?

Гремлины и другие провожавшие Дори дневные жители Кронии согласно зашумели. В один миг на плечи нашего героя вернулась котомка с одеялом и подушкой, а в руки — сумка с едой. Коми исчез быстрее, чем Дори успел сказать: «Волшебный портал» или хоть спросить имя у

помогшего ему гремлина.

В получившемся столпотворении, когда каждый стремился похлопать Дори по плечу и сказать, что он — истинный герой всей Кронии, никто и не заметил, как Коми прошел мимо колдовского костра и кинул в него отполированный черный камень. По уверению Крепости, это должно сбить настройки заклинания для портала.

Вскоре на месте остались только несколько ведьм с Тананной во главе, Дори и Лори. Все прочие разошлись, чтобы не мешать твориться магии. Хотя, конечно же, они наблюдали из-за ближайших деревьев за тем, что происходит.

— Я не думал, что ты придешь, — сказал Дори.

Он смотрел только в прекрасные глаза Лори и не знал, как раньше он жил без Настоящей Любви.

— Как это я могла не прийти? — спросила Лори. — Ты же рискуешь жизнью ради целого мира!

— Мне не привыкать, — ответил Дори важно, — я ведь герой, не забыла?

Лори вильнула хвостом и лукаво улыбнулась.

— Удачи, — сказала она.

А потом неожиданно подалась вперед и поцеловала Дори в нос, а после этого смущенно

отступила и опустила глаза. Наш же герой был так удивлен, что замер на месте.

— Быстрее, — поторопила его Тананна, — мы не можем стоять здесь весь день.

— Ага… да, — ответил Дори и вошел в начерченный на земле круг.

Когда ведьмы взялись за руки и принялись читать заклинание, их волшебное пламя начало чадить, а потом из него с треском вылетел столб искр. Лори нахмурилась, а Дори не сразу понял, что что-то пошло не так: он ведь не знал, как заклинание должно работать. Но вот ведьмы все поняли и попытались разорвать круг.

Лунная Правительница присмотрелась к огню, прищурилась и магией вытолкнула из костра камень, подброшенный Коми.

— Не останавливайтесь! — прокричала Тананна. — Его потрясет, гроза зацепит мир людей, но мы справимся!

«Его — это меня» — понял Дори. Он собрался выскочить из круга, но задул яростный ветер, и гремлин упал на землю. Дори отпустил ручку сумку и избавился от одеяла с завернутой в него подушкой. Тут полыхнуло и гремлину показалось, что он падает в бездонную черную пропасть.

— Ма-а-ама! — закричал Дори прежде, чем его унесло в портал.

Ведьмам удалось справиться со злым колдовством, но не до конца: гремлина действительно трясло так, будто ему вздумалось покататься на спине наевшегося корней валерьяны грифона. Только потому что между мирами нет звука — у Дори не получалось кричать, а к тому моменту, когда под яростный грохот он вылетел в мир людей — уже и сил не оставалось.

Юный гремлин покатился по земле, врезался в корень дерева и взвизгнул. Великий герой Кронии по дороге растерял и сумку с едой, и котомку с одеялом и подушкой — они остались где-то в пространстве между мирами, но волшебный топор Дори все еще крепко сжимал в руке.

Через минутку снова загрохотало, и юный гремлин подскочил. Не разбирая дороги, он побежал в лес, не подозревая, что мчится именно в сторону Молодого Дубка.

А еще он не подозревал, что за всем этим наблюдал его враг. Коми, стоило ему подбросить камень в костер ведьм, убежал из яблоневых садов, переместился в мир людей, сменил личину с гремлина на человека-лесника, достал с полки хрустальный шар и настроил его на Дори.

Это все заняло у него совсем немного времени, и Коми как раз увидел, как Тананна выкинула из костра его камень, а потом все ведьмы открыли портал и таки отправили Дори. И после этого гремлин приземлился рядом с Молодым Дубком, а еще побежал в его сторону!

— Что-о-о?! — вскричал Коми.

Он кинул в стенку хрустальный шар, тот, конечно же, раскололся на тысячу осколков, и изображение погасло. Портал между мирами не удалось сбить, несмотря на все старания, а тут еще мерзкий кузен помчался именно к Дубку! Коми видел в этом самое ужасное совпадение в своей жизни! Надо же как не повезло: и разрушить портал не удалось, и переместился Дори так удачно для себя и неудачно для своего кузена.

— Да он же вот-вот на Молодой Дубок выйдет! — не унимался Коми.

Он вскочил и опять, как совсем недавно, принялся носиться по избушке, натыкаясь на мебель и роняя на пол вещи. И, как и в прошлый раз, Крепость взялась его успокаивать, на самом деле, только подливая масла в огонь его злобы и отчаянья.

«Не паникуй, а не то он в самом разрушит все, что ты тут строил, — говорила она, — успокойся

и подумай, как можно его победить, это ведь не так сложно».

— Никак! — горестно взревел Коми и обхватил себя за плечи. — Мне не победить его! Я совсем один, все меня бросили…

«Я здесь, о великий маг», — сказала Крепость.

— Знаю-знаю, — отмахнулся от нее Коми. — А еще эти человеческие дети мешаются…

«Почему мешаются? — тихо поинтересовалась Крепость, — как раз они нам и помогут. Слушай, что я придумала…»

Она принялась озвучивать новый план. Если все сработает, как Крепости хотелось бы, то совсем скоро у нее будет хоть отбавляй сил. И никто в целом мире, да даже двух мирах, уже не сможет ей помешать.

Любители природы, на которых так рассчитывали Коми и Крепость, в тот день, когда Дори перемещался из Кронии в мир людей, тоже приехали в лес. Буря, как говорила Тананна, зацепила и этот мир. Когда она налетела, ребята как раз собрались на поляне. В то время как в Кронии была середина дня, здесь — утро.

Алиса и Женя привычно перепирались о том, куда пойти и имеет ли смысл искать тех птиц, за которыми они наблюдали вчера. Шура клевала

носом, сидя на рюкзаке. Артем выглядел еще более мрачным, чем всегда. Его черная одежда делала лицо совсем бледным и круги под глазами стали очень заметными. Мама Саши и Светы сегодня настояла на том, чтобы старший брат тоже надел что-то теплое, и его шее теперь красовался почти такой же яркий оранжевый шарф, как платок у Светы.

Недавний спор по поводу лесника дети предпочли забыть. Им не хотелось ссориться между собой, хотя Света и Шура до сих пор были обижены.

— Ну как, идем? — спросила Алиса. — Мы продолжим наблюдения. Света, хочешь в группу с Женей?

— Нет! — тут же отреагировала девочка. — Он же опять будет про свою науку говорить. Надоело!

— Она не моя, — терпеливо ответил Женя, — наука принадлежит всем. Мне, тебе, даже Волче, хотя она и верит в радужных единорогов.

Шура мгновенно проснулась и поправила его:

— Единороги белые или золотые. Они не могут быть радужными.

— Прекратите, — попросила Алиса.

Она понимала, что затея безнадежна: так всегда

бывало, когда Женя и Шура сцеплялись, но надеялась, что хоть в этот раз они не станут спорить из-за мифических животных.

Как она и боялась, на нее внимания не обратили.

— Единороги могли существовать, — сказал Женя, — да и могут, почему бы нет. Вот если теленку или козленку рога сразу после рождения сдвинуть друг к другу — будет тебе один рог, когда бычок или козлик вырастет!

Подросток приставил указательные пальцы ко лбу и изобразил рожки.

— Единороги рождаются единорогами, — сурово ответила Шура. — Без хирургии.

— Да, а еще летают, — кивнул Женя, — Волча, да я в говорящих дельфинов скорее поверю. Или в еще что-нибудь такое же глупое.

Шура открыла рот, собираясь что-то ему ответить, но в этот самый миг среди ясного неба прогремел гром. Полыхнула молния, и налетевший промозглый ветер заставил всех задрожать от холода.

— Этого не было в прогнозе погоды, — заметил Саша.

Он намотал шарф потуже и оглянулся на сестру: глаза Светы блестели от восторга.

— Это все колдун-лесник виноват! — сказала она громко.

Снова грянул гром, пошел дождь. Да не простой, а самый настоящий ливень, будто на землю с облаков вылили тысячи ведер. Секунда-другая и все ребята промокли до нитки.

— Бегом к дороге! Там остановка с крышей есть! — прокричала Алиса, но не успела и шагу ступить, как все прекратилось.

Дождь закончился так же быстро, как начался, еще раз прогрохотало где-то далеко и, как в насмешку, выглянуло солнышко и запели птицы.

— Это что было? — спросил Артем.

— Магия! — в один голос: Шура восторженно, а Света — испуганно, сказали девочки.

Женя картинно схватился за голову.

— Не бывает никакой магии! — проговорил он. — Вы, что, никогда об изменениях погоды не слышали? Прошел грозовой фронт, и вот нас полило, так бывает.

— Согласен, — добавил Саша, — Малиновка, ничего не бойся.

— Я и не боюсь! — ответила Света. — Ну чуть-чуть разве что. И боюсь не глупой грозы, а колдуна, который ее наслал! Точно вам говорю!

— Это было странно, — решила побыть дипло-

матичной Алиса, — теперь главное не забыть занести этот случай в дневник наблюдений!

Она как раз выжимала воду из своей футболки. При упоминании дневника Артем быстро полез в рюкзак и достал из него записную книжку и ручку. У каждого из юных натуралистов был такой дневник наблюдений, но никто особо не торопился доставать свои. Женя вовсе решил, что заполнит его в конце лета, а остальные все записывали когда приезжали домой.

— Но ты поверишь, что это магия, если я докажу? — спросила Света.

— Мы докажем, — поправила Шура и тряхнула головой, отчего ее каштановые хвостики мотнулись и с них брызнуло водой на Артема и страницу его дневника.

— Эй! — возмутился подросток. — Осторожнее!

— Прости, — без капли раскаянья ответила Шура.

— Подожди чуть-чуть, — заверила Алису Света, — мы тебе все докажем!

У нее уже появился план, как именно показать всем из их кружка настоящую суть лесника.

Глава двенадцатая

...в которой юные натуралисты пытаются определить, какую биологическую нишу занимают гремлины, а еще обсуждают другие важные вопросы.

Света очень удивилась, когда все, даже Шура, отказались от ее плана.

— Но это же все докажет! — упорствовала девочка.

— Малиновка, послушай, нельзя просто так влезать в чужой дом, — объяснила Алиса. — Тут я согласна с Евгением.

Женя кивнул и победно ухмыльнулся, Алиса нахмурилась и сделала вид, будто собирается дать ему подзатыльник.

Света обиженно засопела. Она только что предложила пробраться в избушку лесника и поискать там колдовские принадлежности. Другим ребятам эта идея совсем не понравилась. Теперь девочка пыталась найти хоть какую-то поддержку и с надеждой смотрела то на задумчивую Шуру, то на своего брата. От Артема она даже доброго слова не ждала: и так ведь понятно, что

он на стороне Жени.

— А что если в дом не залезать, — предложил Саша, — а просто побродить рядом? В окна заглянуть там…

— Сашка, — фыркнул Женя, — из-за того, что вы тезки с Волчей, тебе передалась ее вера в магию и волшебство?

— Жаль, что ты ничего замечать не хочешь, — не глядя на него, сказала Шура. — Мир сложный и непонятный.

— Ага, именно потому существует наука. А ты со своей придурочностью…

— Света, не думай, что мы тебе не верим, — добавила Алиса. — Но посуди сама, как странно все звучит. Конечно, мы постараемся выяснить, что же происходит, да, ребята?

Женя закатил глаза и сложил руки на груди.

— Ничего я выяснять не хочу, — сказал он, — понятно же, что никаких колдунов нет.

— Понятно же, — передразнила его Шура.

Саша затравленно оглянулся на Свету и неловко пожал плечами.

— По-моему, Лиска права. Надо попытаться все выяснить, — неожиданно вставил свое слово Артем:

Света удивленно к нему обернулась: казалось,

что Артем сам поражен тем, что он только что сказал.

— Это заразно, — драматично заявил Женя, — вирус веры во всякую чушь распространяется. Штамм Андромеда просто какой-то.

— Если пойдете, то я с вами, — проигнорировал его Саша.

Он как раз разматывал и стаскивал шарф — после внезапной грозы становилось невыносимо жарко. Света тоже думала, не избавиться ли и ей от платка, но боялась потерять его где-нибудь в лесу.

— Да вы с ума посходили! — возмутился Женя. — А я, между прочим, до сих пор главный.

— У нас демократия! — ответила ему Шура. — Кто за то, чтобы пойти к избушке лесника и чуть-чуть покрутиться рядом?

Она подняла руку, Света только что прыгать не начала, задрав обе руки. Саша встал рядом с ними, Алиса и Артем переглянулись и тоже неуверенно подняли руки.

— Я иду с вами, — буркнул Женя. — Не ходить же одному по лесу, как дураку.

— Почему как? — очень громким шепотом спросила Шура.

Но перед тем как куда-то идти, нужно было

собраться и проверить, не пострадало ли что во время ливня. Все рюкзаки были закрыты, но промокли ничуть не меньше своих хозяев.

— Права была мама, взял бы кто дождевик, — сокрушался Саша, отряхивая и свой рюкзак, и рюкзак Светы.

— По прогнозу обещали солнечно и ясно на всю неделю, — ответила Алиса.

— И по приметам все сходится, — добавила Шура. — Грозы не намечалось.

Девочки проверяли, не намокло ли что из их вещей, выходило, что пострадали только бутерброды у Алисы в рюкзаке.

— Вы копаетесь или идете? — спросил Женя. — Скажите спасибо, что я не взял гитару, а то бы далеко никто не ушел!

— Ты бы нас закопал? — спросила Шура.

— Тебя и сейчас могу, Волча.

— Прекратите все немедленно! — сурово сказала Алиса. — Мне надоело слушать эти перепалки. Давайте разберемся с… лесником и больше не будем поднимать эту тему. Идет?

— Идет! — пискнула Света. — Вот увидите, что он настоящий колдун!

— Уйми свою сестру, — Женя обратился к Саше. — Кстати, вопрос на засыпку: кто-то в курсе,

где живет этот лесник? С чего вы взяли, что он не из города приезжает? Тут же ехать недалеко.

— Ну… мы поищем, — с надеждой сказала Света.

— Кажется, я видела что-то в той стороне, — неопределенно махнула рукой Шура.

— Круто, идем туда, сами не знаем куда, — проворчал Женя.

Алиса закатила глаза и обогнала его. За ней молча потянулись остальные. Но они не успели даже миновать первые деревья, как навстречу выскочил Каматаш Гребневич. Лесник выглядел еще более взъерошенным, чем в прошлые их встречи. Света пискнула и спряталась за спиной брата.

— Здравствуйте дети! — сказал лесник, а потом добавил неуверенно: — Вы же дети, да?

Он смотрел на них с некоторой растерянностью и даже легким испугом. Света надеялась, что лесник не слышал ничего из их разговоров, а то было бы совсем жутко: колдун узнал про их планы! А может, он потому и пришел, что услышал каким-то волшебным образом, о чем в лесу говорят. И сейчас их всех в лягушек превратит.

— Добрый день, — поздоровалась Алиса, она так спокойно поправила очки, будто ей и не

грозила опасность превратиться в лягушку, — технически, мы дети.

— Ну уж нет, — буркнул Артем, — мы уже не дети.

Никто, кроме лесника, не обратил на эти слова внимания, а тот непонимающе заморгал.

— Вы чего-то хотели? — спросила Алиса.

— Да, конечно, — ответил лесник, он огладил бороду и притопнул ногой.

Это выглядело почти как магические пассы, так что Света сжала руку Саши, и брат шепнул ей:

— Тихо, Малиновка, все хорошо. Я не дам тебя обидеть.

— В лесу появился странный гремлин…зверек, — сказал Каматаш Гребневич. — Вот такой маленький, пушистый, с огромными глазами и длинным хвостом с кисточкой. Бегает на ногах… задних лапках. Вы, если увидите, лучше поймайте и мне приведите. Зверек редкий…

Лесник прокашлялся.

— Договорились, да?

— Хорошо, — неуверенно ответила Алиса, — будем иметь в виду.

— Ага… да… хорошо. До свидания… не дети.

Каматаш Гребневич попятился и скоро снова скрылся за деревьями. На поляне какое-то время

было тихо. Ребята недоуменно переглянулись.

— Да у него шарики за ролики заехали, — первым заговорил Женя.

Он покрутил пальцем у виска и выразительно посмотрел вслед леснику.

— Есть такое дело, — кивнул Саша. — Про существо какое-то сказочное сказал.

— А может, все не так странно, — попробовала быть дипломатичной Алиса, — новые виды животных же открывают…

— Ну не таких же чертиков, как он описал, Лиска, — хмыкнул Женя.

Света уже вышла из-за спины брата. Не хватало, чтобы Сашка еще подумал, будто она без него справиться не может.

— Я думаю, — сказала Света, — это он так нас отвлекает.

— Да непохоже, — покачала головой Шура. — Я готова поверить в то, что подобный зверь существует.

— Ты во что угодно веришь, — отмахнулся Женя. — Кто-то еще верит, нет?

Ребята снова переглянулись.

— Он мог бы занимать определенную биологическую нишу, — предположила Алиса, — именно в этом лесу. Вы слышали, Каматаш Гребневич его

гремлином назвал?

— Гремлины не такие, как он описал, — возразила Шура.

— А ты их видела? — заинтересовался Саша.

Девочка развела руками.

— Ну что, — пожал плечами Женя, — куда пойдем? Зверушку с Марса искать, лезть в чужой дом или чем-то полезным займемся?

— А давайте разделимся, — предложила Алиса, — пройдем по лесу, посмотрим, здесь ли вообще дом Каматаша Гребневича…

— Убедимся, что нет ни колдунов, ни лохматых и хвостатых чертей, — добавил Женя.

— Я иду с Волчей! — сказала Света.

— Ну уж нет, — подняла палец вверх Алиса, — вы же полезете туда, куда не надо. Со Светой я пойду, а ты с Евгением…

— Я не соглашался, — возмутился Женя, — а я главный. Хотят вместе идти — пусть. Мы с тобой, Лиска, отличная команда.

Алиса снова поправила очки и сурово посмотрела ему в глаза, Женя ответил широкой ухмылкой.

— Ладно, — неохотно ответила Алиса. — Артем, Саша, вы не против того, что пойдете вдвоем?

— Главное, чтобы Волча мою сестру не обижа-

ла, — серьезно сказал Саша.

— Не волнуйся, — ответила Шура.

— Все будет хорошо! — Света ухватила ее за руку.

Ребята договорились, кто в какую сторону пойдет, и разошлись. Еще какое-то время Света слышала, как пробираются через кусты Артем с Сашей, а потом почти все звуки потонули в птичьем щебете.

— Странно, что они не боятся, — сказала Шура.

— Женя и другие? — не поняла Света.

— Птицы.

Света остановилась и задрала голову к верхушкам деревьев.

— Пернатые должны остерегаться зла, — продолжила Шура, — и колдовства. Замолкать, когда рядом с ними творится волошба.

Свете показалось, что это цитата откуда-то, уж очень звучало непохоже на то, как Шура говорила обычно.

— Может, мне правда все показалось, — вздохнула младшая девочка.

Теперь Света уже не была так уверена, что видела, как колдует лесник. А вдруг Женя был прав, и она зажигалки не заметила? Или там какой другой фокус был.

Шура взяла Свету за плечи и заглянула ей в лицо.

— Не сомневайся, — серьезно сказала она, — я верю в колдовство и мы докажем, что оно есть. Просто не здесь и не сейчас. Лесник мог затаиться или же он не зло.

— Так ты веришь, что он колдун? — удивилась Света.

— Бывает разная магия: злая, добрая, нейтральная, — покачала головой Шура. — Но мы все точно узнаем, когда найдем его дом, да?

Света собиралась согласиться и поторопить Шуру, но тут из кустов выбежало нечто. Оно было лохматым, хвостатым и двигалось на задних лапах. А в передних сжимало что-то вроде топора.

— Ой! — взвизгнули хором чудище и девочки.

Дори, а это был именно он, тут же развернулся и побежал в другую сторону. Шура замерла, а Света, неожиданно для себя, побежала следом с криком:

— Надо забрать тебя в живой уголок!

То, что неведомая зверушка начала бежать быстрее, Света расценила как страх оказаться у них в живом уголке. А ведь юные натуралисты только собирались его в школе организовывать, но никак не могли разрешения от учителей до-

биться. А пока можно забрать зверька домой. И мысли об этом заставили Свету только бежать быстрее, но, к счастью или нет, Дори оказался все-таки более проворным, он юркнул в заросли шиповника, а Света напоролась на колючки.

— Ай! — взвизгнула она и попыталась выбраться, но только сильнее поцарапалась.

К счастью, Шура быстро пришла в себя и примчалась на помощь. В четыре руки им удалось освободить Свету и ее рюкзак, даже ничего не порвав. Хотя набухающие кровью красные полосы остались.

— Что это было? — спросила Света.

— Может, лесник не совсем врал, — ответила Шура, выбирая листики из ее волос, — про зверя, во всяком случае.

— Я видела у него топор! — воскликнула Света.

— Я тоже видела!

Они переглянулись.

— Можешь набрать Сашу или Алису? — спросила Света.

— А у тебя нет сотового?

— Неа, — мотнула головой Света, — мама говорит, что я еще маленькая, чтобы его мне покупать.

В то же время Саша и Артем и не подозревали о

том, что сами могут столкнуться с неизведанным. Они не слишком смотрели по сторонам, занятые разговором.

— Я не боюсь за Малиновку, — сказал Саша, — она типа… ну, знаешь, как «Один дома»? Вот она такая же. Сама со всем справиться может.

— Но ты волнуешься, — ответил Артем.

— Да ясное дело! Она же моя младшая сестра.

Саша почти поскользнулся на мокрых листьях, но удержал равновесие. Артем шел осторожнее, и все время смотрел под ноги, но, когда второй мальчишка, без всякого перехода спросил: «А ты что скрываешь?» — Артем чуть было не полетел на землю.

— Я? Скрываю?

— Ага, — ответил Саша.

Он обогнал приятеля и остановился, Артем хмуро глянул на него.

— У тебя же все в порядке с оценками! — заявил Саша и победно ухмыльнулся. — Я специально с Людой Стырниковой из твоего класса поговорил. Ты крепкий хорошист. Так в чем дело, а?

Артем вздохнул. Он знал, что когда-нибудь его обман раскроется, но надеялся, что позже, хотя бы, осенью.

— Ты будешь смеяться, — сказал Артем.

— Это еще посмотрим.

Артем вздохнул.

— Мне нравится Алиса, — признался мальчик, — всегда нравилась. А как подхожу к ней в школе — и слова сказать не могу. Подумал, что тут буду находиться поближе. Я же не знал, что она с Женей. Все. Смейся.

Он уставился на свои кроссовки, но Саша не торопился над ним насмехаться.

— А чего сразу не сказал? — спросил он. — И нам, и Лиске?

— Ты был влюблен в какую-нибудь девчонку?

Саша помотал головой и Артем вздохнул:

— Вот ты и не поймешь. Я не мог просто как сказать.

— Ну… это… — Саша почесал в затылке, — слушай, а с чего ты взял, что они с Женей?

— Да это же видно. Ходят вместе. Спорят. Вообще чуть ли не обнимаются чуть что!

Вот теперь Саша действительно расхохотался, он даже оперся на растущую рядом осинку, чтобы не упасть. Артему захотелось нарушить свои правила и как следует ему вмазать.

— Женя и Лиска знают друг друга тысячу лет, — сказал Саша, отсмеявшись, — они почти как брат с сестрой. Нет, ну может через пару лет таки нач-

нут встречаться, но сейчас они друг друга разве что прибить хотят. Ты сказал бы обо всем, да не мучился так.

Артем опять тяжело вздохнул.

— Не могу я сказать обо всем.

— Хочешь, я скажу?

Артем собирался заявить Саше, что это нагло — лезть в чужую жизнь и отношения, но кусты громко зашуршали, и из них вылетело лохматое существо с полубезумными глазами. Ребята сразу узнали его по описанию лесника.

— Хватай его! — заорал Саша, первым бросаясь к существу. — Отнесем его Каматашу Гребневичу!

Зверек кинулся наутек, но Артем побежал ему наперерез. Он отметил, что в передней лапке их неизвестное существо сжимает маленький, но искусно сделанный топорик. Подумать о том, что это означает, Артем не успел, потому что зверек снова сменил направление, и Саша вместе с ним. Мальчики столкнулись, поскользнулись на листьях и повалились на землю. А существо исчезло.

Артем вскочил и принялся отряхиваться и счищать грязь, Саша встал медленнее.

— Что делать будем? — спросил он и тут почув-

ствовал, как в рюкзаке вибрирует его телефон.

В то же время Алиса и Женя тоже больше были заняты обсуждением своих вопросов, чем поиском дома лесника или неизвестного зверька. По крайней мере, Женя.

— Ты вообще хоть когда-то замолчишь? — не выдержала Алиса после десятой и еще более несмешной, чем предыдущие девять, шутки о науке.

— Ох, ну где твоя исследовательская жилка, Алиса? — спросил Женя. — Как ты сможешь стать космическим биологом, если так угрюма?

— Во-первых, не хочу я быть космическим биологом, я вообще биохимией заниматься хочу, еще и на Земле… — вздохнула Алиса, не глядя на Женю, — А, во-вторых, как раз я исследователь, а ты даже не слышишь, что птицы слишком шумят для этого времени суток.

— Ну хотят шуметь, вот и шумят, — безразлично пожал плечами Женя, — нам-то что с того?

— Вообще, Каматаш Гребневич необычный лесник, — произнесла вдруг Алиса.

— Да уж, тут… это… лесничить, — придумал слово Женя, — просто нечего. Но Татьяна Осиповна подтвердила, что он здесь за лесом следит. Внезапно! Раньше о леснике ни единого слова,

а тут батц!

Он хлопнул кулаком по раскрытой ладони, на что Алиса только поморщилась. Если уж их учительница по биологии говорит, что все нормально, значит волноваться не стоит. Скорее всего.

— Ли-и-ис, — протянул Женя, — а ответишь на вопрос?

— Что? — повернула голову девочка.

— Вот если мне какая-то девчонка нравится, а она думает, что я ее ненавижу, как мне себя вести? Ну, чтобы она не решила, что я издеваюсь. Вот ты бы чего хотела?

— Евгений, — холодно ответила Алиса, — если ты вздумал признаться мне в любви, то я тебя точно стукну.

— Да сдалась ты мне! Я про Волчу.

Алиса взялась за голову: вот вечно же Жене надо шутить. А она уже действительно подумала, что он хочет ее совета попросить. Нет, мама правду говорила: «Мальчики всегда остаются детьми».

— Я серьезно! — сказал Женя.

Они шли по едва заметной тропинке, которую перегородил растущий прямо посреди нее куст орешника. «Слишком пышный, — отметила Али-

са, — будто его деревья от солнца не заслоняют». Какая-то еще мысль крутилась в голове, но Женя отвлек:

— Лиска! Земля вызывает Алису! Так что мне с Волчей делать?

— Живите долго и счастливо, — огрызнулась Алиса, — что же еще?

— Ты чего себя так ведешь?

Теперь Алиса к нему все-таки повернулась. Женя, к ее удивлению, вовсе не кривлялся в своей обычной манере, а смотрел очень серьезно. С удивлением и какой-то почти ревностью, Алиса поняла, что он действительно пытался узнать ее мнение насчет того, как вести себя с Волчей. Женя и Шура. Странно даже представить.

— Может, — предложила Алиса, — перестанешь ее третировать? Если Шура тебе и в правду нравится?

— Но она же неправа! — взмахнул руками Женя. — Со всей этой ее магической фигней. Это полная чушь, и ты это знаешь, я пытаюсь Волче об этом сказать, а она не слушает.

— И ты думаешь, что она в тебя после этого влюбится? — скептически уточнила Алиса.

Девочка не считала, что эти двое могут быть парой, вообще дико подумать, что Женя может быть

парой хоть с кем-то. Тем более с Шурой. Алиса бы еще поняла, будь это она: вот уже с год все ждала, когда Женя начнет ее на свидания приглашать. Конечно, она бы отказывалась! Но, оказывается, его интересует Шура. Подумать только.

— Ну Ли-и-иска, помоги мне, скажи что делать, — Женя старательно изобразил несчастное лицо.

— Пока ты с ней сражаешься — она с тобой тоже сражается. Понимаешь?

— Типа того. Перестать спорить, даже, если чушь порет? — деловито уточнил Женя.

— Ты еще в блокнот запиши!

У Жени зазвонил телефон и он полез за ним в карман. На мелодию звонка был поставлена какая-то музыка из недавнего фильма о космических путешественниках, так что Алиса снова закатила глаза.

— Ага, алло, — ответил Женя, — чего? Нет, у нас ничего. Угу, уже идем.

— Что такое? — заинтересовалась Алиса.

— Это Саша звонил, говорит, что и они, и девчонки видели того самого чертика, которого наш чокнутый лесник описывал. Предложил собраться и решить, что дальше делать. Ну я и говорю, что мы идем.

— Вот видишь, а ты говорил, что этого зверька не существует, — отметила Алиса.

— А кто сказал, что они не прикалываются?

И уже в третий раз за день загадочная зверушка, которая была на самом-то деле всего лишь напуганным гремлином, выбрала самый лучший момент, чтобы появиться.

Когда лохматый «чертик» появился из слишком пышного, по мнению Алисы, куста орешника, девочка остолбенела.

— О-о-о! Надо чучело сделать и в музей отнести! — заорал Женя.

Лохматое существо или понимало человеческую речь, или по лицу что-то заметило, потому что с воплем снова нырнуло в куст.

— Он кричал «мама»? — спросила Алиса и удивилась тому, что голос у нее звучит совсем ровно.

— Он же не человек, просто визжал. Давай за ним, может поймаем… хотя не, вряд ли.

Женя с сожалением посмотрел на куст, а потом на свой сотовый.

— У него в передних лапах был топор зажат, — сказала Алиса.

Перед глазами у нее так и стоял образ: нечто вроде обезьянки, стоящей на задних лапках, но

с более прямой осанкой и слишком длинным хвостом с кисточкой.

— Тебе показалось, — ответил Женя, — я не заметил.

— Что, правда?

— Ну… может, и держал что-то, но явно ведь не топор!

— Ага… как скажешь.

Женя и Алиса переглянулись.

— Пошли к ребятам, — предложил Женя, — а дальше уже за чертиком этим гоняться будем.

Глава тринадцатая

...в которой Дори прячется, а Молодой Дубок оказывается довольно хорошим и добрым деревцем.

Дори считал этот день самым неудачным в своей жизни. Сначала его едва ли не всей Кронией подталкивали к сражению со злом, потом еще портал сбоил, из-за чего гремлин от ужаса чуть не умер, а после всего этого он целых три раза появлялся перед людьми. Да причем не такими дружелюбными, как были ребята, с которыми он когда-то познакомился на базе отдыха, а всамделишными монстрами. Хуже и представить нельзя! Они его и поймать, и чучело сделать.

Юный гремлин пытался включить режим невидимости, но медальон пищал и появлялась надпись: «Программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта».

Он еле-еле спасся от последних двух людей и боялся, что они за ним гонятся.

— Да что же такое?! — воскликнул Дори и потряс магическую вещицу.

Никакой пользы это не принесло. Напротив,

исчезло вообще все. Медальон вовсе потух. Вот так из всех вещей, что ему удалось принести из Кронии, один топор и остался.

От огорчения юный гремлин чуть было не расплакался, но ему показалось, что за спиной он слышит голоса тех детей, что пытались его схватить, и Дори заторопился прочь. Не хватало ему с ними еще раз встретиться! Нет и еще раз нет, люди — кошмарные создания. А он оказался в их мире. Гремлин все-таки всхлипнул и, закинув топор на плечо, побрел в лес.

— Не надо было мне подвиг искать, — сам себе сказал Дори, — подождал бы… сколько там до тысячи лет оставалось? Далась мне эта свадьба!

Он тяжело вздохнул, оглянулся вокруг и поежился. Лес, который окружал юного гремлина, казался ему совсем неприветливым: вокруг слишком много нездоровых деревьев, кусты растут без всякой системы, даже редкие цветочки смотрятся неаккуратно. В прошлый раз Дори не замечал ничего такого, потому что вокруг все было снегом засыпано, а теперь, в зелени, ему этот мир ну совсем не нравился.

— Да пусть бы этот колдун здесь и оставался! — в сердцах воскликнул Дори и махнул топором, при этом гремлин чуть было не упал.

То, что его послали сюда уже в третий раз, казалось глупой шуткой. А он ведь даже не знает, где искать Дубок и как сообщить об окончании дела. Медальон-то сломался.

Дори остановился, как вкопанный, когда понял: теперь он вообще не может с отцом связаться! Как узнать, что делать? Как сказать, что добрался и в порядке? Как помощи просить?

— Мама, — прошептал юный гремлин, прикрывая рот свободной рукой.

Он шагнул вперед, потом бросился назад, потом снова остановился и дернулся, когда под ногой громко хрустнула ветка. А еще страшнее ему стало, когда из-за кустов за его спиной раздался крик:

— Малиновка? Это ты?

А потом второй голос добавил:

— Сестренка, давай помиримся?

Дори легко узнал своих преследователей и, завизжав, бросился наутек. Он ломился через кусты, перепрыгивал через кочки и камни… при этом раз и или два споткнулся, чуть не выронил топор, попал в заросли репейника… и всю дорогу юный гремлин не уставал жалеть о том, что дал уговорить себя на подвиг! Так бы сидел себе спокойно дома, воду из колодца таскал, малину

перебирал. Но нет же, бегай теперь по чужому миру и спасайся от злобных людей.

От страха и шока после перемещения через портал и всей этой погони, Дори казалось, что преследователи ему на пятки наступают. Он почти слышал их дыхание, хотя, конечно, тяжело дышал только он сам.

В треске веток за спиной гремлину чудились тяжелые шаги людей, а в криках птиц, которых он побеспокоил, — предупреждение. Топор цеплялся за все ветки и вырывался из рук. Но гремлин не собирался выпускать свой единственный магический артефакт.

Неожиданно Дори выскочил на открытое пространство. Он пробежал пару шагов и споткнулся о выступающий из земли корень. Топор все-таки выпал из его рук, но отлетел недалеко, а сам Дори приземлился на расставленные ладони. Он не успел удивиться, откуда у довольно молодого на вид деревца, которое было перед ним, такие мощные корни и почему вокруг ничего не растут: страх еще не отпустил, и Дори показалось, что за его спиной раздаются голоса. Гремлин проворно вскочил, схватил топор и полез прятаться между корней: они переплетались так густо, что между ними почти не оставалось просвета, зато были

очень уютные и длинные норы. Только оказавись в одной из них Дори сообразил, что дерево это — дуб.

«Да мало ли дубов в мире, — подумал он, — а уж в двух и подавно!» Только он успел это подумать и почти успокоиться, как раздался чужой голос. Уже вполне реальный и идущий словно ото всех корней сразу.

— Привет, я Молодой Дубок, а кто ты?

Дори испуганно ойкнул, когда понял, что оказался именно в том месте, куда его посылали, но он был не сверху, а у самых корней, которыми волшебное дерево легко могло его задушить или раздавить. Так что голос его ужасно дрожал, когда великий герой Кронии говорил:

— Меня зовут Дори.

— О, это хорошо, привет, Дори, — радостно сказал Дубок, — а то другой гремлин от меня убегает всегда, и не поговоришь ни с кем. Крепость вовсе угрюмая и скучная… только вот сейчас помолчи, люди уйдут, от которых ты убегал. Они меня все равно не услышат, а вот тебя могут. Ты же не хочешь, чтобы они тебя нашли, да?

На это уже Дори отвечать не стал. Дубок не врал. Здесь, как раз рядом с убежищем Дори, юные любители природы снова собрались вместе.

— Оно куда-то сюда побежало… или дальше… — Саша неуверенно поправил лямки рюкзака.

— Скажи уже, что не знаешь точно, — проворчала Шура.

— Я точно что-то слышал, — насупился Саша. — Мы думали, что это вы!

Артем по своему обыкновению отмалчивался, только внимательно поглядывал на Женю с Алисой.

— Вы все его видели! — Света указала пальцем на Женю, а тот только пожал плечами.

— Ну видели, а дальше-то что? — спросил он. — Тыкать пальцами, кстати, невежливо. А еще ты говорила, что зверек — это обман, мол, лесник придумал его, чтобы отвлечь нас, заболтать, нет?

Света густо покраснела: все поняли, что она сама в азарте погони и забыла о том, как не верила в диковинную зверушку, про которую им рассказал предполагаемый злобный колдун.

— Вопрос, что мы будем с этим делать? — Алиса достала из кармана джинсов платок, сняла очки и взялась протирать стекла.

— Искать чертенка, конечно, — ответил ей Женя, — что же еще?

— А тебя не смущает, Евгений, что лес слишком большой для того, чтобы мы и вправду отыскали

в нем одного зверька?

— Что ты предлагаешь?

— Все просто, — Алиса снова надела очки и приняла серьезный вид, — мы займемся описанием больных деревьев, как и собирались.

— Да не сбежит это от нас, — отмахнулся Женя, — мы когда угодно успеем этим заняться. Ты так просто откажешься от возможности внести вклад в науку? Ты бы всегда только мелочью занималась…

Алиса собиралась ответить ему, что наука — это сочетание множество мелких деталей и небольших исследований, но Шура ее опередила и спросила:

— Вы уверены, что этот зверек и его народ захотят, чтобы вы внесли вклад в науку и рассекретили их существование?

— О каких это теориях заговора ты опять болтаешь, Волча? — поинтересовался Женя.

Алиса прокашлялась и очень внимательно на него посмотрела: они ведь совсем недавно говорили о его поведении с Шурой. Не прошло и получаса, как он все забыл! Очень в его духе. Пусть Алиса и не совсем понимала, почему именно злится на Женю, но считала, что из-за подруги. Пусть Шура и была иногда странной,

но она оставалась частью их компании, и вовсе необязательно грубить.

— Не знаю, как вы, но я заметила в его руках топор. Небольшой, а как раз под размеры зверька. Развитая металлургическая культура! Это другая раса, живущая у нас под носом!

Когда она это сказала, ребята удивленно посмотрели на Шуру, а девочка, как ни в чем не бывало, распустила волосы и принялась собирать их, теперь уже в один хвостик, а не два.

— А ты точно видела топор или придумала? — спросил у нее Женя, он заметил недовольный взгляд Алисы и, поморщившись, добавил: — Извини, что сомневаюсь, но, вообще, кто видел топор?

— Я видела! — подняла руку Света.

Саша и Артем переглянулись.

— Мы не совсем уверены, — сказал Саша, — он так быстро бежал… да, Тема?

— Быстро, — кивнул Артем.

— Я тоже его видела… наверное, — добавила Алиса. — Топор видела, в смысле.

Она не была совсем уверена теперь, после слов Жени. Ведь, действительно, не мог же пушистый зверек с длинным хвостом носить топор. Еще и такой, который явно под него сделали! Да и

вообще подобное существо на биологии не проходили и в передачах про диких животных не показывали.

— Надо сообщить взрослым, — решила Алиса, — хотя бы Каматашу Гребневичу, раз с нами никого нет.

— И то верно, — хохотнул Саша, — может зверек этот из цирка сбежал? А топорик у него тоже оттуда?

Шура закончила со своей прической и громко рассмеялась.

— Вам проще в это верить, да?

— Не порти все, Волча, — мягко сказала Алиса, — давайте поищем лесника.

— Нет-нет! — запричитала Света. — Он же колдун!

Как она и ожидала, после этих слов Женя громко свистнул и заявил:

— Я тут главный! Мне скоро шестнадцать, кстати. Так что я командую.

— И какая команда? — спросила Алиса.

— Мы идем искать лесника! — с озорной улыбкой сказал Женя. — Света, не бойся ничего, мы тебя обидеть не дадим.

— Кстати, не ври. Тебе еще нескоро шестнадцать, — не могла не поддеть его Алиса.

— Но мне ведь будет раньше, чем тебе!

Алиса толкнула его в бок локтем, и Женя обиженно засопел. А потом оглянулся на дуб и спросил:

— Вот ты говорила о странностях, это дерево странным не кажется, а?

— Если посмотреть… — Алиса задумчиво посмотрела, куда указывал Женя, а потом поняла, что ему плевать на деревья: — Стоп, ты меня отвлечь пытаешься!

— Ну ага.

Пока они перепирались, Саша подошел к сестре и коснулся ее плеча.

— Малиновка, ты на меня не сердишься? — спросил он.

— Неа, — помотала головой Света. — Ты же мой брат.

— Ну и хорошо.

Алиса с Женей могли бы спорить ни о чем еще долго, но прочим ребятам надоело их слушать, такого рода стычки между старшими членами их кружка случались почти что каждый день, так что Шура прочистила горло и очень громко поинтересовалась:

— Так мы будем что-то делать или так и станем тут топтаться?

Алиса смутилась, а Женя сделал вид, будто ничего не случилось.

— Мы идем искать лесника, как я говорил раньше, — произнес он, — на этот раз все вместе.

И он пошел первым. Алиса проворчала вполголоса, что стоило бы спросить у них о том, в каком направлении идти, но последовала за приятелем. Другие ребята спорить не стали: сегодняшний день пусть только начался, был полон впечатлениями и немного утомил их всех.

Стоило им уйти достаточно далеко, чтобы Дубок посчитал рисстояние безопасным, он снова обратился к спрятавшемуся в его корнях гремлину:

— Дори, а почему ты их так испугался?

— Они гнались за мной и угрожали поймать, запереть и чучело сделать, — перечислил дрожащим голомои гремлин.

— А-а-а… ты же из Кронии, да?

— Ты что-то знаешь о Кронии?

Первый страх перед Дубком исчез: не было похоже, что дерево собирается душить его, давить или делать еще что-то страшное. Конечно, гремлину дали задание его срубить, но пока можно и поговорить.

— Я там родился, — сказал Дубок, и от его голоса вибрировала каждая косточка в теле Дори, опи-

равшегося на корень, — я рос желудем на ветви моего любимого отца, Огромного Дуба, солнце освещало меня и отсвечивало тысячью бликов… потом меня перенесли в этот мир и начали растить. Это сделал садовник-колдун, что носит тысячу ликов и Крепость, чья цель — сила… они дали мне зелье роста, они помогли протянуть ветви к солнцу много быстрее, чем я ждал. Земля здесь гуще и тверже, чем на родине, но и она плодородна. Скажи, ты знаешь моего отца?

Дори не сразу понял, что вопрос был адресован ему, так увлекся, слушая рассказ Дубка.

— Огромный Дуб? Да, точно, знаю. Он правда очень… большой.

— Я по нему скучаю, — признался Дубок, — мечтаю о том дне, когда я смогу протянуть сквозь миры свои корни, коснуться его корней, и тогда мы снова будем вместе.

— Потому меня к тебе и послали! — вырвалось у Дори, а потом он замолк.

Как сказать кому-то, что ты пришел его убить? Дубок не казался злобным или жестоким, он, как и сам Дори, попал в чужой мир и хотел встретиться со своим отцом. Скучал по нему.

— Что такое? — спросил Дубок.

— Скажи… — Дори положил топор себе на коле-

ни и принялся привычно теребить кисточку на хвосте, — а ты не собираешься высасывать силы у Огромного Дуба?

— Зачем это мне? — ужаснулся Дубок. — Тогда же он погибнет, а с ним и все волшебство моей родной Кронии! Как вообще я могу захотеть убить другое волшебное дерево? А Огромный Дуб мой родитель, и я люблю его. Почему ты так плохо обо мне думаешь, Дори?

— Да… неловко получилось, — вздохнул гремлин. — Понимаешь… ну так все в Кронии думают. Даже твой… ну твой папа. А меня послали тебя срубить. Вот.

Дубок потрясенно молчал несколько минут. Дори уже начал бояться, что больше ничего от него не услышит, но потом снова раздался его голос, в котором теперь звучали нотки обиды.

— Но почему? — спросил Дубок. — Что я плохого сделал?

— Ничего, — заверил его Дори, — совсем ничего. Просто колдун, что тебя забрал, злобный и коварный, все-все подумали, что он тебя в своих целях будет использовать. Тебя тут он посадил, только чтобы магия в этом мире появилась.

Дубок опять ответил не сразу, и Дори сменил позу, устроившись удобнее: здесь было не так

уютно, как ему хотелось бы, но значительно лучше, чем зимой под крыльцом, по которому все время кто-то ходил.

— Я не могу ничего сделать с волшебством, — размеренно начал Дубок, — оно появляется само там, где протягиваются мои корни. Уже сейчас его чувствуют другие растения и птицы. Кусты и деревья будут пышнее, а животные и птицы — веселее от магии… Колдун пользуется волшебством и сам, я это видел.

Дори аж подскочил и ударился головой о корень и попал точнехонько по шишке, что еще в Кронии набил. Вот же день невезения!

— Он где-то здесь колдует? — спросил гремлин, потирая голову.

— Поблизости, — ответил Дубок, — я многое вижу и многое знаю. Я чувствую, как бегают по моей коре жучки, и знаю, о чем переговариваются птицы в ветвях осины, что растет рядом с Крепостью. Я и Крепость знаю, пусть то, что укрыто внутри нее, мне и неведомо.

— Крепость? — переспросил Дори. — Ты второй раз про нее вспомнил, что она такое?

— Место, где живет колдун-садовник.

Дори кивнул: он так и думал, что это то самое убежище Цестинды, которое они так и не нашли

в Кронии. Гремлин задумчиво водил кончиками пальцев по ручке топора и напряженно соображал, что же ему делать. По всему выходило, что Дубок совсем не злой, но об этом надо как-то сказать Огромному Дубу… но ведь у Дори нет никаких средств связи.

— А я могу по твоим корням попасть в Крониию? — с надеждой спросил гремлин. — У меня там отец, моя любимая невеста, а еще мама, тети и дяди, кузены и кузины…

Дори тяжело вздохнул, когда вспомнил свою родню: так мало времени прошло, а он уже жутко по ним скучает.

— Сейчас нет, — ответил Дубок, — мои корни тянутся между мирами, но они еще на несколько небес не достигли Кронии, иначе бы я уже коснулся своего отца и объяснил ему, что люблю его и не причиню зла. Но, — он замолчал, а потом продолжил опять: — Я опасаюсь, что он может отвергнуть меня, если не сообщить ему истину. Дори, ты поможешь мне?

— А? Чем? — удивился юный гремлин. — Как я могу помочь тебе?

— Передай всем в Кронии и Огромному Дубу наш разговор. Скажи, что я не стремлюсь высосать его волшебство.

— Я не могу это сделать, — помотал головой Дори, — вот видишь… хотя нет, ты не видишь…

— Вижу, — перебил его Дубок, — я многое вижу, пусть у меня и нет глаз.

Дори снял свой медальон и покачал им в воздухе.

— Он пришел в негодность, потух и я даже не могу сказать отцу, что со мной все в порядке или, что меня надо спасать, или еще что. Я никак не могу связаться с Огромным Дубом. Прости, пожалуйста.

Дубок опять замолчал, а Дори задумался о том, что они все так ужасно ошибались на его счет: обвинили его в злых умыслах, а ведь он был просто волшебным деревцем.

— В Крепости должно быть зеркало, — сказал Дубок задумчиво, — зеркало, через которое можно разговаривать с Кронией. Когда я говорил с Крепостью, она перечислила несколько своих артефактов.

— Ты говорил с Крепостью? — опять подскочил Дори, и Дубок заботливо отодвинул корень, чтобы гремлин опять не ударился головой. — Она же злая! Это из-за нее все и решили, что ты заберешь магию у своего отца!

— Я этого не знал, — обиделся Дубок, — про-

сто поговорить хотел, но Крепость оказалась излишне увлеченной своими делами и тем, как ей питаться, что наше общение закончилось, не успев начаться.

— Это как? — не понял Дори.

— Мы поговорили немного, а потом мне надоело, — объяснил Дубок. — Ты можешь войти в Крепость, отыскать зеркало и связаться со своим отцом, а через него — с моим. А после, стоит мне дорасти до Кронии, ты отправишься домой.

Дори снова теребил кисточку на хвосте: идея казалась хорошей, но вот лезть прямо в убежище Цестинды казалось ему очень опасным.

— А если Крепость захочет мне что-то сделать? — спросил он. — Что-то плохое?

— Она спит, — ответил Дубок, — просыпается вечером и бодрствует ночь, а дни напролет это только лишь избушка. Все ее силы уходят на поддержание жизни и на то, чтобы разговаривать с колдуном-садовником. Крепость и не заметит тебя.

Дори почесал в затылке: может и правда забраться в Крепость не так уж страшно. А там найдет волшебное зеркало и поговорит с Кронией. С отцом… а может и с Лори. При воспоминаниях о Настоящей Любви его сердце забилось чаще.

— А как же сам колдун? — спросил Дори. — Что, если он меня поймает?

— Нет, его нет дома, — ответил Дубок.

— А люди? Они же из меня чучело хотели сделать!

— Они отошли достаточно далеко, — Дубок сделал паузу, будто сам думал, стоит ему говорить это или нет, но потом все-таки продолжил: — я не думаю, что они в самом деле желали сделать из тебя чучело, Дори. В них не ощущается того же, что есть в Крепости и садовнике-колдуне. В них нет ничего темного и неправильного.

— Но рисковать не хочется, — ответил Дори.

Он покрутил в руках топор. Подумал об отце и Лори.

— Я подскажу, в какую сторону идти, — сказал Дубок, неправильно поняв его молчание, — ты не заблудишься.

— Значит, я войду в избушку этого садовника-колдуна, — вздохнул Дори, — ты точно уверен, что его нет дома?

— Точно, — Дубок слегка пошевелил маленьким корешком рядом с рукой Дори, — я же чувствую и вижу все, что происходит неподалеку. Он к ручью спустился и там сидит. Пытается воду заколдовать, но ничего не выходит.

— Ладно…

Дори грустно посмотрел на топор: надо же, вон как гномы старались, ковали, ночь не спали, а он им и не воспользовался. Да и зачем, если Дубок хороший? Единственное, что страшно: вдруг топор по дороге потеряется? Жалко до слез будет!

— Оставь его здесь, тогда мешать не будет, — деревце опять неправильно поняло задумчивость Дори, — а я спрячу как следует. Или… или ты мне не доверяешь?

— Конечно, доверяю, — заверил Дубок Дори, — спрячь мой топор хорошо, ладно? А потом отдашь.

— Нет проблем.

Дори осторожно уложил топор на землю и сразу почувствовал себя как-то необычно, будто сроднился с волшебным артефактом. Отпускать жутко не хотелось, но он еще не успел сказать Дубку, что передумал, как тот утащил топор по землю, укрыв ворохом корней.

— Все хорошо? — забеспокоился Дубок. — Или ты хотел бы подержать его у себя?

— Да-да, все в порядке, — Дори теребил кисточку хвоста, — просто боюсь колдуна.

— Я попробую его отвлечь, если он решит вернуться раньше того, как ты выберешься. Все будет

просто отлично.

— Надеюсь…

Дори на четвереньках выбрался из норы, созданной корнями Дубка.

Дубок знал, что Дори предстоит сделать многое, но он мог вернуться домой, в то время как волшебному дереву здесь расти и жить. Не то, чтобы это так уж расстраивало: Дубку нравилась земля, других мест он и не знал, да и то, что люди способны удивлять он тоже уже понял. Тем не менее, он аккуратно укрыл топор Дори так глубоко, чтобы его достать было невозможно. Вдруг, кто-то еще решит его срубить?

Глава четырнадцатая

...в которой один смелый гремлин проникает в жилище колдуна и изучает его обличья, а юные любители природы думают, кого нужно спасать.

Дори выбрался из-под корней и прислушался: пусть ему и сказали, что дети сейчас далеко, но вдруг Дубок ошибся? Он же еще молодое деревце, вдруг не все может определить точно...

— Ты идешь?

От неожиданности Дори подпрыгнул.

— Ты меня напугал! — сказал он. — И вообще, как ты так говоришь, если у тебя рта нет? Да еще и так четко.

— Я и не говорю, — ответил Дубок, — это ты как волшебное создание слышишь мою речь. Но не ушами, а своей сутью. Именно потому я и сказал, что люди меня не услышат: этот народ давно перестал верить в магию.

— Правда? Ну ладно, — Дори поднялся и принялся отряхивать землю с колен. — В какую сторону мне идти, чтобы выйти к избушке колдуна?

— Направо.

— От меня или от тебя? — уточнил Дори. — Не обижайся, но вдруг мы друг друга не поймем.

Гремлин сам поражался, как легко ему разговаривать с Дубком. Огромный Дуб представлялся всем в Кронии очень важным и серьезным. К нему просто так даже не подходили, не то чтобы заговорить. А здесь молоденькое деревце казалось дружелюбным, говорить с инм словно с кузеном младшеньким поболтать.

— Направо от тебя, — пояснил Дубок, — и никуда не сворачивай. Ты сам заметишь Крепость.

— Спасибо. Я постараюсь управиться побыстрее, найду волшебное зеркало, заберу его, свяжусь с отцом и сразу вернусь, — от всего сердца пообещал Дори.

Он ведь не хотел задерживаться в мире людей ни секундой больше, чем это необходимо. Дори припустил в указанную сторону, но споткнулся о корень, который Дубок поспешно убрал в землю.

— Извини, пожалуйста, — сказал он, голос уже звучал тише, — я не хотел.

— Да ничего, — ответил Дори, он потер очередной синяк и опять поднялся. — Почему ты так тихо говоришь?

— Чем дальше ты от моей коры — тем мне тяжелее к тебе обращаться, легче всего, если ты ко

мне прикасаешься.

Дори кивнул и дальше уже пошел, глядя себе под ноги, чтобы опять не споткнуться.

Чем дальше он уходил от дружелюбного Дубка, тем страшнее становилось. Дори казалось, что даже тени сгущаются, а у деревьев ветки торчат в стороны угрожающе, да и листва шелестит как-то недобро. Так и веет злом отовсюду!

Дори был готов чуть что юркнуть в кусты. Без невидимости он чувствовал себя совсем беззащитным, будто бы на него смотрят десятки глаз, а колдун только и ждет, чтобы проклятье какое наслать.

Дори так увлекся своими страхами, что чуть было не прошел мимо избушки колдуна, то есть убежища Цестинды. Оно и немудрено — избушка-то была самой обычной. Пусть больше и выше, чем обычно строили для себя маленькие гремлины, но совсем непохожа на магическую крепость страшной ведьмы или злобного мага. Домик себе и домик. Только морда какого-то монстра на коньке крыши и она же на входной двери. Но полустершаяся и почти не страшная.

— Надо идти, — сказал Дори, его голос прозвучал совсем жалко.

Он вздохнул и подошел ко входной двери,

поднялся на цыпочки, взялся за ручку, потянул и… ничего не произошло. Дори на пробу дернул несколько раз: дверь не подавалась! Гремлин почесал в затылке, потом толкнул, вдруг открывается внутрь? Но тоже не получилось.

«Дверь заперта», — понял Дори. Он отошел на пару шагов, но не заметил нигде окошек.

— Да что ж такое! — возмутился он.

Дори обдумал вариант, а не сбежать ли ему прочь, пока колдун не вернулся, но вспомнил о том, что тогда точно не сможет домой, в Кронию, попасть. А оставаться в мире людей ну совсем не хотелось. Дори вздохнул и решил проверить всю избушку, не может же даже самый злобный и опасный колдун без света обходиться? Юный гремлин попятился и, не поворачиваясь спиной, осторожно обошел ее и обрадовался, заметив одно-единственное зашторенное окошко. Еще и с приоткрытой форточкой, видимо — из-за сильной жары. Конечно, она была высоковата, но забраться уже можно.

— Я скоро вернусь домой! — на радостях крикнул Дори, а потом зажал рот ладошками и испуганно оглянулся: вроде бы никто не торопился бежать к нему и превращать в лягушку или делать чучело, хоть с этим повезло.

Он успокоился, выдохнул и примерился к окошку: оставалось только прыгать. Дори подошел поближе, еще раз опасливо оглянулся и подпрыгнул так высоко, как только мог. Пальцы скользнули по раме, и юный гремлин снова оказался на земле. Он попробовал еще раз и снова не достал, еще и упал неудачно.

— Ну уж нет! — сказал Дори. — Я так просто не сдамся! Я же герой!

Правда, особо смелым он себя сейчас не чувствовал, и колени дрожали.

— Вот бы Лори меня сейчас видела… — снова попробовал себя воодушевить Дори, — тогда бы она сразу поняла, что я ответственный. И отец бы убедился, что я смогу справиться с управлением Кронией… эх, вот ведь не так плохо правителем быть: ни тебе колдунов, ни ведьм, только дрязги мелкие между солнечными жителями.

На третий раз Дори все-таки удалось подпрыгнуть достаточно высоко, чтобы уцепиться, и он с тяжелым кряхтением полез в форточку. На полпути гремлин застрял и пискнул, болтая ногами в воздухе. Видеть что-то в домике мешала пыльная блекло-желтая штора, а ноги так и оставались снаружи. Окно нехорошо скрипнуло, Дори зажмурился и дернулся вперед.

— Ой! — пискнул юный гремлин, когда почувствовал, что падает.

«Бам!» — раздалось, когда он свалился на пол внутри избушки, вместе со шторой, за которую зацепился и сорвал вместе с карнизом.

Дори выпутался из желтой ткани и оглянулся.

— Ай! — взвизгнул он и закрыл глаза ладонями. — Не трогайте меня! Я еще маленький!

Ему показалось, что отовсюду на него смотрят злобные создания и вот-вот набросятся. Дори так и сидел, закрыв глаза, а потом неуверенно убрал ладошки и присмотрелся: оказывается, он принял маски, развешенные по стенам, за настоящих существ. Гремлин обругал сам себя и поднялся с пола.

— И ничего страшного нет, — неуверенно сказал себе Дори.

Он оглушительно чихнул: в избушке было очень пыльно и грязно. Колдун явно не слишком уж заботился о том, чтобы наводить порядок, кровать стояла неприбранной, со скомканным ворохом покрывал и парой смятых подушек, на лавках торчали оплавленный свечи, на заставленных склянками и черепами полках виднелся слой пыли. У очага стоял большой темный котел, в который поместилась бы парочка гремлинов и,

судя по бурому налету, его тоже давно не мыли и не чистили.

«Надо найти волшебное зеркало», — подумал Дори. Он оглянулся на маски, поежился и подошел к полкам с магическими принадлежностями. Каждый его шаг поднимал в воздух клубы пыли, и юный гремлин опять оглушительно чихнул, а потом закашлялся.

Тем временем вне избушки тоже происходил целый ряд событий.

Если бы Дори сейчас был поближе и не вошел в Крепость, которая почти полностью заглушала звуки изнутри, Дубок попытался бы привлечь его внимание и дать знать, что пора уходить. Он как раз заметил, насколько близко подошли люди. Дети так и не смогли найти лесника и решили все-таки направиться туда, где, как казалось Шуре, она видела избушку.

— Найдем Каматаша Гребневича и расскажем ему про зверушку, — предложила Алиса.

Она вообще считала, что лучше обо всем рассказывать взрослым. Во всяких книгах и фильмах с детьми случались неприятности именно потому, что они что-то скрывали. А старшие им никогда не верили именно оттого, что те сообщали, когда уже было поздно что-то менять. Так она и сказала

остальным.

— Ну нельзя же быть такой правильной, — ответил на это Женя.

— И мы тоже взрослые, — добавил Артем.

Остальные промолчали. Они слишком выдохлись из-за беготни по лесу и сильно устали.

Наконец ребята заметили крышу и поспешили к избушке.

— Я же говорила, что видела ее, — победно провозгласила Шура.

— Ага, и потому мы бродили по лесу час, — ехидно заметил Женя.

Алиса посмотрела на него поверх очков, и парень закатил глаза. Что бы он там ни говорил о своих чувствах, непохоже было, что мальчик собирается как-то менять свое отношение к Шуре.

Ребята вышли к задней части избушки лесника именно в тот момент, когда Дори пролазил внутрь. Они заметили торчащие из форточки лапы «зверушки» да так и замерли.

— Что он делает? — шепотом спросила Света.

— Лезет внутрь, — ответил ей Саша, — наверное, еду воровать будет. — Или блестящие вещи, как сорока.

Тут Дори таки проскользнул внутрь, и они услышали грохот и ойканье.

— Пролез, — констатировал факт Женя.

— Но это же дом колдуна! Колдун его обязательно обидит! — принялась переживать Света.

Алиса положила ей руку на плечо и сказала успокаивающе:

— Не волнуйся, я уверена, что Каматаш Гребневич добрый.

— Вы снова за свое! — Света скинула ее руку и обиженно надула губы. — Он колдун! Он тетю и дядю обжег, когда они на него закричали. Никакой он не добрый!

Алиса не знала, как успокоить Свету и объяснить ей, что не стоит просто так обвинять ни в чем неповинного человека.

— Его здесь нет, — на удивление дипломатично сказала Шура, — слышишь, тихо. А зверушку мы не обидем, да?

Она внимательно посмотрела на молчащих мальчиков. Артем смутился, Саша сделал вид, что не понимает, о чем речь, а Женя пожал плечами.

— Если будет кусаться, то посмотрим, — заметил он, — за себя не ручаюсь. Не люблю, когда кусаются, вдруг там бешенство еще…

Света стиснула кулаки.

— Нет у него бешенства, просто он напуган, но мы ведь его защитим от колдуна? Правда?

— Конечно, Малиновка, — заверила ее Алиса, — сейчас разделимся, будем дежурить у всех выходов и обязательно его или ее, если зверек девочка, поймаем, а потом позаботимся, чтобы никто никого не обижал.

— А ты опять командуешь, — отметил Женя.

Алиса поморщилась: вот так всегда, сначала он отмалчивается, а потом возмущается, чего она принимает решения. Девочка открыла рот, чтобы объяснить Жене, насколько он неправ и не подходит на роль лидера, но Саша заговорил быстрее:

— Давайте не будем ссориться. Это мы точно еще успеем.

Тем временем, Дори и не подозревал, что планируется его поимка. Он перебирал магические артефакты на полках и пытался найти хоть что-то, напоминающее зеркало для связи с Кронией. К удивлению юного гремлина, на узеньких полочках снова и снова появлялись новые предметы, стоило отодвинуть что-то одно и перестать обращать на него внимание. Дори сказал сам себе, что это магия, но данный фактне утешал, ведь волшебство здесь могло быть только злое! Он и так то и дело вздрагивал и отскакивал, когда под руку попадался череп или склянка с каким

зельем, или картинка, сделанная из маленьких косточек, или еще что-то похуже. Ужас сплошной, а не подвиг!

На маски, развешенные по стенам, Дори и вовсе оглядываться боялся, до того жуткими они казались. Совсем как настоящие лица, того гляди — оживут. В воздухе висели облака пыли, и справиться чихом никак не удавалось.

«Выберусь отсюда, — думал Дори, — вот точно не соглашусь больше ни на какие подвиги! Ни через сто лет, ни через тысячу… вообще никогда! Хватит с меня приключений. Буду тихо жить дома, сидеть на крылечке да на облачка в небе смотреть».

Тут в руках Дори оказалась банка, а в ней в голубоватой жидкости плавала крупная крыса с лиловой шерстью, украшенной зелеными полосами. Гремлин уставился на нее. Крыса шевельнула носом, открыла глазки, а потом закрыла. От ужаса юный гремлин выронил банку. Та разбилась, жидкость разилась по полу вязкой лужей, а крыса лежала несколько секунд неподвижно, как мертвая, а потом вскочила на лапки и бросилась наутек.

Дори, когда это случилось, сам отскочил едва ли не в самый дальний угол комнаты. Он никогда не

боялся крыс, но эта ведь была весьма странной. А потом возьми да и оживи!

— Ненавижу колдунов, — застонал Дори.

Он надеялся, что зеркало для связи с Кронией, о котором говорил Дубок, скоро ему попадется. А то ведь так и поседеть можно. Тяжело это дело все-таки, быть героем двух миров…

Тут в руках Дори оказалось зеркало, но не успел он обрадоваться, как ручка зеркальца вытянулась, прекратившись в желтый чешуйчатый хвост, а оно само — в змеиную голову.

— А-а-а-а! — закричал Дори и уронил бывшее зеркало на пол.

— Ш-ш-ш! — ответила самая настоящая змея.

Юный гремлин взобрался на кровать и в ужасе смотрел, как змея, шипя и отплевываясь, извивается на полу. А потом она начала исчезать: просто таяла в воздухе, как туман, до тех пор, пока не пропала полностью.

Дори еще немного посидел на кровати, среди вороха смятых покрывал, не решаясь опускаться на пол. А вдруг змея вернется? Или, кто знает, мало ли у нее тоже какая способность к невидимости есть, как была у самого Дори, когда медальон еще работал?

Юный гремлин скинул одно из покрывал туда,

где исчезла змея. Оно легло на пол ровно, но Дори все равно опасался спускаться. Так бы и сидел до самой ночи, но вспомнил, что находится в магической крепости злобного колдуна. И, если не уйдет до его возвращения, то может еще что плохое случиться. Дори не знал, на какое ужасное колдовство способен наследник Цестинды, но вообразить мог очень много такого, от чего начинал мелко дрожать. С фантазией у героя Кронии всегда было хорошо, а уж после встречи с ведьмой, которая кошмары оживлять умела, так и подавно.

— Я же с-с-мел-лый, — стуча зубами, прошептал Дори, — с-с-сильный, хр-р-рабрый. Я со всем спр-р-равлюсь. Лор-ри будет мной гор-р-рдиться.

Он опасливо спустил ноги с кровати, а потом вернулся к полкам, внимательно оглядывая пол и прислушиваясь, не шелестит ли где чешуя. Но стоило Дори взяться за следующий магический предмет, как его сердце опять часто забилось: это снова было зеркальце, правда другое. Небольшое, овальное и с вычурной серебряной ручкой. На обратной стороне легко нащупывалась выгравированная надпись.

— Мэйд ин Шанадау, — прочитал Дори, перевернув его. — Ой! Значит точно то, что мне и

надо! Ура!!!

Шанадау называлось горное поселение гномов, где изготовлялись всякие волшебные вещи. Значит это именно то зеркальце, которое он искал, а не какая-то непонятная штука, что в змею превращается. Вещи из Шанадау всегда имели только одно назначение.

Дори потряс зеркальцем и улыбнулся. Вот сейчас он свяжется с отцом и Огромным Дубом, все им расскажет да сможет спокойно домой отправиться. Дело-то быстрое! Но в зеркале ничего не появилось, кроме его отражения.

— Может, надо напряженно подумать? — задал себе вопрос Дори и попытался сосредоточиться на мыслях об Эргене.

Ничего не изменилось.

— Покажи мне моего папу, — попытался пойти другим путем юный гремлин, — пожалуйста.

И опять ничего. Дори разочарованно вздохнул и привалился к полке, в этот момент на ней опять появилась пара склянок с зельями. Они с грохотом попадали на пол и разбились.

Дори стряхнул капельки с ног и постарался отойти от битого стекла. Он прислушался, ему показалось было, что снаружи раздаются какие-то звуки и голоса, но точно уверен не был. А

волшебное зеркальце упорно отражало только его напуганную и пыльную мордашку.

— Да что мне артефакты бракованные все время достаются?! — воскликнул Дори.

Будто бы в ответ завибрировал пол, маски на стенах начали раскачиваться, а баночки на полках подпрыгивать.

«КТО ПОСМЕЛ ВОЙТИ ВНУТРЬ ВО ВРЕМЯ МОЕГО СНА?» — голос, раздавшийся в голове Дори, не был его собственными мыслями. Он был чужим, яростным и полным ненависти. Юный гремлин и без дополнительных объяснений понял, что это к нему обращается та самая Крепость — колдовское убежище злобной Цестинды. И не похоже, что она рада гостям.

— Мама! — взвизгнул Дори и заметался по крошечной избушке.

«ЕЕ ЗДЕСЬ НЕТ, ТОЛЬКО Я, НИЧТОЖНЫЙ ГРЕМЛИН».

Пол вздрагивал и дергался под его ногами, то и дело наш герой падал и почти ронял зеркало, но каждый раз вцеплялся в него намертво. Наконец, Дори удалось добраться до двери и каким-то чудом отпереть замок. Впереди было спасение от яростной Крепости, но и здесь юного гремлина поджидал очень неприятный сюрприз.

Дело в том, что пока Дори копался, ребята действительно устроили засаду.

Совсем недавно между ними произошла целая сцена.

— Да не надо ждать его под дверью, в сотый раз вам говорю, оно же животное, дверных ручек не понимает, — Женя бурно жестикулировал, объясняя свою позицию.

— Наша кошка открывает двери, — не согласился Саша, — да, Света?

— Ага, — подтвердила его сестра, — прыгает на ручку и р-р-раз! Хлоп! Дверь открыта.

— Оно не животное, — настаивала Шура, — оно — представитель разумной расы. Такое, что, может, даже более разумное, чем ты, Женя.

Алиса встала между ними и сказала: «Брейк!».

Артем, как и обычно, молча наблюдал. Он вообще был мальчиком тихим, а в этой компании не чувствовал себя до конца своим. Артем даже грустно вздохнул: Алиса такая решительная и серьезная… Вот признаешься, что к ней чувствуешь, а она посмеется.

— Ну, что думаешь? — спросила Алиса, Артем не сразу понял, что вопрос адресован ему.

— Думаю по поводу засады? — уточнил он на всякий случай, не говорить же, что он не слушал

их дурацкой перепалки.

— Нет, по поводу жизни на Марсе, — фыркнул Женя, — ну конечно по поводу засады, Темыч.

Все смотрели на Артема, будто ждали, что он решит. Это казалось отчасти приятно, но больше напрягало: с самого начала вся эта погоня за неизвестным зверем ему была не по душе. Лучше бы занимались, чем нужно, и от лесника подальше держались. Артем не мог объяснить, в чем дело, но Каматашу Гребневичу он не доверял. Уж слишком подозрительно все складывалось. А к подозрительному лучше близко не подходить.

Но от него ждали ответа, так что мальчик пожал плечами и сказал:

— Кто-то все равно у дверей дежурить должен. Побежит зверь ваш или нет через них, но может вернуться лесник.

Продолжать не пришлось, Женя хлопнул Артема по плечу и сказал:

— И правда, кто-то же на шухере стоять должен. Темыч — голова. Лиска, ты, я и он, как самые старшие этим и займемся, а мелочь пусть зверушку ловит.

— Мы не мелочь! — пискнула Света.

— Уж я точно, — добавил Саша.

Шура ничего не сказала, но смотрела так недо-

уменно, будто не понимала, о чем вообще речь. Эта девочка Артема немного пугала, со всеми ее теориями и идеями. Кто знает, а вдруг завтра ей в голову взбредет их в лес завести, лопатой по голове ударить и прикопать? Так было в каком-то фильме, который Артем недавно смотрел.

— Евгений! — сурово сказала Алиса. — Прекрати это.

— Что именно? — уточнил Женя. — Короче, ребят, все дислокацию поняли? Я, Темыч и Лиска стоим у дверей, вы — у окошка сзади. Кто-то да поймает нашего чертика. Вперед!

Младшие закивали.

— Вот мы и узнаем, какому народу принадлежит наше создание, — сказала Шура.

— Или что это животное, — уточнил Саша.

— И спасем его от колдуна! — внесла свою лепту Света, а потом добавила: — Или ее, если девочка.

Они довольно быстро ушли за избушку, хотя Артем еще какое-то время слышал их голоса и обсуждение, что именно они станут делать с пойманным зверьком.

В молчаливом переглядывании прошло некоторое время. Артем присел на крылечко, Женя, недолго думая, устроился прямо на земле. Алиса же так и осталась стоять. То ли боялась испач-

каться, то ли просто из упрямства.

— Как думаете, — нарушил тишину Женя, — что первым будет: лесник вернется или чертик из окна полезет?

Ответить ему никто не успел, потому что дверь за спиной Артема приоткрылась, и оттуда показался их таинственный зверек, сжимающий в передних лапах небольшое зеркальце.

Глава пятнадцатая

...в которой ребята узнают много нового о чувствах друга друга, а Дори все-таки говорит с Кронией и понимает, с кем у него самая сильная связь.

Алиса и Женя замерли, глядя на Дори, а тот тоже застыл.

— В чем дело? — не понял Артем. — На что это вы смотрите?

Когда он догадался обернуться, Дори уже справился с шоком и приготовился бежать, Женя и Алиса тоже пришли в себя и попытались его поймать, причем эта идея пришла им обоим в головы одновременно. Так что они и кинулись вместе, не обращая внимания на сидящего между ними и их целью Артема. А тот, заметив гремлина, попытался вскочить на ноги. Ничем хорошим это закончиться не могло: все трое повалились друг на друга с криками и проклятиями, а Дори проскользнул мимо и помчался под укрытие деревьев.

— Слезьте с меня! — возмутился Артем.

Они запутались в руках и ногах, а его еще и

приложили спиной о ступеньки крыльца.

— Сам слезь! — ответил Женя. — И убери свою руку…

— Это моя, — проворчала Алиса.

Когда им удалось кое-как подняться, отталкивая друг друга и шипя, как раз показались Шура, Света и Саша. Они оббежали дом так быстро, как только смогли, когда услышали шум и ругань.

— Что тут случилось? — спросила Света. — Вы поймали зверька?

— Скорее — это он поймал нас, — проворчал Женя, потирая бок, — Лиска, признавайся, ты робот из другой галактики? Кости у тебя точно железные.

— Никакой я не робот, — обиделась Алиса.

Она опиралась рукой о стену избушки и недовольно поглядывала на Женю с Артемом. Ее очки перекосились, волосы растрепались, да и вообще выглядела Алиса сейчас совсем не такой взрослой и собранной, как обычно.

— Не помашали бы мне, поймали бы этого чертенка, — буркнул Женя.

Шура попыталась объяснить, что это никакой не «чертенок», потому что понятно же, что к демонам и Преисподней отношения не имеет, двое спорщиков ее не услышали, а Артем только

пожал плечами: какая по большому счету-то разница черт это или нет?

— Так это я теперь виновата? — аж задохнулась от возмущения Алиса. — Хорошие дела!

— Она не виновата, — решил заступиться за девочку Артем, — это ты бросился ей наперерез.

Женя хохотнул.

— Ну да, всегда поддерживай девчонку, в которую втрескался — так держать!

Артем просто не мог поверить в то, что он слышал. Откуда Женя мог знать о его чувствах к Алисе? Он ведь рассказывал об этом только Саше… разве что тот взял и проболтался.

Они с сестрой и Шурой как раз с интересом смотрели на возмущающегося Женю и, похоже, пытались понять, что же тут произошло.

— Так сложно промолчать, когда тебе тайну доверяют? — набросился Артем на Сашу. — Всем уже о моих чувствах к Алиске растрепал?!

Именно в этот момент образовалась пауза в обвинениях. Алиса с Женей враз прекратили спорить, услышав слова Артема.

— Э… друг, я ничего не говорил, — ответил Саша.

Он явно удивился от такого обвинения, а еще больше удивилась Алиса.

— Ты в меня ВЛЮБЛЕН? — спросила она, ее глаза стали расширились, и смотрелась она сейчас почти смешно.

— Ты мне нравишься, — не стал отрицать Артем.

Он решил уже не молчать, раз случайно оговорился.

— О-о-о, — покачал головой Женя, — на воре и шапка горит, как посмотрю. Я же шутил про то, что кто-то тут втрескался.

— У тебя есть провидческий дар, — совершенно серьезно ответила ему Шура, — но важно другое. Что случилось с неизвестным существом? Вы его не поймали?

— А ничего, — махнул рукой Женя, — опять сбежал. Благодаря вот этой паре влюбленных голубков.

— Мы не голубки! — накинулась на него Алиса.

— Ну ладно-ладно… влюбленные котята.

Артем тяжело вздохнул: теперь от шуточек им не избавиться долго. Разве что найдут что-то, чем можно заткнуть Женю. У Алисы, как оказалось, было это что-то, она уперла руки в боки и задала Жене вопрос:

— А ты когда Волче признаешься в чувствах?

Тут самообладание покинуло уже Шуру. Девочка секунду или две пялилась на Женю, не моргая, а потом спросила с плохо скрываемым раздражением:

— Так это потому столько околонаучных нападок?

— А не говори антинаучной чуши! — тут же среагировал Женя.

— Крутые у тебя чувства!

— Установление истины не имеет никакого отношения к чувствам!

Света и Саша наблюдали за спорщиками с одинаковым выражением на лицах: все происходящее казалось им едва ли не самым бессмысленным, что за сегодня случилось.

— Пообещай, что закроешь меня в комнате, если я влюблюсь, — тихо попросила у брата Света.

— Ага, — кивнул Саша.

Он обратил внимание на приоткрытую дверь избушки и, указав в ее сторону, громко спросил:

— Может, раз наша зверушка сбежала, посмотрим, что там внутри?

Остальные, слишком увлеченные разбирательствами и выяснением, кто кому должен был раньше сказать о своих чувствах, не сразу поняли, о чем речь.

— Это же чужой дом, — неуверенно возразила Алиса.

Она уже поправила очки и пригладила волосы, хотя все еще выглядела несколько взъерошенной.

— Я постою на шухере, — предложил Женя.

— Нельзя заходить в чужие дома без спросу!

Алиса очень быстро пришла в себя.

— Мы и не заходим, — Женя сам указал на дверь, — мы просто проверяем, все ли в порядке, и почему открыто. Только глянем и уйдем.

— Но… — начала Алиса.

— Ой, Лиска, только не говори, что тебе неинтересно, как там этот чудак живет.

— Он колдун, а не чудак, — напомнила Света.

Женя вздохнул и потянулся потрепать девочку по голове, но Света отступила за спину брату и показала ему язык, а Шура задумчиво выдала:

— Вот и проверим, практикует ли он магию.

— Да нет никакой магии, — проворчал Женя, — есть только шарлатанство и фокусы…

Это заявление могло начать очередной виток споров о магии и науке, так что нужно было быстро переводить тему.

— Давай я снаружи постою, — предложили Алиса с Артемом хором и удивленно переглянулись.

— Так мы идем или нет? — спросила Света и уже потянула Сашу за руку в сторону приоткрытой двери избушки.

— Идем-идем, — согласился Женя.

Пока же подростки обсуждали вопросы, связанные с чувствами и тем, можно или нет входить в чужой дом, если дверь уже открыта, Дори успел сбежать далеко в лес. Да не просто так, а в сторону Молодого Дубка. Как ни странно, несмотря на страх и спешку, юный гремлин не заблудился и даже почти нигде не споткнулся.

Дори юркнул в образованную корнями нору и пробрался поглубже, на тот случай, если бы эти ужасные дети попытались его поймать.

— Я достал зеркальце, — сообщил гремлин.

— Вижу, — ответил Дубок, — ты уже связался с Кронией?

— Пытался, но никак.

Гремлин покачал головой и снова напряженно задумался об отце — ничего не получалось.

— Почему у меня не получается? — опечалился Дори.

Он привалился спиной к корню Дубка и с сожалением посмотрел на зеркальце. Как ни старался, как ни думал про отца или Огромной Дуб — ничего не происходило. Даже когда про маму

вспомнил, зеркало только легкой рябью пошло.

— Вспомни о том, кто тебе дорог, — посоветовал Дубок.

— Мне очень дорог мой отец! И мама тоже… но ничего не получается!

Дори опять потряс зеркальцем и даже подумал постучать по нему, но решил не делать этого, а то разобьет еще. Эти поделки из Шанадау часто такие хрупкие и очень легко ломаются…

— А кто вызывает самые глубокие чувства в твоем сердце? — спросил Дубок. — Может, попробуешь связаться с кем-то другим?

Дори хлопнул себя по лбу.

— Точно! Лори!

— Что такое «Лори»? — поинтересовался Дубок.

— Не что, а кто! — ответил Дори. — Она моя Настоящая Любовь!

Он зажмурился, прижимая к себе зеркальце, и подумал о самой прекрасной гремлинше на свете. Той, с кем он хотел провести всю свою жизнь. Ту, ради разрешения на свадьбу с которой дал уговорить себя на подвиг и готов был рискнуть всем-всем, что у него имелось.

— Лори, — прошептал Дори. — Лори! Лори!

Он не видел, как сменилось изображение в

зеркале, но в далеком, по ту сторону корней Дубов, другом мире, где располагалась волшебная Крония, Лори как раз проходила мимо небольшого пруда. Рядом с ними росли кусты малины, с которых она старательно обирала ягоды.

— …ори… Лори… Лори! — раздалось со стороны пруда.

Гремлинша напряглась и навострила ушки: она знала, что ни русалок, ни кикимор, ни нимф здесь не живет. Ну разве что кто-то новый поселился, а в гости еще зайти не успел. Но тогда бы они ее имени не знали. Тем более, голос не напоминал бы так о Дори.

— Я слишком много о нем думаю, — пожурила себя Лори.

Она в последнее время, в самом деле, никак не могла прекратить думать о Дори. Ей уже казалось, что зря она так наседала на него по поводу полезности. Ну, не совершил бы подвига, дальше что? Будто мало, что Дори уже дважды спасал Кронию! Ну и пусть постоянно этим хвастается — есть ведь из-за чего…

Лори снова показалось, что его голос слышится от пруда, и она, вздохнув, повернулась к воде. На самом деле, ведь вся проблема с Дори была именно в том, что Лори испугалась. Да, она сразу

поняла, что этот гремлин заставляет ее сердце биться чаще, но хотела сначала подумать. А Дори возьми и сразу объяви ее своей Настоящей Любовью! Еще и стать его женой позвал, тут немудрено перепугаться.

— Лори!

Вот теперь она не только ясно услышала его голос, но и увидела лицо. Дори отражался в глади пруда, будто стоял рядом с Лори на берегу. Его глаза были зажмурены, а губы повторяли и повторяли ее имя.

— Дори? — Лори опустилась на колени. — Что ты тут делаешь? Что ты вообще делаешь?

— Ась?

Он распахнул глаза и уставился на Лори из пруда.

— О! Получилось! Дубок, у меня все получилось! Это Лори!

— Да, это я, — серьезно ответила Лори и склонилась к воде ближе, — но как ты оказался в этом пруду?

Дори как будто бы удивился, а потом дернул себя за кончик уха.

— Точно, отражение… это магия, Лори, я нашел такое зеркальце. Оно помогает мне связаться с Кронией!

Лори покачала головой. Она поменяла позу и устроилась поудобнее, корзинку с малиной гремлинша отставила в сторону, чтобы не мешалась.

— А что с твоим медальоном случилось? — спросила Лори.

Дори махнул рукой и его отражение пошло рябью, но потом восстановилось и опять стало четким.

— Да так, сломался. Это неважно…

— Еще как важно! — не согласилась Лори. — Как ты теперь определишь, как близко к тебе колдун подобрался? Или как с отцом свяжешься и дашь знать ведьмам, что тебя пора забирать домой…

Она задумалась на секундочку, а потом улыбнулась и махнула хвостом.

— А, ну вот зачем тебе зеркальце.

— Ага, — просиял Дори, — правда я молодец, что его нашел?

— Молодец, — согласилась Лори, а потом схватилась за голову: — ой, Дори, а как ты? Лунная Правительница Тананна сказала, что портал сработал, и ты благополучно попал в мир людей… но я все равно жутко за тебя переживала. Где ты спишь? Как себя чувствуешь? Что ты ешь?

На последнем вопросе желудок Дори заурчал

так громко, что даже через магическое отражение Лори его услышала.

Она велела себе не переживать, ведь все в порядке. Раз уж Дори нашел зеркало и выглядит живым и здоровым, то волноваться не из-за чего. Он же и вправду герой, который справлялся со всякими ужасами, точно не пропадет.

— Я в порядке, — грустно ответил Дори, — но остальное не очень хорошо. Ты за меня переживаешь? Правда-правда?

— Конечно! Ты же моя Настоящая Любовь, дубина!

Лори не сразу поняла, почему в отражении стало что-то мелькать, а лицо Дори то появляться, то пропадать. Она даже вскочила с места и подумала, не надо ли сбегать за кем-то, кто разбирается в магии, а потом догадалась: Дори просто прыгал от радости, а зеркальце сжимал в руке.

— Я очень рад, — сказал он, успокоившись, — не из-за того, что ты волнуешься… я рад, что ты тоже меня любишь.

Лори пригладила шерстку за ушками и спокойно ответила:

— Но это же Настоящая Любовь, она бывает только взаимной. Иначе бы она не была Настоящей.

— А… ну да, — почесал в затылке Дори, — так и есть… Лори, я могу попросить тебя об одолжении?

— Что угодно! — быстро ответила она.

— Позови сюда моего отца, пожалуйста. Если сможешь.

Лори кивнула.

— Конечно, ты только никуда не уходи!

Она поднялась и побежала от пруда в сторону дома премудрого Эргена, Лори так торопилась, что даже бросила корзинку с малиной.

— Эх, — вздохнул Дори в отражении, его живот снова принялся громко бурчать.

Лори без проблем отыскала Эргена в саду. Солнечный Правитель сидел в тенечке, рядом с бочкой, в которой хранилась дождевая вода. Сегодня был хороший денек, на редкость тихий и спокойный, так что Эрген решил не напрягаться: все равно жена еще не вернулась из своей поездки, а Дори отбыл в мир людей, так что его не беспокоила даже мысль, то он может подать сыну плохой пример.

— О, Лори, здравствуй, — приоткрыв один глаз, сказал Эрген. — Куда это ты так торопишься?

Лори согнулась пополам и пыталась восстановить дыхание после быстрого бега, но не успела

она сказать и слова, как из бочки раздался голос Дори:

— Лори? Лори, ты где? Почему так темно? В Кронии что, уже ночь?

Эрген открыл глаза и вопросительно приподнял кустистые брови.

— Что происходит? — спросил он.

Лори не стала ничего говорить, просто влезла на приставленную к бочке табуретку и сняла крышку, из темной поверхности воды на гремлиншу, как легко догадаться, смотрел Дори.

— А, все понятно, — Эрген заглянул с другой стороны, — связь через любое отражение. Что ты сделал с медальоном, который мы с мамой тебе подарили? Он совсем сломался?

— Ага, — ответил Дори и потер нос, — сломался. Пришлось проникнуть в избушку колдуна и похитить волшебное зеркальце.

— Все с тобой ясно, — фыркнул Эрген.

— Проникнуть в избушку колдуна! — воскликнула Лори. — О чем ты вообще думал? Ты же мог пострадать, тебя могли ранить или даже убить! Премудрый Эрген, скажите ему не геройствовать так больше.

Отец Дори только развел руками.

— Что уж тут поделаешь. Ты просто поздоро-

ваться хотел сынок или рассказать о том, что уже срубил волшебный дуб в мире людей?

— Вот об этом я и хотел поговорить, — ответил Дори, — Молодой Дубок совсем не плохой! Я сейчас у его корней…

Одинаковый испуг отразился на лицах Эргена с Лори, так что юный герой быстро сказал:

— Папа, Лори, все в порядке не волнуйтесь! Я ж говорю, он хороший.

— А ты уверен, что он тебя не обманывает? — сурово спросил Эрген.

— Уверен, — не задумываясь ни на секунду, ответил Дори, — он помог мне с вами связаться. И вообще сам по отцу очень скучает, Дубок вовсе не хочет зла Кронии, она ведь его родина!

Эрген задумчиво кивнул: он и сам подумывал о том, что вряд ли волшебное дерево стало бы мечтать об уничтожении целого мира. Несмотря на страхи Огромного Дуба, эти опасения с течением времени казались все менее оправданными. Солнечный Правитель то и дело размышлял, что зря они поторопились, отправив Дори рубить Дубок. Хорошо, что его сын сам догадался поболтать с деревцем.

— Я попросил его перестать делиться магией с колдуном и Крепостью Цестинды, — продолжил

тем временем Дори, — но Дубок не может…

— Конечно, — согласился Эрген, — это от него не зависит. Похоже, тебе придется самому разбираться с колдуном.

Дори моментально погрустнел.

— А разве я смогу? — спросил он.

— Не только сможешь, но и должен, — ответил Эрген, — тебе дали орудие, и ты не сможешь его применить?

Лори недовольно взмахнула хвостом.

— Вы хотите, чтобы он убил колдуна? — недовольно спросила она у Эргена, — Чем тогда Дори будет сам от него отличаться? Не слушай, любимый, ты же настоящий герой, сможешь найти способ, как справиться с этой бедой никого не убив!

Эрген усмехнулся в бороду: ему нравилось, что будущая невестка не позволяет простым решениям перевешивать моральные принципы.

— Я ничего такого не имел в виду, — заверил он Лори, — можно попробовать волшебным топором разрушить убежище Цестинды. Тогда колдун будет ослаблен, он наверняка не владеет магией полностью.

— То есть мне придется идти против колдуна и его крепости? — тихо спросил Дори.

— Не знаю, — пожал плечами Эрген, — в любом случае надо посоветоваться с Огромным Дубом. Теперь ты можешь с нами связаться, сынок, значит, проблемы с передачей нашего решения не будет.

Лори кивнула, а Дори сразу воспрянул духом, когда понял, что ему не нужно тотчас бежать с топором на колдуна.

— Поешь что-нибудь, а то таким голодным кажешься, — пожелала на прощание Лори.

— Не думаю, что будет так просто отыскать еду, — вздохнул Дори.

— Но ты ведь герой, — хитро улыбнулась Лори, — и не с таким справлялся.

Пока Дори связывался со своей возлюбленной и отцом, юные любители природы изучали избушку так называемого лесника.

— Как думаете, откуда у него такие маски? — спросил Саша, пытаясь снять одну со стены.

Маска изображала серую морду с торчащими нижними клыками.

— Чем-то похоже на кабана, — прокомментировал Женя.

— Рыло маловато, — Саша щелкнул по почти человеческому носу.

— Я подозреваю, что это существо из мира, отде-

ленного от нашего невидимой пеленой, — внесла свою лепту в обсуждение Шура.

Женя, что удивительно, не стал ей ничего доказывать, а только внимательно посмотрел. Света вздохнула: ей все эти влюбленности и чувства казались жутко глупыми. Вон, даже Алиса пошла на поводу у Артема и теперь они там, снаружи, о чем-то говорят. Света из избушки раз или два выглянула: эти двое безответственно не следили за тем, идет их колдун-лесник или нет.

— А зачем такой котел? — спросил Саша.

Он убедился, что ни одну маску снять не получается и принялся изучать остальную избушку.

— Еду варить, — пожал плечами Женя, — меня вот больше эта полочка нравится.

Женя подошел ближе к полкам и поднял с пола покрывало, он задумчиво и неаккуратно свернул его, даже особо не отдавая себе в этом отчета, и кинул на кровать. Ведь на полке было на что посмотреть: и странные черепа, и склянки с непонятной цветной жидкостью, и необычайные аппараты, и оплавленные свечи… но Женя указывал пальцем на несколько книг с потрепанными корешками. Света подошла поближе и привстала на цыпочки, чтобы рассмотреть, что же там написано.

— «Как вывести колдовские бородавки», — прочитала она. — Вот видите, он колдун! Я же говорила!

— У меня есть книга «Практическая магия», — не собирался отступать Женя, — но на самом деле волшебников не бывает. Малиновка, ну мало ли кто и что читает.

Света поправила платок и насупилась: ну вот почему Женя такой взрослый и такой глупый? А еще жутко упрямый. И говорит, что в Шуру влюблен, но все равно ведет себя неподобающе.

— «Практическая магия» Папюса? — заинтересовалась Шура.

— Ага, могу отдать, — ответил Женя, — скука невероятная.

— Я знаю, — ответила Шура. — Читала.

Она тоже рассматривала полку, но руки держала сцепленными за спиной. Стояла при этом Шура, по мнению Светы, ну уж слишком близко к Жене.

— Я и не сомневался, Волча, что читала, — фыркнул тот. — Вот странно, что я читал…

— Может, ты просто хотел разобраться в системе этого мира? — предположила Шура.

— Думаю, да.

Женя широко ухмыльнулся, и Света просто

поверить не могла, Шура улыбнулась в ответ. Вот до чего влюбленность доводит: недавно врагами были, а теперь мило беседуют. И, самое главное, забыли, что неподалеку ходит злобный колдун и замышляет какие-то козни.

Когда Саша положил руку ей на плечо, Света аж подпрыгнула.

— Малиновка, да что с тобой? — спросил ее брат. — Я понимаю, тут маски везде жуткие, но ты ж вроде не боялась…

— И не жуткие они вовсе, — храбро ответила девочка.

Она не слишком-то кривила душой: в окошко попадало достаточно света, штора ведь была сорвана. А когда солнце все освещает, даже самые жуткие штуковины кажутся невинными и милыми. Вот что правда пугало Свету, так черепа на полке, но на них она просто старалась не смотреть и дело с концом.

— Ребята! Пс-с-с-ст! — Алиса стояла в дверях и то и дело беспокойно оглядывалась. — Уходим, лесник идет!

За ее плечом маячил Артем и выглядел так, будто ему плевать и на лесников, и на колдунов, и на весь мир вокруг. Но стоило всем выскочить из избушки, похватать свои рюкзаки и побежать

к лесу, как он всех обогнал.

— Ну что я вам говорила? — спросила Света, когда они отбежали достаточно далеко.

Но никто не ответил. Ребята стояли, пытаясь отдышаться. Саша скинул рюкзак с плеч и вовсе лег.

— Больше не буду вас слушать! — сказала красная, как рак, Алиса. — Стыдно как… вдруг бы Каматаш Гребневич нас увидел.

— Что, тоже думаешь, что в лягушек бы превратил? — насмешливо поинтересовался Женя.

— Каких лягушек? Стыдно просто…

Она судорожно поправила очки, которые не уронила во время бега только каким-то чудом.

— Я вас всех ненавижу, — сказала Алиса, — и не хочу выслушивать ничего ни про магию, ни про какую-нибудь науку, кроме биологии. Все! Хватит. У нас куча работы.

— Поддерживаю, — отозвался Саша, — а у меня еще и рюкзак самый тяжелый.

— Вообще, — начал Женя, — если разобраться, то магия и наука — это то же самое.

— Отчасти согласна, — согласилась Шура.

Алиса ответила им стоном, который хорошо бы подошел раненному зверю, а вовсе не девочке-подростку.

Глава шестнадцатая

...в которой Дори оставляют одного в его битве со злом и собственными страхами.

Когда слова Дори передали Огромному Дубу, он задумался. Вообще, волшебные деревья вовсе не такие медлительные, как принято считать, они просто не видят смысла торопиться там, где этого делать не нужно. Когда Дуб считал, что ему угрожает опасность — он стремился быстрее собрать Совет-На-Заре, сейчас ситуация была менее опасной. Даже если уверения Молодого Дубка — ложь, у героя Кронии есть волшебный топор, которым он может срубить отпрыска. Так по крайней мере думал Огромный Дуб, он ведь не знал, что Дори отдал свое магическое оружие на хранение.

Как бы там ни было, Огромный Дуб неспешно размышлял, что ему делать. К счастью для Дори, время в мире людей и Кронии шло с неодинаковой скоростью.

Решение сформировалось, и Огромный Дуб передал его через птиц-стражей Солнечному Правителю, чтобы тот связался с Дори, да обо всем ему рассказал.

С самого начала убийство отпрыска не радовало Огромный Дуб: свой родной желудь, на нем выросший, да и просто жаль юное волшебное дерево. Как же порадовало известие, что Дубок вовсе не злой! Огромный Дуб до сих пор немного боялся переплестись корнями с младшим, но больше из-за того, что тот мог быть обижен, что родной отец не уследил за собственным желудем.

Но при этом Огромный Дуб видел и позитивный моменты: Молодой Дубок укоренился в мире людей, значит, теперь появилась возможность снова связаться с ним, как и было положено: два мира и два дерева по разные стороны. А отпрыск ведь не мог оказаться хуже прежнего злобного, сухого и вечно угрюмого отражения?

Вот примерно так и думал Огромный Дуб: можно рискнуть и попробовать объединиться. Это он передал Эргену, а еще добавил:

— Проблему колдуна решайте сами, как дорастет до меня Молодой Дубок — так сразу сможем посылать кого-то по нашим корням в мир людей, как это принято было делать испокон веков.

В то время, пока Огромный Дуб размышлял, у Дори было время немного передохнуть. Он собирался поспать, но бурчащий желудок ему здорово

мешал. Шутка ли, столько переживаний и ни крошки во рту за все время! Но при этом Дори жутко боялся выбираться из-под корней Дубка, ведь где-то бродили жестокие дети, которые только и мечтали сделать из него чучело, да и колдун еще. Куда тут пойдешь?

— Хотелось бы мне колдовать, — в сердцах пожаловался Дори, — вот тогда бы я себе магией сделал огромный малиновый пирог. Или вишневый. Или можно даже рыбный…

— А обязательно пирог? — спросил Молодой Дубок.

Дори пожал плечами и покрутил зеркальце: он его из рук теперь не выпускал.

— Наверное, можно и не пирог, — сказал он, — просто что-то съестное.

— Ягоды подойдут? — деловито уточнил Дубок.

— Да, подошли бы.

Дубок замолчал, а Дори снова тяжело вздохнул: что ж поделать, если еды никакой нет, а идти за ней страшно. Придется так и сидеть… единственное, что пить тоже хотелось, но с этим справиться проще.

«Почему в мире людей всегда так неуютно, — тоскливо подумал Дори, — то снежками закидывают, то гоняют, а тут еще голодным сидеть».

Он все-таки задремал, привалившись спиной к теплому корню Молодого Дубка, и не сразу проснулся, когда деревце принялось его звать.

— Дори! Дори!!! Проснись!

— А? Что?

Юный гремлин оглянулся по сторонам с искренним удивлением: ему снилась Крония. Во сне Дори с Лори поженились и завели двоих маленьких гремлинят, да ни о каком мире людей и не вспоминали. Понадобилось пару секунд, чтобы сообразить, где он, что происходит и почему так бурчит в животе.

— Я же волшебное дерево, — гордо сказал Молодой Дубок, — а это значит, могу уговорить растения делать то, что мне хочется.

— И что же ты сделал? — осторожно уточнил Дори.

— Я вырастил рядом со своими корнями кусты малины и ежевики. И ягоды уже созрели. Они вообще здесь не так хорошо растут сами по себе и не зреют быстро, но я старался изо всех сил, чтобы тебя покормить.

— Э-э-э… спасибо, — ответил все еще не до конца проснувшийся Дори. — Я могу их съесть?

— Конечно, я же для тебя их и выращивал. Только не поранься, там шипы.

Дори кивнул, он аккуратно положил волшебное зеркальце и полез на выход из-под корней Дубка. Как тот и говорил, вокруг раскинулись заросли малины и ежевики, да все-все ягоды были зрелыми, просто рви и ешь.

— Ух ты! — восторженно проговорил Дори. — Спасибо!

Когда он вернулся назад в свое убежище, то был значительно более сытым и довольным, чем до этого.

— Спасибо большое, — снова поблагодарил Дори, — жаль, ты мне с медальоном волшебным помочь не можешь.

— Ну… — задумчиво начал Дубок. — Я могу его немного зарядить, чтобы он хоть светить начал, хочешь?

— Можно, — кивнул Дори, — а что делать-то надо?

— Приложи его к корню и все.

Дори послушно снял медальон и сделал, как говорил Дубок.

— Готово, — через пару секунд сказал тот.

Юный гремлин непонимающе уставился на медальон, а потом его открыл. Действительно, он светился как хороший волшебный фонарь. К сожалению, ничего больше не работало: ни игры,

ни ведьмометр, ни связь.

— И еще раз спасибо, — сказал Дори, закрывая медальон.

— Не за что.

Теперь можно было бы и спокойно подремать. Гремлин уснул почти до самого утра. Сны ему почти и не снились, а разбудил его голос со стороны зеркальца. Юный гремлин подхватил его и увидел в отражении обеспокоенную мордочку Лори.

— Почему ты не отвечал? — спросила его возлюбленная. — Я уже волновалась!

— Извини, — ответил Дори, — я поесть отходил, а потом вовсе уснул.

Лори просияла и, проговорив что-то вроде: «Ну и молодец, что поел», исчезла. Теперь в отражении ее сменил Эрген.

— Здравствуй, сынок, — сказал Солнечный Правитель.

— Привет, пап, — кивнул Дори.

— Что решил мой родитель? — задал вопрос уже Молодой Дубок.

Эрген нахмурился, а потом морщинки на его лбу разгладились, и он улыбнулся.

— Не сразу понял, кто это с тобой, — признался отец Дори, — ну здравствуй Дубок, знакомы будем. Я Эрген, а та милая юная особа, что говорила

до этого — Лори.

— Мой друг Дори много рассказывал о вас обоих, — церемонно отозвался Дубок, — но, прошу вас, скажите, к какому решению пришел мой родитель.

— Тебе ничего не угрожает, — ответил Эрген, — Огромный Дуб поверил, что ты не желаешь ему зла, и он тоже жаждет встречи. Но при этом и он, и особенно мы с Тананной, это Лунная Правительница Кронии, опасаемся последствий…

— Каких последствий? — хором спросили Дори с Молодым Дубком.

Эрген пожал плечами и с явной неохотой ответил:

— Злой колдун может повредить вам. Рано или поздно он поймет, что ты не на его стороне. Если бы была возможность как-то блокировать магию, что ты даешь ему и его заклинаниям…

— Не получится, — помотал головой Дори, — мы же об этом уже говорили, папа.

— Да-да, я помню, — вздохнул Эрген, — в общем, он может сам попытаться срубить Дубок или отравить его, или сделать что-то такое же злое.

Дори задумался: его до ужаса и трясущихся коленок пугало, что колдун явится за ним, но и вреда для Молодого Дубка не хотелось, они ведь с

деревцем только-только подружились.

— А можно послать кого-то ко мне на помощь через портал? — уточнил Дори.

— Тоже об этом думали, — Эрген дернул себя за бороду, — но Тананна предупредила, что из-за этого ткань между мирами совсем по швам разойтись может, а это серьезная беда. Огромный Дуб сказал, что отправится к вам помощь, когда он корнями с Молодым Дубком соединится.

— Мне еще два с половиной неба дорасти до Кронии осталось, — ответил тот, — я постараюсь изо всех сил, но на это уйдет время. Меня перестали подкармливать зельем роста.

Дори прислушивался к этому разговору, шевеля ушками: может, не все так плохо было? Вот дорастет Дубок до родины, прибегут и прилетят воины, ведьмы и птицы-стражи на помощь, вмиг разберутся с колдуном и не придется трястись от страха.

— Но беда вот в чем, — продолжил Дубок, — я буду более чем беззащитным в процессе роста. Не смогу защитить ни себя, ни Дори.

Юный гремлин моргнул раз или другой, силясь понять сказанное.

— Но… может, обойдется? — предположил Дори.

— Может и обойдется, — кивнул Эрген, — но лучше будет, если ты поможешь.

Дори с полной ясностью понял, что вот его опять отправиться на подвиг, который ему совсем не нужен. Только успел дыхание перевести и понадеялся, что все самое страшное позади, как что-то новое придумали!

— А как же я могу помочь? — спросил Дори. — Я ведь не колдун!

— Ты мог бы его отвлечь, — предположил отец.

— Именно, — добавил Дубок, — пока он будет занят тобой, то не обратит внимания на то, как я вкладываю все свои силы в рост, не заметит, что я вот-вот соединюсь с Кронией.

— Нет-нет-нет, — запричитал Дори, хватаясь за голову одной рукой, в другой он все еще держал зеркальце, — это же страшно! А вдруг колдун меня в жабу превратит? Или в муху и прихлопнет? Или еще что-то ужасное случится?

— Но на тебя вся надежда, — сказал Дубок, — прошу тебя, друг мой.

— Дори, тебе ведь не нужно побеждать колдуна, — мягко сказал Эрген, — достаточно отвлечь его, чтобы он не навредил Дубку.

Дори хотел бы помочь, но при этом ужас перед волшебством хозяина избушки с жуткими мас-

ками, пересиливал все остальное. Сердце юного гремлина сжалось в комочек и билось так учащенно, будто вот-вот выпрыгнет из груди.

— Я же не смо-о-огу, — простонал Дори.

— Ну что же, — сказал Эрген, — я даже знаю, кто может тебе уговорить. Подожди.

В зеркале опять появилась Лори. Дори уже видел ее сегодня, но мог поклясться, что черная шерстка его возлюбленной не выглядела такой пушистой, а шею не украшал широкая синяя лента. Она принарядилась и причесалась, пока шел разговор.

— Ты очень красивая, — от всей души сказал Дори.

— Спасибо, — Лори смутилась, а потом резко посерьезнела и добавила: — Тебе нужно быть храбрым. Ты ведь настоящий герой, а герои всегда храбрые!

Дори испытывал смешанные чувства, когда она так говорила: его и радовало то, что его возлюбленная верит в него, но при этом и пугало. А вдруг он окажется недостаточно героичным? Лори уже призналась, что тоже его любит, а еще, что это Настоящая Любовь, но вдруг она передумает, если он ее как-нибудь расстроит? Но нельзя врать своей Истинной Любви! Юный гремлин решил,

что ему надо набраться смелости и рассказать обо всем прямо сейчас.

— Лори, — тяжело вздохнул Дори, — я должен тебе признаться.

— Что такое? — заволновалась она. — Ты ранен, а молчал? Говори, прошу тебя.

— Нет, со мной все в порядке, — заверил ее Дори, — ну почти в порядке… то есть в порядке. Но не совсем… Лори, не волнуйся!

Он зажмурился, пытаясь выстроить в голове все те слова, что собирался ей сказать. Вот смешное дело: когда он об этом только задумался, так все проще казалось, и он вовсе в мыслях не путался. А теперь вот не получалось и он пугал Лори еще больше.

— Я не такой и храбрый, — выдавил из себя Дори, — совсем не храбрый. Я трус, Лори. Вот что ты должна знать! Я никогда не совершал подвигов, а потом еще и трясся как осиновый лист на ветру. Понимаешь? Ты меня больше не любишь?

Лори смотрела в отражение очень грустно, и Дори принялся теребить и лохматить кисточку на хвосте: он так и знал, что она в нем разочаруется! Сейчас вообще исчезнет из отражения и уйдет туда, где нет никаких зеркал, а он ее больше никогда и не увидит… но Лори, несмотря

на все те ужасы, что начал придумать себе Дори, заговорила:

— Я понимаю, что ты приукрашиваешь свои подвиги, — мягко сказала она, — всегда понимала. И меня, тоже честно признаюсь, это раздражало в тебе…

— Эх, — вздохнул Дори. — Я больше не буду… ну разве что чуточку. И это если в Кронию еще вернусь.

— Но дело в другом, — продолжила Лори, она прижала руку к груди и заговорила быстрее, с большим жаром: — Вот теперь я вижу и понимаю, что ты — герой. Ты делаешь столько всего, ты кидаешься на помощь, когда зовут, ты борешься со страхами каждый день и побеждаешь. Ты уже поверг Цестинду, неважно, как и с чьей помощью, главное, что поверг. Вся Кронiя любит тебя. И я тоже люблю. Больше всех в мире!

Дори украдкой вытер выступившие на глазах слезы: он и не думал, что всегда такая сдержанная Лори сможет настолько чувственно рассказывать о своих мыслях. Но она говорила дальше:

— Когда ты обратил на меня внимание, стал слушать мои советы… пусть не все, но слушать… а потом, когда мы говорили с тобой обо всем на свете — я поняла, что ты моя Настоящая Любовь.

Это было так странно и незнакомо, да и я решила посмотреть, что станет делать герой Кронии. И ты не испугался! Пришел и потребовал нарушить традиции, попросил меня стать твоей женой. Ты смелый Дори, просто не понимаешь, насколько. Главное ведь не то, что ты боишься, а то, что все равно делаешь.

Она замолчала, и даже в мутноватом отражении было заметно, как ярко и восторженно сияют глаза Лори.

— Да я не смелый, — начал Дори смущенно, — просто так выходит. И я не всегда думаю, как все может пойти… спасибо, что ты так думаешь, но…

— Просто согласись с девушкой, сынок, — подсказал голос невидимого в отражении Эргена. — Добрый совет тебе от старика. Если ты будешь еще и спорить, как комплименты делает, — долго не проживешь.

После этого Дори услышал, как отец тихонечко смеется.

— Будь храбрым, — повторила Лори. — Ради меня и ради всей Кронии. Мы любим тебя и ждем домой, с очередным успехом и тысячью новых историй о победе добра над злом! Только не надо слишком уж выдумывать, хватит и настоящих подвигов.

— Я постараюсь, — честно пообещал Дори, — да и выбора у меня все равно ведь нет! Только и остается идти колдуна отвлекать.

— Я горжусь тобой, Дори, — торжественно сказала Лори. — И буду рада, когда мы поженимся.

Ее изображение погасло, и в зеркальце снова отразилась одна испуганная мордашка Дори

— Что же мне теперь делать? — тоскливо спросил он. — Вот как я могу колдуна отвлечь надолго? Еще и самому при этом не пострадать?

Дубок промолчал, но откуда-то из переплетения корней раздался другой голос, высокий и писклявый:

— Ломать маски иди, что еще.

Только отчаянье и усталость не дали Дори высоко подпрыгнуть и в который раз удариться головой.

— Кто здесь?!

Юный гремлин открыл медальон и направил свет туда, откуда раздавался голос. В переплетении корней сидела крыса. Она прищурилась, но убегать не стала.

— Свет убери, а? — сказала она и дернула носом. — Поесть дашь? Нет? Ладно. Жаль.

— А ты кто? — Дори закрыл медальон и потер глаза: он теперь в полутьме почти ничего не

видел.

Голос крыс раздался уже с другой стороны:

— Рисс меня звать. Крыса я, как видишь. И мы уже встречались.

— Не помню тебя, — ответил Дори, он оглянулся и все-таки заметил притаившуюся уже в другом месте крысу, — это точно не был другой гремлин, а не я?

— Пфф, я в банке сидела, — сказала крыса Рисс. — Которую ты в Крепости расколотил. Спасибо тебе, кстати. Честно.

Дори еще раз внимательно к ней присмотрелся: определенно, шерстка была самой обычной, серой, а вовсе не такой цветастой, как у сбежавшей из банки в избушке колдуна крысы.

— А ты точно она? — осторожно спросил Дори. — Не обижайся, но та крыса поярче была. Хотя и ты симпатичная, как для крысы.

— Ха! Так не проблема с цветом-то, — ответила Рисс, и ее шерсть пошла зелеными, красными и фиолетовыми полосами и пятнами. — Я могу менять окраску, как захочу. Хоть крапчатой быть, хоть в мелкий цветочек.

Она снова стала серой и принялась чистить мордочку.

— А… хорошо тебе, — сказал Дори. — Ты что-то

сказала про маски? Что сломать их надо или как-то так.

— Точно, — Рисс убрала лапки от мордочки и шевельнула ухом, — новый хозяин Крепости с помощью них выглядит каждый раз по-другому. А на самом деле он обычный себе гремлин. Ну прям как ты.

— Я об этом говорил, — поддакнул Дубок.

— Ясно, — ответил Дори, — а чем это мне поможет? В смысле, чем поможет, если маски разбить? Ну не сможет он чужого облика принимать, но мне-то это что даст? Он ведь все равно сможет превратить меня в лягушку.

— Лица свои менять не сможет, да, — сказала Рисс, — а за магию не боись, у него силы никакущие. Считай, нет вовсе волшебства в нем. Маски разобьешь, он часть связи с Крепостью потеряет.

Дори удивленно уставился на крысу: как это у колдуна и колдовских сил нет? Юный гремлин даже подумал, что вдруг, пока Рисс в той жиже плавала, разум растеряла. Да и вообще, как-то редко он даже в Кронии говорящих крыс видел, врядли они умные.

— А откуда ты это все знаешь? — решил уточнить у Рисс Дори.

— Я в магии шарю, — ответила крыса, шеве-

ля усами, — была питомцем Цестинды. Потом ведьма эта из ума совсем выжила, меня в банку запихала. А я за Крепостью наблюдала. Ух, ну и вреднючее здание! Спасибо еще раз, кстати. По гроб жизни благодарна буду.

Дори задумчиво кивнул. Он теребил кисточку на хвосте и думал, доверять ему Рисс или нет.

— А почему ты мне помогаешь? — спросил Дори.

— Пф-ф-ф, ты меня спас считай! Я в долгу перед тобой, говорю же. — Рисс с комфортом устроилась между корней. — Ну и колдунишка этот, который и не колдун, не по нутру мне. А Крепость совсем шифером того, если понимаешь.

Не то чтобы Дори понимал все, что крыса говорила, но он кивнул и решил пока что не перебивать Рисс: и невежливо, и вдруг она что-то полезное скажет.

— Кстати, а как там в Кронии? — неожиданно сменила тему Рисс. — Кто Лунная Правительница?

— Великолепная Тананна, — ответил Дори.

— А-а-а, — протянула Рисс и снова дернула носом, — вот оно как… Ти хорошая тетка, и мышь ее летучая мне всегда нравилась. Хотя странно, что не Мина… — Рисс замолчала, задумчиво повела

носом из стороны в сторону.

Дори кашлянул, привлекая к себе ее внимание.

— А уничтожение масок точно поможет отвлечь колдуна?

— Ага, — ответила Рисс, — зуб даю. Еще и части сил лишит, он-то через маски с Крепостью связан… ну или она с ним. Магию ему давала, а сама на его настроении сидела.

Дори решил не уточнять, как можно сидеть на чьем-то настроении, он всегда считал, что это что-то не совсем подходящее. Садиться ведь можно на стул там или камень, даже на воду уже не сядешь или на воздух, а настроение — это еще более хрупкая штука. Но кто этих колдунов и колдовские приспособления знает.

— Но как я смогу с ними что-то сделать? — спросил Дори скорее не Рисс, а самого себя.

Он еще не закончил говорить, как земля под ним завибрировала, и корни Дубка вытолкнула волшебный топор прямо перед гремлином.

— Так, я подозреваю, тебе будет проще уничтожать маски в Крепости колдуна, — сказал Молодой Дубок. — Волшебство топора поможет.

— Да, проще! — согласно пискнула Рисс. — Слушай, дерево, а можно я твою кору погрызу?

— Нет! — возмутился Дубок. — Не смей.

— Так что, голодной сидеть? Я целую вечность не ела!

— Я поищу, где тут рядом сыроежки растут, — заботливо ответил Дубок. Или сам выращу для тебя.

— Спасибо! — пискнула Рисс. — Ты теперь мой самый лучший друг.

Крыса проскользнула между корнями и скрылась из вида.

— Я теперь пойду в рост, — серьезно сказал Молодой Дубок, — буду очень занят и не думаю, что смогу даже вести с тобой беседы. Но я верю в тебя, Дори, мне больше не на кого рассчитывать.

Великий герой Кронии тяжело вздохнул и взялся за ручку топора. Почему так всегда с ним происходит? Не хочет он никаких подвигов, на солнышке бы лежать или в тенечке… ну можно по дому какую работу делать, а всем подавай героизм. Дори это уже утомило. Даже мысль о персказе своих подвигов многочисленным кузенам и кузинам больше не радовала. Куда ни глянь — ничего хорошего. Ну кроме того, что когда вернется — поженятся с Настоящей Любовью. Только это и помогало, а не то бы Дори лег прямо тут на землю и разрыдался.

— Я пойду? — с безнадежностью в голосе спро-

сил он.

— Желаю тебе удачи от своего имени и имени моего отца, — очень серьезно и важно ответил Дубок, — я же постараюсь добраться корнями до нашей родной Кронии так быстро, как только смогу.

— Вперед и с песней! — добавила затаившаяся среди корней Рисс.

Глава семнадцатая

...в которой юные натуралисты разделяются, Коми принимает решение, а Дори сбегает из двух засад, но в третью все-таки попадает.

Что же делал Коми в то время, когда его враг связывался со своими родными и любимыми?

Когда нынешний хозяин Крепости вернулся в избушку, то уже не застал там ребят, но увидел распахнутую дверь, осколки стекла на полу и сорванную штору. А сама Крепость была просто вне себя.

«Он был здесь!» — бесновалась она.

— Кто? — спросил Коми и поднял с пола пыльную штору.

«Твой кузен, о великий маг, — почти прошипела Крепость, — он явился, когда я дремала, и похитил один из магических артефактов».

— Что?! — вскричал Коми. — Почему ты не позвала меня?

«Это так не работает, — с явной тоской ответила ему Крепость. — Я чувствую тебя, я чувствую через тебя, но не могу связаться с твоим разумом».

— Жаль, — вздохнул Коми. — Иначе бы я при-

шел сюда и показал отвратительному Дори, где орки зимуют!

Он свернул штору и затолкал ее в угол, Коми довольно небрежно относился к работе по дому и не видел в ней нужды, все равно ведь это не больше, чем иллюзия. Когда у Крепости будет достаточно магических сил, так она сможет и во дворец превратиться.

— А что этот мерзкий Дори украл? — спохватился Коми.

«Зеркальце любящих сердец, — проворчала Крепость, — он теперь может связаться с Кронией, если там есть кто-то, кто ему дорог».

Коми хохотнул.

— Тогда нам не о чем волноваться, он дорог только сам себе.

Коми был искренне уверен в своих словах, в его голове уже сформировался образ Дори, как злобного и самовлюбленного гремлина, которому доставляет радость лишать счастья других.

«А еще он испортил несколько вещей, — продолжила Крепость, — прежде, чем уйти».

— Мне не нравится, что он был здесь, — буркнул Коми. — Мы должны его поймать.

«Мы должны его убить», — продолжила Крепость.

Коми замахал руками.

— Нет-нет, это слишком… я подумал, что не стоит такого делать.

«Стоит, о великий маг. Подумай сам, если твой гадкий кузен Дори будет жить, то тебе никогда не знать ни покоя, ни отдыха. Его образ вечно будет терзать тебя, отнимать твои силы и приводить в ярость… направь же все свои силы на него, всю эту ненависть и все свое страдание. Избавь оба мира от Дори».

Коми задумался: он никогда не хотел доходить до убийства, но Крепость права: ему станет легче, если Дори исчезнет, прекратит существовать.

— Ну… может, — сказал он вслух.

«А еще, — как бы, между делом, отметила Крепость, — ко мне заявлялись дети рода людского».

— Проклятье, — схватился за голову Коми, — они ведь все поняли!

«В их рядах нет единства, — спокойно ответила Крепость, — если ты поторопишься, великий маг и мой господин, то успеешь отыскать их и рассказать свою версию».

— Что же мне им сказать? — Коми обвел вокруг себя рукой. — Что колдовские штуки просто ничего не значат?

«Ты недооцениваешь невежество людей в этих

вопросах, — в голосе Крепости клокотала ярость, но Коми был уверен, что не он ее причина, а жители этого мира, — я изучала, как могла и что могла. Тебе достаточно будет назваться коллекционером или же заявить, что волшебные вещи собирали твои родители. Дети рода людского должны поверить тебе и принять этот ответ как истину».

— Если ты так уверена, то я попробую, — сказал ей Коми.

«Попробуй, но завтра утром, — подсказала Крепость, — сейчас они уже отправились домой, да и тебе стоит поспать».

Коми зевнул: ему действительно внезапно захотелось спать. Он закрыл окно и смел осколки от склянок в угол. Крепость проворчала что-то в его мыслях, но слишком неразборчиво, чтобы на это стоило обращать внимание.

Ночь прошла для него беспокойно: Коми мучили кошмары, в которых Дори раз за разом получал все, а потом хохотал над униженным кузеном. В этих снах у сына Солнечного Правителя отрастали рога, клыки и когти, но вся Крония продолжала его превозносить.

Коми не знал, что это Крепость присоединилась к его снам и насылает кошмары, чтобы его

ненависть к Дори разгоралась ярче.

Утро выдалось солнечным, но Коми едва это заметил.

— Мне пора идти к детям, — сказал он.

Коми перекусил пресной лепешкой, которую предложила ему Крепость, и даже не заметил ее вкуса, увлеченный мыслями о мести Дори. Но при этом убийство другого гремлина все еще казалось ему чем-то слишком жутким. Хорошо, что сначала у него будут и другие дела.

«Возьми золотистый шар, поможет тебе отыскать детей, о великий маг», — сказала Крепость, Коми даже не удивился, что на полке появился артефакт о котором она говорила, он уже успел привыкнуть к подобному.

Шар помещался в ладони Коми и был тяжелым, будто внутри него лежала гиря. В перечерченной линиями золотистой поверхности начали мелькать образы.

— Что мне надо делать? — спросил Коми.

Крепость не отвечала, но среди картинок появилась полянка, на которой собрались все шестеро детей.

— Отлично, я знаю, где это, — кивнул Коми.

«Вперед, мой господин, я верю в твои таланты. После того как объяснишься с детьми рода люд-

ского, возвращайся, и мы обсудим стратегию».

— Ага, — рассеянно ответил Коми, — вернусь сразу же.

Он вышел из избушки и крепко запер за собой дверь — ему меньше всего хотелось, чтобы мерзкий кузен Дори снова попал внутрь Крепости.

Долго искать детей ему не пришлось: они были на той самой поляне, где он встретил их впервые. И, как раз когда Коми вышел к ним, о чем-то громко спорили, но умолкли, стоило ему показаться.

— Доброе утречко, Каматаш Гребневич, — пожелал самый старший из ребят и помахал Коми рукой.

Остальные пятеро заметно напряглись, а младшая, как и в прошлый раз, когда он с ними встречался, спряталась за спину одного из мальчишек.

— Я обнаружил, что вы побывали у меня дома, — сказал Коми, по привычке, притопывая ногой.

Девочка в очках покраснела, другая, с хвостиками, глянула на него с вызовом, младший мальчик, за которого пряталась третья девочка, тоже явно смутился. Остальные же дети делали вид, что не понимают, в чем дело.

— Наверное, — продолжил Коми, — вы замети-

ли много интересных вещиц, которые достались мне… ну, от родителей. Они были коллекционерами, ездили по мирам… миру, всякое разное собирали. Я храню их вещи, как память.

— Понятно, — сказал старший мальчик, — будем знать.

— И никакой магии, — добавил Коми.

— Конечно, — согласился тот же мальчик.

— Простите, Каматаш Гребневич, — важно произнесла девочка в очках, — мы больше не будем заходить к вам без спросу. Дело в том, что этот зверек, которого вы искали, он был в вашей избушке…

— Лиска, молчи! — вскричала самая маленькая девочка, а потом зажала рот ладошкой и испуганно посмотрела на Коми.

— Да ладно, это ерунда, — ответил он быстро.

— Так что со зверьком? — опять спросила серьезная девочка в очках.

— Да неважно-неважно, — махнул рукой Коми, — убежал так убежал. Работайте, дорогие, работайте. До свидания!

На этом свои объяснения перед ребятами он посчитал законченными и поторопился назад к Крепости. Им еще предстояло обсудить стратегию и подготовить ловушку для отвратительного

кузена Дори.

После того, как Коми скрылся в лесу, дети молчали несколько минут.

— Правда, он псих? — озвучил общую мысль Саша.

— Он колдун! — уцепившись за руку брата, возразила Света.

Женя разве руками.

— Бритва Оккама, — с напускной серьезностью в голосе заявил он, — отсечем фантастичные и невероятные вещи. Колдовство — невероятная и фантастическая вещь.

Шура нисколечко не удивилась его словам, скорее бы все реки на Земле высохли, чем Женя откажется от научного занудства.

— Ты же сам все видел! — воскликнула Света.

— Я видел много странных вещей в доме чудака. Но, кроме этого есть и другие факты, — поднял палец Женя, — колдун Каматаш Гребневич, если это его настоящее имя, или нет не так важно…

— Нет, важно! — снова попыталась перебить его Света, но Женя словно бы и не обратил на нее внимания.

— Дело в чем? — продолжил он, — Он лжет нам!

— По поводу чего же лжет? — уточнила Алиса,

складывая руки на груди.

— По поводу зверушки. Понятно, что этот чертик очень важен.

Шура кивнула: бывали периоды, когда Женя говорил дельные вещи. Пусть и со своими обычными вывертами, но действительно дельные. Тот, кого он называл «чертиком» по мнению Шуры принадлежал к другой расе. Расе существ, что живут рядом с людьми, но те их не замечают или не хотят замечать. Они могут стать первооткрывателями, если позволят себя глянуть глубже первого слоя правды.

— О чем задумалась, Волча? — спросил Женя. — Не собираешься со мой спорить?

— Неа. Я полностью согласна.

— Что?! — воскликнула Света. — Ты почему это с ним заодно? Потому что влюбилась?

Шура вздохнула: для Светы она действительно сейчас казалась предательницей, но это было не так. Да и Женя тут вовсе не причем.

— Я не думаю, что Каматаш Гребневич злой, — объяснила она. — А зверь сейчас важнее всего остального.

— Лесник правда странный, — поддержал сестру Саша. — Нельзя это игнорировать.

— А я какая, а? Со стороны? — спросила Шура.

Ребятам хватило совести смутиться, кроме Артема, который честно сказал:

— Я всегда думал, что ты подозрительная, Волча, — он неловко пожал плечами под общими обсуждающими взглядами, но больше ничего не добавил.

— Вот видишь, — сказала Шура, — не все, что странное, — плохое, пойми это Малиновка.

— Ты не странная! — Света отошла от Саши и взяла Шуру за руку. — Ты очень-очень хорошая, но лесник точно колдун.

— Даже, если и колдун, — согласилась с ней Шура, — кто сказал, что обязательно злой колдун?

На это, как она и думала, никто из ребят не нашел, что ответить. Люди вообще, по опыту Шуры, всегда стеснялись, если речь шла о чем-то необычном. Считалось неправильным говорить о своих мыслях и признаваться, что они боятся чего-то только потому, что этого не понимают. Сама Шура верила в то, что не доказано фактами, но не видела в этом ничего плохого. Лучше, полагала она, поверить в невозможное, а потом разочароваться.

— Что делаем? — спросила Алиса. — Я бы за Каматашем Гребневичесм следила… Он слишком подозрительный, тут я согласна с ребятами.

Она хмурилась и недовольно оглядывалась по сторонам.

— Да-да, — обрадовалась Света, — так и сделаем.

— Эй, а как же без меня? — Саша показательно ударил себя кулаком в грудь и расправил плечи. — Я всегда там, где моя маленькая сестренка.

Шура глянула на Женю, она ждала, что тот будет возмущаться, но он выглядел спокойным и ждал, пока выскажутся остальные.

— Я с вами не пойду, — покачал головой Артем. — Зверушку поймать важнее.

Он посмотрел на Алису, она — на него и густо-густо покраснела. Девочка поправила очки и сжала губы в тонкую линию, что, как знала Шура, означало: «Я не уверена, правильно ли это делаю, но слишком упряма, чтобы менять свое мнение».

— Бунт на корабле, — прокомментировал Женя, — Волча, ты с нами или с ними?

— Мы уходим, — одновременно с ним сказала Алиса, — Шура, можешь идти с Евгением, но мы будем рады тебя видеть. Каматаш Гребневич ведет себя подозрительно.

— Волча, пошли, — попросила Света.

Шура колебалась: ей не хотелось отворачиваться от друзей, но она на самом деле не считала их

лесника таким уж злым. Чтобы там ни говорила Света, но добродушный и рассеянный бородач казался совершенно безобидным.

— А мы пойдем ловить чертенка, — сказал Женя, пока Шура размышляла, к какому лагерю ей примкнуть.

— Ну и идите! — вздернула нос Алиса.

Она, Света и Саша повернулась к ним спинами и ушли в лес. Последнее, что слышала Шура, до того, как они скрылись за деревьями, было обсуждение, как лучше подобраться к избушке лесника и точно ли он сейчас там.

— А мы направимся к ближайшему водоему, — сказал Женя, — Волча, что ты решила?

— Я пойду к остальным, — сказала Шура, — мне очень нужно помириться со Светой… Женя, ты не обидишься?

Тот фыркнул.

— Конечно обижусь, — заверил ее Женя, — и никогда тебя не прощу!

Шура надеялась, что он шутит, потому что нельзя же говорить такие вещи всерьез. Это было бы ну совсем нечестно, ведь именно Женя признался Шуре в любви… Ну, как признался, просто сказал, что она ему нравится. Но мальчишки никогда не могут ничего сказать четко, даже,

если они старше.

— Я шучу, Волча, не буду обижаться, — все-таки объяснил Женя.

— Честно? Честно-честно?

Женя кивнул. Шура просияла.

— Спасибо, ты не такой плохой, как иногда кажешься, — сказала она.

А потом неожиданно даже для самой себя привстала на цыпочки и чмокнула его в уголок губ. Она собиралась поцеловать в щеку, но немного промахнулась.

«И так неплохо», — смело решила Шура, но почувствовала, что краснеет.

— Удачи вам, — сказала она и побежала в ту сторону, где скрылись Алиса, Саша и Света. Если поторопиться, она успеет их нагнать.

Оставшиеся вдвоем Артем и Женя еще какое-то время постояли на полянке, пока девочка не исчезла из виду окончательно.

— Идем? — спросил Артем и, не дожидаясь ответа, повернулся спиной к поляне сбора.

Женя поравнялся с ним, и они молча пошли прочь. Жене это не нравилось, но с чего начать разговор с угрюмым Артемом он не знал. Это почти раздражало.

— Мы можем быть настоящей командой, — ска-

зал Женя наконец. — Если захотим.

— Можем, — пожал плечами Артем.

Он шел на шаг впереди, и даже его спина оставляла ощущение недовольства. Удивительный талант хмуриться затылком. Вообще-то Женя действительно был уверен, что вместе они могут быть неплохой командой. Не он и Артем, а все шестеро. Как бы тяжело Тема ни вздыхал, как бы Шура ни сочиняла, как бы Саша ни изображал из себя самого лучшего старшего брата на свете, Света ни капризничала, а Алиса ни ворчала. Они действительно были командой. Пусть даже не всегда дружной.

— Давай устроим засаду здесь, — предложил Артем. — Недалеко ручей, куда бы зверь может пойти на водопой.

— Ты думаешь, что он выберет именно это место? — скептически уточнил Женя. — Или просто хочешь услышать, в случае чего, крики девчонок, если они попадут в переплет, и потому не собираешься отходить далеко от поляны?

— Второе, — просто ответил Артем. — Отчасти и первое. Но… да, второе. Если с Алисой что-то…

Он не закончил и передернул плечами.

— Спасибо за откровенность, — хохотнул Женя, — редко от тебя такое слышишь.

Артем нахмурился, но промолчал.

А совсем неподалеку от них засаду на Дори устраивал и кое-кто другой. Этим кем-то был Коми.

Он, как и обещал Крепости, вернулся в избушку сразу после разговора с ребятами. Они вдвоем снова обсуждали то, что следует сделать с кузеном.

«Убей отвратительного Дори, только его смерть поможет нам, о великий маг», — повторяла Крепость.

— Но я не могу сделать такое с другим гремлином! — воскликнул Коми, хватаясь за голову.

«Это не проблема, — ответила Крепость, — преврати его в мошку, которую сможешь прихлопнуть».

— Наверное... это получится, — согласился Коми.

«Отправляйся сейчас, дети рода людского могут найти гадкого кузена раньше тебя».

— Но где я могу его отыскать? — задал вопрос Коми.

«Давай подумаем, великий маг... Молодой Дубок заодно с твоим кузеном, — сказала Крепость, — именно потому, великий маг, я чувствовала странные изменения в волшебстве».

— Может, ошибка, — предположил Коми, но

увидел в поверхности шара уже заметно подросший Дубок, которому Дори помахал рукой, и скрипнул зубами.

«Убей его, — сказала Крепость, — это решит все твои проблемы. Он идет в нашу сторону, великий маг».

Так что Коми затаился возле тропинки, по которой должен был пройти Дори по пути избушку. Он хорошо запомнил заклинание для превращения врага в муху и собирался это сделать, как только кузен покажется рядом.

Коми трясло, но не от страха, а от предвкушения: наконец-то его переживания из-за Дори закончатся, наконец-то он сможет вздохнуть свободнее и не думать о том, что Крепость отнимут у него вместе с магией, которая так нравилась Коми и приносила ему невероятную радость.

Дори же и не подозревал, что его ждут целых две засады, но подозрительность не оставляла его. Юный гремлин оглядывался по сторонам, сжимал топор и вздрагивал от каждого шороха: треснувшая под ногой ветка и вовсе заставила его подпрыгнуть вверх так высоко, что парочка сидящих на дереве синиц недоуменно проводили его взглядом. А потом он юркнул в кусты, внезапно решив, что там будет безопаснее пробираться,

чем по тропинке. Это-то его и спасло от засады Коми.

Это и то, что его противник был гремлином. Человеческий рост личины до сих пор был непривычным для Коми, и он не сразу заметил Дори, который почти уткнулся ему в ноги.

Они посмотрели друг на друга с искренним недоумением.

— А-а-а! — заорал Дори.

— Ага! Попался! — воскликнул Коми. — Мушкиус превращатус!

Но кузен уже отскочил, и потому куст, в который он нырнул, превратился в целый рой мух. Они с недовольным жужжанием закружили вокруг Дори и Коми прежде, чем разлететься в разные стороны.

— Мышкиус превращатус! — снова произнес заклинание Коми, не заметив, что перепутал слова.

Чтобы колдовство подействовало, надо было смотреть на того, против кого магию используешь, а перед его глазами метались мухи. Неудивительно, что пара или тройка из них превратились в мышей и с громким писком попадали на землю. Дори же удалось сбежать, и он со всех ног мчался то по тропинке, то прямо через кусты.

Но выскочил на Артема с Женей. Мальчишки все еще обсуждали, как должна выглядеть засада.

«Да что же за проклятие-то такое?» — подумал Дори. Ни одно путешествие в мир людей не приносило особой радости. А это, третье, только беды несло. То он колдуну попадается, то злобным детям, которые чучело из него хотят сделать…

К счастью для себя, Дори уже немного привык к неожиданностям и потому смог сбежать еще до того, как ребята справились с удивлением оттого, что их добыча сама вышла к ним из лесу.

Но невезение великого героя Кронии на этом не закончилось. Потому что он неожиданно наткнулся и на четверых остальных детей.

Дори споткнулся о кочку и с воплем покатился вниз по небольшому склону, все, что ему удавалось, так только не выпускать волшебный топор из рук. Падение остановил рюкзак Светы, который девочка сбросила на землю. Она, Алиса и Саша с Шурой как раз остановились передохнуть, прежде чем заняться наблюдением за избушкой подозрительного лесника. Засаду на Дори ребята устраивать и не думали, просто как-то так получилось, что вылетел он именно на них.

Юный гремлин поднял голову и увидел, что его

окружили четверо детей.

— Не делайте из меня чучело, пожалуйста. Меня мама с папой и невеста дома ждут, они будут сильно плакать, — пробормотал он, поняв, что попался.

Глава восемнадцатая

...в которой Дори обнаруживает, что дети не так и плохи, Коми окончательно превращается в злобного колдуна, а Молодой Дубок и Рисс приходят на помощь.

— Не делайте из меня чучело, пожалуйста. Меня мама с папой и невеста дома ждут, они будут сильно плакать.

Когда зверек вполне разборчиво сказал такую длинную речь, все четверо детей уставились на него с огромным удивлением. Даже Шура, которая с самого начала утверждала, что он не животное, а представитель другой расы. Одно дело говорить, а совсем-совсем другое — услышать собственными ушами.

Первой в себя пришла Света. Она опустилась на корточки рядом с неожиданной добычей и сказала:

— Мы не будем делать чучело. Мы хорошие! — а потом добавила: — Меня зовут Света, а тебя?

— Дори, — представился юный гремлин, поднимаясь с земли.

— Это мой братик Саша, а это Алиса и Волча...

в смысле, Александра, но мы зовем ее Волчей, — представила остальных Света.

— Привет, — пробормотала Алиса, она сняла очки и принялась судорожно протирать их уголком футболки.

— Ты из расы, которая живет рядом с людьми, но мы об этом не знаем, да? — выпалила Шура.

Она тоже присела рядом с Дори, и он даже чуть-чуть отшатнулся от нее, заслоняясь топором. Саша не мог его за это винить, все-таки, когда на лице Шуры появлялось восторженное выражение, испугаться можно запросто.

— Нет, — помотал головой юный гремлин, — мы все живем в другом мире. Все — это гремлины, вроде меня.

— Черт!

Шура тяжело вздохнула, но потом опять просияла.

— Но ты ведь разумный, ага?

— Волча! — возмутилась Света. — Прекрати, ты его пугаешь. Не бойся, Дори, она тоже хорошая.

— Да, я хорошая, — подтвердила Шура.

— И вы не собираетесь делать из меня чучело? — уточнил на всякий случай Дори. — А то гремлины, да и не только гремлины, не очень любят, когда из них чучела делают, знаете ли.

— Конечно нет! — сказала Света. — Как ты вообще такую глупость придумал?!

— Ну… мне так сказали. Мальчики.

Дори размахивал из стороны в сторону хвостом и смущенно смотрел себе под ноги.

— Мне нужно как следует поговорить с Евгением, — заявила Алиса.

Все четверо детей присели на корточки вокруг Дори. Тот до сих пор выглядел немножко напуганным, но сбегать уже не собирался.

— А зачем ты здесь? — спросил Саша. — И что это у тебя за штука?

Он указал на топор, который гремлин все так же крепко сжимал в руках.

— А? — не сразу сообразил, о чем речь, Дори. — Ну это волшебный топор, мне его гномы выковали для того, чтобы я Молодой Дубок срубил, но я его вовсе рубить не собираюсь, потому что Дубок хороший. Он оказался даже очень хорошим, малину для меня вырастил. Представляете? Я вообще не думал, что так можно, но он ведь не простой, а волшебный. Я потом с отцом своим связался, поговорил, все объяснил и ему, и Огромному Дубу. Теперь я иду уничтожать маски в домике колдуна, чтобы его отвлечь… колдуна отвлечью. Тогда получится его победить…

Ребята переглянулись. Саша понял, что никто из них не разобрался, о чем же говорит Дори, и немного успокоился, а то во время речи гремлина уже решил, что это он один такой несообразительный.

Алиса поправила очки и села на свой рюкзак, который как раз бросила на землю.

— Будь так добр, — сказала она, — расскажи по порядку, пожалуйста, а то мы ничегошеньки не поняли.

— Колдун! — внезапно воскликнула Света. — Ты говорил про колдуна. Это наш лесник, да?

Саша кивнул, ему тоже было интересно узнать по поводу того, действительно ли их Каматаш Гребневич связан с этим… гремлином.

— А на кого он похож? — спросил Дори. — Высоченный, костлявый, с бородой, да? Живет тут рядом, в избушке.

— Именно он, — подтвердила Шура.

— Он злой? — спросила Света.

— Злее некуда, — заверил их Дори.

Саша и Света посмотрели в сторону Шуры, та поморщилась и прошептала что-то вроде: «Нет, но откуда мне-то знать было?»

— Он пытался превратить меня в муху и прихлопнуть, — продолжил Дори, — а еще Рисс

сказала, что он на самом деле тоже гремлин, просто маскируется под человека.

Алиса сняла очки и потерла переносицу. Остальные трое подростков тоже уже устроились на рюкзаках. Да и сам Дори уселся, скрестив ножки и положив топор на колени.

— Подожди, — спросила Алиса, снова надевая очки, — кто такая Рисс?

— Моя знакомая крыса, — ответил Дори радостно, — она была питомцем у Цестинды, пока та ее в банку не засунула, а я потом ее вытащил.

Алиса собиралась уже что-то спросить, но Саша успел раньше:

— Лишняя информация, — махнул рукой он, — нам она не нужна. Расскажи лучше о том, почему ты здесь.

Дори задумался, приложив палец к губам.

— Я из другого мира, — сказал он наконец, — колдун, вы его лесником называете, тоже из другого мира…

— Совсем другого или твоего? — деловито уточнила Шура.

— Из моего. В смысле, он тоже из Кронии, — ответил ей Дори. — Ему досталась магическая крепость, она очень-очень опасная и в ней много всяких колдовских штук.

— Это его избушка, — догадался Саша, — мы там были. Только почему она так выглядит? Ну я крепости магические как-то иначе представлял.

— А вдруг в их мире всегда так? — поинтересовалась Шура. — Да, Дори?

Они вдвоем уставились на гремлина, а тот только покачал головой.

— Вовсе нет, просто эта маскируется.

— А-а-а, — протянула Шура. — Все ясно.

Теперь поведение лесника получило объяснение: он просто-напросто колдун из другого мира.

Дори кое-как рассказал о своих планах.

— Ты очень смелый, — сказала Света, когда он закончил рассказ.

При этих словах гремлин смутился. Саша кивнул, соглашаясь с сестрой, две других девочки улыбнулись.

— Но зачем колдун все это делает? — спросил Саша. — Должен же быть мотив.

Гремлин вздохнул и провел ладонью по рукояти топора.

— Цестинда, это предыдущая хозяйка магической крепости и злая ведьма, хотела стать правительницей всей Кронии, — сказал Дори, — этот колдун собирается сделать то же самое. Наверное. А может и ваш мир захватить…

Алиса тяжело вздохнула, Шура и Света переглянулись, а Саша задумчиво кивнул: он примерно так и подумал, когда зашла речь о колдунах.

— Что же, — сделал вывод он, — потому его нужно остановить, верно?

— Да-да, — кивнул Дори, — оттого-то меня сюда отец и отправил.

Гремлин дернул ухом и замолчал, не очень желая рассказывать дальше.

— А твои родители не боятся отпускать тебя одного? — удивилась Шура. — В другой мир, еще и сражаться с колдуном.

— У Дори есть невеста, — напомнила ей Алиса, — он сразу про нее вспомнил, а это означает, что он уже более чем взрослый. Я права?

Саша заметил, что гремлин как-то мнется, но потом Дори ответил:

— Да, я взрослый.

— А какая она, твоя невеста? — вдруг заинтересовалась Шура. — Она красивая?

— Самая красивая на свете! — выпалил Дори. — Другой такой гремлинши вообще не найдешь! Она такая милая, заботливая, просто чудесная… Посмотришь — залюбуешься, а как узнаешь поближе, то не захочешь расставаться ни на секунду!

Света закатила глаза и толкнула Сашу рукой, тот кивнул: он уже убедился, что влюбленность делает странные вещи с людьми, и с гремлинами, похоже, тоже. Но у Дори это выглядело почти мило.

— А какая она, Крония? — задала еще один вопрос Шура.

— Разная, — ответил Дори, — я могу рассказывать про нее долго-долго…

Саша опять замахал руками.

— Все-все, — сказал он, — хватит вопросов. Это же лишняя информация!

— Да помолчал бы, — обиделась Шура.

— Лишней информации не бывает, — поддержала ее Алиса, — у нас открытие века. Настоящее открытие века, а ты…

— А что я? — не понял Саша. — Тут колдун злобный бродит и всех хочет уничтожить. Может, не будем отвлекать Дори, а поможем ему?

Вот только гремлин с ним не согласился:

— Я не против, чтобы меня отвлекали! — поспешно заверил он. — Я бы даже кому-то из вас топор отдал, вы тогда разнесете все маски сами, а я про Кронию расскажу.

— Мы ни за что не станем отнимать у тебя этот подвиг, — заверил его Саша, — топор дали тебе, а

значит, что и колдуна побеждать тоже тебе.

— Точно-точно! — захлопала в ладоши Света. — А мы тебя поддержим.

Саше показалось, что Дори выглядит затравленным, но он отбросил эту мысль. Будь он сам на его месте, то ужасно бы радовался, что победа уже не за горами. Буквально шаг сделать и все.

— Как мы его поддержим? — спросила Шура.

Вот на этот вопрос и сам Саша ответить не мог, он собирался спросить у Дори, что тот может предложить, но хорошую идею подсказала Алиса:

— Мы посторожим подступы к избушке, — заявила она, — отвлечем Каматаша Гребневича, если он подойдет слишком близко. Ведь он, как хозяин магической крепости, обязательно решит навредить тебе, я права?

— Может быть, — неуверенно ответил ей Дори. — Он вообще меня прихлопнуть грозился.

— Вот-вот, — кивнула Алиса.

— Мы тебя защитим, — пообещала Света. — Ничего не бойся!

— Как ты, Малиновка? — не мог не подшутить над сестрой Саша.

— Я ничего не боюсь, — вздернула нос она, — просто знаю, что ты хочешь меня защищать. Вот ради тебя и делаю вид, что боюсь.

— Ну как скажешь, — пожал плечами Саша.

Дори еще раз посмотрел на ребят, а потом вздохнул и поднялся с земли.

— Вы не такие и плохие, как я думал, — признался гремлин, — даже более чем.

Алиса рассмеялась, и Саша понял, что тоже улыбается, как и остальные.

— Мы рады, что удалось подружиться с тобой, — серьезно сказала Шура.

— Ты хорошенький, — добавила Света, а потом смутилась, но все-таки выпалила. — Можно тебя погладить?

Дори кивнул. Она встала и неуверенно погладила его по пушистой макушке.

— Избушка колдуна в той стороне, — указала Алиса, — удачи тебе.

— Спасибо! — отозвался Дори, перехватил топор поудобнее и направился в нужном направлении.

Пока ребята и Дори обсуждали, что привело гремлина в этот мир, Коми шел по следу. Ненависть клекотала в нем и заставляла то и дело рычать и ворчать. Мерзкий кузен умудрился сбежать! Ловушка была такой хорошей идеей, надо же было этому Дори побежать через кусты… не мог спокойно пройти по тропинке! Вот тогда бы

Коми превратил его в муху и решил все проблемы. Но вместо этого приходится опять гоняться по лесу!

За очередным поворотом тропинки Коми встретил Артема с Женей.

— О, здравствуйте! — сказал старший из мальчиков.

— Добрый день, — буркнул гремлин.

— Этот ваш неважный зверек, — сказал второй подросток, — только что тут был. Не знаете почему?

— Очень даже знаю, — ответил Коми.

Вот и еще одно препятствие на его пути, и почему эти дети оказываются там, где ненужно? Чем дальше, тем больше ребята его раздражали. Слишком шумные, слишком дружелюбные, вечно лезут туда, куда их не просят. Прямо как кузен Дори. Целых шесть Дори, помимо настоящего. Коми этого уже не вынести.

— О, это отлично, — обрадовался Женя, даже не подозревающий, какие мысли бродят в голове у лесника, — тогда, может, прекратите нам врать и расскажете, что оно такое? Научный эксперимент? Существо, сбежавшее из лаборатории? А вы сотрудник этой лаборатории, которому поручено поймать и вернуть создание назад?

Рассказывайте, а то мы найдем кого-то, кому будет интересно.

— Вы что-то скрываете, — значительно добавил Артем.

Коми потер нос и топнул ногой, он помнил, что ему говорила Крепость по поводу маскировки в мире людей, но церемониться не собирался. Слишком уж утомился гоняться за Дори, который опять ушел из его рук. Потому Коми заявил:

— Замрикиус! Не двигатиус, молчатиус!

И махнул рукой в сторону обоих ребят. Это, конечно же, было специальное заклинание. Так что те так и замерли на месте: Артем на полшаге, а Женя с открытым ртом, не успев выдвинуть еще одно предположение.

— Постойте-ка тут, — сказал им Коми, — пока я охочусь на мерзкого маленького гремлина. Нечего мне мешать!

После этого он снова направился в лес, разыскивая Дори. Гремлин был уверен, что его кузен не мог сбежать далеко. А если так, то Коми вернется в Крепость и снова займется изучением магии, заодно и решит, как можно проучить Молодой Дубок. Коми был уверен, что способ приструнить своевольное деревце обязательно найдется. Он великий маг, как говорит Крепость, значит, смо-

жет что-то придумать. А если и нет, то хоть от одной проблемы избавится, когда прикончит надоедливого кузена.

Коми и не подозревал, насколько он близок к поражению, ведь Дори как раз направлялся в сторону его избушки, а четверо детей прикрывали его тыл.

— Вы верите во все, что он сказал? — уточнила у остальных ребят Алиса.

Она до сих пор не могла до конца осознать, что где-то существуют гремлины, гномы, колдуны и целый мир волшебных созданий, который нужно спасать от зла. Это выглядело, как сюжет какой-то книжки или фильма. Говорят, что надо жить в реальном мире… только вот что делать, когда этот мир рушется?

Саша не знал, да и сомневался, что хоть кто-то из них четверых знает. Ну, разве что Шура, хотя она и так всегда жила наполовину в мире собственных фантазий.

— Я верю! — заявила Света. — Всегда верила и вам про то же говорила!

— Ты говорила, что зверька выдумал колдун, чтобы нас отвлечь, — напомнила ей Алиса.

— Но про колдуна-то я права была! — не собиралась сдаваться Света.

— Да-да, мы были неправы, — потрепал ее по голове Саша. — А ты вообще молоток!

Света что-то прошипела. Она бы, наверное, еще долго спорила о том, кто был прав, а кто нет, но именно в этот момент на тропинке показался Каматаш Гребневич, о котором дети уже точно знали, что именно он — злобный колдун, который обманывал их всех и стремился захватить целый волшебный мир, а может и Землю.

— Здравствуйте, дети! — с показной беззаботностью помахал им лесник.

Те из ребят, кто еще сидел, вскочили.

— Скажите, — начал колдун задумчиво, — вы тут ничего странного не видели? Не пробегал ли тот зверек, о котором мы совсем недавно вспоминали, а?

Алиса хмыкнула и, поправив очки, выступила вперед.

— А зачем он вам нужен, Каматаш Гребневич? — спросила она. — Что вы собираетесь с ним делать? Вы же говорили, что он совсем не важный.

— Ах… ну знаете ли, он совсем один, — принялся объяснять колдун, широко улыбаясь, — его надо защищать, тут же так опасно… а осенью еще и холодать начнет, он замерзнет и простудится.

Вот я и хочу узнать, куда мог спрятаться бедняжка. Напуган ведь наверное. Я его подкармливать буду и потом, в холодное время, местечко найду, где он перезимовать сможет.

— Можешь не заливать, мы тебе уже не верим, — сурово сказал Саша.

— Мы знаем, кто ты такой, — поддержала его Шура, — ты злобный колдун.

Они стояли плечом к плечу, сложив руки на груди, и пристально смотрели на лесника-обманщика.

— Мы не дадим тебе обидеть Дори! — смело добавила Света. — Так и знай!

Секунду ничего не происходило, а потом колдун расхохотался и взревел:

— Тогда плохо будет вам! Я превращу вас в лягушек! Целый лягушачий хор! Жабиус превращатиус!

Саша кинулся к Свете, и они вдвоем повалилась на землю, так что в лягушку превратилась чахлая осинка за их спинами. Она квакнула и ускакала прочь.

— Бегите, — крикнула Алиса, — я его задержу!

Она не очень хорошо представляла, как именно будет сражаться с колдуном, который может вот так запросто нарушать законы физики, но долж-

на была что-то предпринять. Алиса чувствовала, что отвечает за всех остальных.

— Не задержишь, глупая девчонка, — сказал колдун, его борода топорщилась, а в глазах пылала ненависть, — я превращу в лягушку тебя, твоих друзей, а потом и этого мелкого гремлина.

Он ткнул узловатым указательным пальцем в сторону Алисы и открыл рот, собираясь произнести заклинание… но не успел. Ярко раскрашенная крыса метнулась к нему и вцепилась в ногу.

— А-а-ай! — воскликнул колдун, прыгая на одной ноге. — Я тебе покажу… огневикус!

Но Рисс, а это была именно она, легко отскочила в сторону, так что горе-колдун подпалил только себя. Он бухнулся на землю, проклиная всех волшебных созданий и подростков обоих миров.

Когда же колдун попытался встать, то из-под земли вырвались корни и свалили его с ног.

— Так его! — пискнула Рисс. — Дуб, молодец! Ребята, бегите!

Просить дважды юных любителей дикой природы было не нужно, они уже улепетывали со всех ног. Колдуна они отвлекли и задержали, сделав все, что могли, и даже больше.

Рисс тоже убралась подальше, слившись по цветам с травой и землей. Она уже какое-то вре-

мя наблюдала за ребятами и Дори. Крыса делала это потому, что Молодой Дубок заметил колдуна, который вот-вот одержит победу.

— Помоги им, — попросил он Рисс, — я стал достаточно большим, чтобы делать несколько дел одновременно, а корни мои уже способны раскинуться дальше и глубже.

— Пф-ф-ф… Нет проблем, — ответила крыса.

Так что она наблюдала за ребятами, ждала подходящего момента, чтобы им помочь.

«Хорошо, когда есть друзья», — подумала Рисс.

Дети тем временем уже убегали прочь: они решили не смотреть весь бой до конца, мало ли какое заклинание полетит в их сторону. Алиса судорожно искала в телефоне контакты Жени или Артема, чтобы предупредить об опасности. Если мальчиков превратят в лягушек, как объяснить это их родителям?

К счастью, к этому времени действие заклинания сошло на нет, и Женя с Артемом уже двигались.

— Ну и скотина этот ваш лесник, — буркнул Женя, когда обе компании встретились, — он что-то с нами сделал.

— Он вас заколдовал! — воскликнула Шура.

Она кинулась к Жене и крепко обняла.

— Да мы в порядке, — неуверенно ответил мальчик.

— Как думаете, он справится? — спросила Света.

— Точно справится, — заверила ее Шура.

— Кто справится? — не понял Женя.

Они услышали яростный крик колдуна и поторопились уйти подальше.

А Коми действительно кричал в бессильной ярости. Он ненавидел и детей, и мерзкого кузена Дори, который его поддерживал, да и Молодой Дубок, который теперь зачем-то выступил на стороне мерзкого кузена.

— Я ему покажу! — взревел Коми. — Всем покажу!

Он вскочил на ноги и побежал в сторону Крепости. Но и там там колдуна ждал неприятный сюрприз: корни Молодого Дубка оплели избушку плотным коконом. Стоило шагнуть в их сторону, как еще несколько вырвались из-под земли и уцепились за ноги Коми.

— Огневикус! Растениус уничтожатус! — произнес заклинание Коми.

Но оно не сработало, ведь Дубок сам был магией, и потому волшебство на него не действовало вовсе.

— Будь вы все прокляты! — заорал Коми.

А тем временем Дори, находившийся внутри избушки, тоже испытывал некоторые трудности.

Он хотел было разбить маски, но топор в его руках дернулся раз, другой, потом третий — уже сильнее.

— Что ты творишь? — спросил юный гремлин, в ужасе глядя на собственное оружие.

Топор дернулся еще раз и вырвался из его рук.

Глава девятнадцатая

...в которой волшебный топор живет своей жизнью, настоящая личина Коми открывается Дори, и юный гремлин понимает, как именно может совершить подвиг.

Волшебный топор без всякого труда вырвался из рук Дори и, вертясь, влетел в стену, как раз под одной из жутких масок.

Юный гремлин сделал осторожный шаг в его сторону. Он надеялся, что ему померещилось или что это просто действие магии, а сейчас топор успокоится и можно будет приступить к делу.

— Мне надо разрубить маски, — сказал не то топору, не то сам себе Дори.

Никакой реакции. Юный гремлин привстал на цыпочки, схватил топор за ручку и потянул. Но камень внезапно засиял ярким-ярким светом, не успел Дори ойкнуть, как топор выскочил из стены и, вертясь, полетел по комнате.

— Да что это такое? — возмутился Дори. — Ты же должен меня слушаться! Почему ты так себя ведешь, а?!

Топор на это заявление не отреагировал. Он

ударил по одной из масок, изображавшей ворона, и та раскололась пополам.

— Да, я это и собирался сделать, — обрадовался Дори. — Молодец! Просто умничка!

Но на этом топор явно останавливаться не собирался, он развернулся, поднялся к потолку и со свистом полетел в сторону юного гремлина.

— А-а-а! — Дори едва удалось увернуться.

К счастью, не он являлся целью волшебного топора: тот долетел до полки и принялся крушить все, что на ней стояло. Доски треснули, и на пол посыпались магические артефакты, склянки с зельями, черепа и книги. Они появлялись из воздуха падали на пол, где топор разрубал их на мелкие части. В воздухе кружились пыль, щепки, осколки, вырванные страницы… Дори стоял, открыв рот, и наблюдал за этим. Он, одновременно, был и напуган, и зачарован тем, что видел.

Топор дернулся и опять полетел в сторону гремлина. Тот ничком упал на пол и увидел, что волшебное оружие долетело до стены и снесло с нее одну маску, потом вторую, потом третью… они падали на пол и топор деловито разламывал их. После этого он опять дернулся и полетел к полкам, на полу около которых уже образовалась целая гора магических вещей.

— Да что же такое? — опять взвизгнул Дори, когда топор снова пронесся над его головой и спикировал вниз, целясь в сторону черных свечей на лавочке.

Стены Крепости затряслись, пол заходил ходуном, и на нем появились трещины, раздался громовой голос колдовского убежища. «Прекратить! Прекратить! ПРЕКРАТИТЬ! МНЕ БОЛЬНО! Я УНИЧТОЖУ ВАС!» — кричала она.

Дори упал на трясущийся пол и сжался в комочек, но топор останавливаться даже не собирался. Он летал по комнатушке и крушил все, что попадалось ему на пути: разламывал лавки, сносил книги и артефакты с полок, то и дело врезался в стены и вылетал из них. Он не останавливался дольше, чем на пару секунд. Разве что ему нужно было разбить на мелкие части какую-то волшебную вещицу или расколоть маску. Они теперь падали со стен сами, а вовсе не держались так крепко, как тогда, когда Саша пытался осмотреть одну из них.

Очень скоро Крепость уже не угрожала и не требовала, а просто визжала от боли и досады. Она была бессильна, не могла ничего сейчас сделать, ведь в ней оставалось так мало магии. Сплетенные вокруг избушки корни Дубка не

давали волшебства, а словно высасывали его.

Под отчаянные вопли Крепости Дори метнулся к ближайшей стене, и ему на голову упала маска, задев по затылку, на котором еще не до конца сошли все шишки, которые юный гремлин успел набить за последние дни.

— Ой! — вскрикнул Дори и отскочил.

Он присмотрелся к маске и с ужасом узнал в ней своего знакомого: она изображала того самого гремлина, который провожал Дори до портала в Кронии и помогал нести вещи в тот самый роковой день, когда путешествия в мир людей оказалось делом жутко опасным и непредсказуемым. Теперь стало понятно, почему портал сработал не так, как нужно.

— Ну вот, — вздохнул Дори, — а я-то думал, почему тот добрый и заботливый гремлин показался мне настолько странным?!

Конечно, он несколько кривил душой: в день отправления в мир людей Дори и думать не думал о тех, кто его окружал. Все мысли были сосредоточены на предстоящем путешествии и, самую малость, на Лори. А о ком и о чем еще ему тогда было думать?

Вот теперь он видел, что заботливость тоже была личиной колдуна. Он воспользовался до-

верием Дори, чтобы сбить настройки портала. Юный гремлин не слишком понимал, чем это ему угрожало, но ничего хорошего об обманщике не думал. Вот так легко, как оказалось, провести героя Кронии, если только действительно захотеть…

— А я ведь ему поверил, — простонал Дори. — Почему я всем и всегда так легко верю?

Топор опять пролетел мимо него и с размаху опустился на маску. Пара секунд, и от нее не осталось ничего, кроме груды щепок. После этого топор, сделав широкую дугу, полетел к котлу и врезался в него с басовитым «бам». От его ударов на котле появилось несколько вмятин, но разломать его полностью не получилось, топор быстро сдался и опять отлетел к полкам, снося по дороге со скамьи целую батарею бутылочек с разноцветными зельями. Они падали на пол, от битого стекла поднимался клубами цветной пар, и Дори надеялся, что дышать этим не очень вредно, но все равно оглушительно чихнул.

Чего действительно боялся Дори, так того, что из кажущегося бесконечным потока артефактов рано или поздно вылетит еще банка, где будет сидеть другой питомец Цестинды, такой как Рисс. Что, если топор убьет ни в чем не повинного

зверька?! Но, к счастью, ничего подобного не случалось.

Дори в который раз чудом увернулся от своего строптивого оружия и пополз в сторону кровати: он решил, что под ней можно надеяться хоть на какую-то безопасность.

«Ненавижу подвиги, — думал Дори, быстро перебирая коленями и локтями, — ненавижу мир людей, ненавижу волшебство. Почему все время мне достается-то а?»

От скопившейся под кроватью пыли Дори расчихался, зато тут было безопаснее, чем в комнате, по которой летал обезумевший топор. Юный гремлин слышал, как тот с грохотом и треском продолжает разносить все, что попадалось на пути, с особенным рвением — колдовские вещицы. Вот оказывается, какую опасную штуку сковали гномы!

«Эх, — подумал Дори, — надо было сразу принести топор в избушку, глядишь, со всем бы разобрался быстрее». Он не был уверен, что под кроватью совсем безопасно, но хотя бы топор прямо над головой не летает.

Под руку Дори что-то попалось. Гремлин достал и засветил медальон, чтобы рассмотреть найденную вещицу. Это оказалась маска, точно так же

искусно сделанная, как те, что висели по стенам.

Дори покрутил ее в руке, присматриваясь внимательнее. В голубоватом свете, который давал медальон, он не сразу узнал того, кого эта маска изображала, все-таки великий герой Кронии хорошо помнил далеко не всех своих кузенов, кузин и прочих родственников дальних и ближних. Но потом он осознал, что это мрачное выражение лица и опущенные уголки губ не просто так ему знакомы.

Маска изображала кузена Коми. Откуда здесь его маска? А вдруг именно Коми является тем самым злом, что угрожает всей Кронии?!

Дори принялся вспоминать все встречи с кузеном. А тот, и вправду, очень подозрительный. И пропал первым, в ночь, когда разразилась волшебная гроза. В ночь, после которой жители Кронии и направились на поиски Крепости злой Цестинды. Ну конечно, колдуном стал Коми! Угрюмый и завистливый гремлин решился на по-настоящему страшные поступки… А они, даже мудрые правители, до сих пор его даже не заподозрили!

— Как же мой кузен решился стать колдуном! — пробормотал Дори.

Досада переселила страх перед беснующимся

топором, да и тот уже немного затих, перерубив почти все, что было в избушке и, когда Дори осторожно выглянул из-под кровати, чтобы посмотреть, как обстоят дела, топор без дела неуверенно летал от стенки к стенке.

Дори выбрался и отряхнулся, он крепко сжимал маску Коми в руке и думал о том, что ему надо было раньше обратить внимание на кузена, который совсем не радовался его подвигам.

— Получается, что это я не уследил? — спросил сам у себя юный гремлин. — Так, что ли?

Волшебный топор совсем успокоился и улегся у ног Дори.

— Коми всегда не нравились мои рассказы. Он не просил ничего повторить или рассказать поподробнее, — вслух размышлял Дори, — а я и не думал, что это означает!

Юный гремлин грустно посмотрел на маску.

Спустя миг посреди комнаты появилось святящееся облако. Оно мерцало и с каждой секундой все больше походило на фигуру злобного колдуна… нет, на фигуру той личины, что была надета на Коми!

— Я уничтожу тебя, мерзкий Дори! — прозвучал голос, словно кто-то кричал в бочку. — Ты не остановишь меня своими фокусами! Это моя

Крепость, и я всегда могу войти в нее…

Дори заметался из стороны в сторону, натыкаясь на разломанные в щепки вещи, раня лапки о разбитые бутылочки, в которых раньше были зелья. В воздух поднимались клубы пыли, и юный гремлин чувствовал, как в носу свербит от подступающего чиха.

— Что делать? Что делать? Что делать? — спрашивал сам себя паникующий гремлин.

В его голове крутились тысячи тысяч мыслей: о Кронии, о папе с мамой, о Лори, о том, что они теперь уже не увидятся… даже мысли о Дубке и Рисс не оставляли его. Они ведь так старались, чтобы помочь Дори, но все зря. Помощь придет, но будет слишком поздно. Его уже превратят в лягушку и кто? Собственный кузен! Тот самый, что никогда даже не радовался его подвигам.

— Ну и как там твои пятиглавые драконы, — издевался Коми, чей силуэт становился все более и более четким, — не боишься ничего? Да, великий герой? Посмотри на себя, трусишь, как маленькая мышка или букашка, которую я сейчас раздавлю! Или нет, я превращу тебя в крысу, вроде той твоей цветной подружки, и засуну в банку!

«Нельзя было хвастаться, — в приступе раскаянья подумал Дори, — только из-за моих глупых

историй Коми так разозлился. Ничего бы ведь и не случилось, будь я скромнее». До боли захотелось вернуться назад, и все исправить. Его бы и без хвастовства любили, ведь для жителей Кронии важен вовсе не героизм, а то, что Дори действительно помог уничтожить Цестинду… Хотелось снова оказаться в прошлом, заметить Коми, поговорить с ним. Может, тогда бы Дори понял, что же пошло не так? Кто знает, вдруг Коми просто нужен был друг, а вовсе не героический кузен?

— Никто не поможет тебе, — продолжал тем временем упиваться своей скорой победой Коми, — никто не придет спасать несчастного гремлина, который ничего не может и не умеет. Все друзья отвернулись от тебя, а сам-то ты кто? Ты никто, ха-ха! И я докажу это!

Колдун уже почти воплотился, и тут Дори осенило: да, может он не такой и великий герой, как ему хотелось бы, но ведь и не совсем неумеха. Он справился с Цестиндой дважды. Конечно, ему помогали. Даже, как должен был признать Дори, многое делали вместо него, но ведь и он сам тоже участвовал. «Что толку переживать из-за того, чего я не смог, — подумал юный гремлин и остановился, в ярости размахивая хвостом так, что

пушистая кисточка мела пол, — нужно думать о том, что я действительно могу сделать». Он поднял с пола топор, бросил маску Коми себе под ноги и с размаху ударил по ней. Она раскололась со звоном, словно была сделана из стекла, и разделилась на множество мелких осколков, а потом рассыпались и они.

В тот же миг послышался раскат грома. Коми, который как раз переместился до конца, вдруг принялся меняться: он опять становился гремлином, а личина человеческого лесника таяла, словно ее и не было вовсе. Под ней обнажался истинный вид Коми, с его мордочки до сих пор не сошли ужасные бородавки, что он сам на себя наслал. Заклинание разрушалось очень медленно.

Но не только Коми менялся: избушка начала с грохотом рушиться. Дело в том, что в жадности своей магическое убежище Цестинды очень сильно присосалось к своему новому владельцу. Крепость буквально жила через Коми, она пользовалась его эмоциями, существовала непрерывно в его мыслях и направляла через него магию. Она сливалась с гремлином через его маску, и теперь, утратив связь, потеряла не только возможность питаться, но и саму возможность жить.

Ее вопль услышали и Дори, и Коми. Гремлины

упали на четвереньки, зажимая ладонями уши, а избушка тряслась и рассыпалась, словно была карточным домиком. Последним, что сделала Крепость, была попытка все-таки убить Дори. Она напряглась и подбросила обоих гремлинов в воздух, потому что уже не была способна отличить одного от другого. В тот момент, когда они оба взлетели, разломалась крыша, так что оба гремлина вылетели прочь из избушки, в то время как она осыпалась. В полете Дори потерял волшебный топор, но это для него было не так важно, как то, что они с Коми влетели в кусты, от которых на жаре остались только торчащие во все стороны колючие сухие ветки.

— Ай-яй! — взвизгнули оба гремлина с удивительным для них единодушием.

Дори и Коми с трудом выбрались на открытое пространство: их окружали иссушенные остовы кустов и чахлые деревья. От избушки гремлины отлетели не слишком далеко, но это было последним, что их волновало.

— Это ты виноват! — заорал Коми, его угрюмую мордочку пересекала свежая царапина.

— В чем? — удивился Дори.

Он оглядывался по сторонам в поисках помощи, клоторую обещали Огромный Дуб и Эрген.

Видно, еще не успел Дубок дорасти до Кронии.

«Но мне ведь надо отвлекать колдуна, — подумал Дори, в упор глядя на злобного Коми, — вот я и буду отвлекать!»

Душа Дори уже давно ушла в пятки, но юный гремлин понимал, что кроме него выступить против Коми некому. А если он ничего не сделает, то могут пострадать все в Кронии. Мама, папа, Лори… пусть он и разбил маски, а топор помог разрушить Крепость, но вот он, колдун, стоит прямо перед ним.

— Ты всегда все портишь, — как раз причитал тот, тряся пальцем, — не можешь просто порадоваться чужому счастью, все-то тебе надо отнять, а если не отнять, так разрушить! Ненавижу тебя!

— Я думал, что ты мой кузен и друг! — возмутился Дори. — Думал, что мы семья, и ты никогда ничего плохого мне не сделаешь. А ты убить меня пытался! И не только меня! Ты едва не погубил всю Кронию!

— Неправда! — ответил Коми. — Ты лгун! Ты даже сам себе лжешь все время, а уж другим подавно!

— Нет, правда, все правда, а мы ведь и действительно семья… ты мой кузен!

— Ах, семья, — угрожающе сузил глаза Коми и

сделал шаг вперед, — спорю, что ты даже имя мое не сразу вспомнил, великий герой.

Последние два слова он произнес с издевательской интонацией, что и сомнения не могло остаться, как он относится к подвигам Дори. Тот даже чуть отступил к кустам, так угрожающе стал выглядеть его вечно недовольный всем вокруг кузен.

— Ну… я действительно герой, — сказал Дори. — Все вокруг так думают.

— Да в чем твой героизм?! — снова потерял самообладание Коми и принялся заламывать руки. — В том, что ты сын Эргена? Да тебе просто повезло, пока я работал без отдыха!

— Я здесь причем? — спросил Дори.

Коми в ответ на это затопал ногами и принялся так яростно вращать глазами, что Дори испугался, как бы они у него из глазниц не выпали. Его кузен от переизбытка эмоций размахивал руками, как птица крыльями.

— Ты еще спрашиваешь?! — Коми сжал руки в кулаки и оскалился почище всякого волка. — Ты со своими подвигами бегал по всей Кронии, рассказывал всем сказки о том, какой ты герой!

Миг и он замолчал, разинув рот, а потом недобро улыбнулся и значительно тише сказал:

— Ну вот и все. Пришел тебе конец. Может, ты и победил в одном бою, но теперь-то ты стоишь только против меня. Здесь нет ни твоих друзей, ни твоих магических штучек. Сила против силы, да, милый кузен? Честное соревнование.

— Да какое же честно? — спросил Дори. — Если ты можешь колдовать, а я нет — ни о какой честности и речи не идет… вот будь я тоже волшебником…

— Молчать! — рявкнул Коми. — Вот теперь и ты поймешь, каково это, стать тем, кому не повезло. Да-да-да.

Дори опять попятился и наткнулся спиной на колючие ветки. Он задался вопросом, а не попробовать ли ему таки пробраться через кусты? Ну поцарапается, и что?..

— Превращу тебя в лягушку! Жабиус превращатиус! — прокричал Коми.

Дори испуганно уставился на свои руки, но превращаться в лягушачьи лапки они не торопились. Юный гремлин вспомнил, что Рисс говорила ему о способностях Коми и о том, что они у него только благодаря Крепости. «Получается, — радостно подумал Дори, — что теперь Коми вовсе не может меня заколдовать? И у него нет никаких сил?» Дори чуть было не начал прыгать

на радостях, но решил, что время не самое для этого подходящее.

— Да у тебя магии больше нет, — вместо этого сказал он, — никого ни во что ты теперь не превратишь.

— Ты все врешь, — возмутился Коми, — я сейчас тебе так покажу… так покажу, что ты у меня еще попляшешь.

— Ну давай, — ответил Дори.

Дори надеялся, что не ошиблись ни он, ни Рисс, а то ведь обидно было бы: столько сделать, а потом все-таки оказаться заколдованным Коми. Может, превратить он уже никого ни во что не может, но сделать что-то другое вполне способен? Кто эту магию знает.

— Громус и молниус! Бурикус налетаниус! — вскричал Коми. — Ураганус! Бурикус начнитус!

Ничего не произошло, Дори отнял одну ладошку от лица и неуверенно оглянулся, а потом опустил и вторую. Он и сам не заметил, как закрыл лицо руками.

— Ха! — сказал он, указывая на Коми. — Правду мне сказали, что ты колдовать и не умеешь!

— Умею! — возмутился Коми, он снова поднял руки и, нахмурившись, прокричал: — Бурикус! Дождевикус! Ураганус!

Громыхнуло, над Коми появилась почти черная крошечная тучка, но стоило кузену Дори победно ухмыльнуться, как из нее хлынул ливень… над ним одним. Потом тучка исчезла и оставила после себя только мокрого Коми. С его шерсти стекала вода, а мордочка казалась еще более вытянутой, чем до этого.

Дори не выдержал такого зрелища и расхохотался, указывая пальцем на кузена.

— Ну я тебе покажу! — заорал Коми.

Зарычав, он кинулся на Дори. Оба гремлина покатились по земле, мутузя друг друга, кусаясь и царапаясь. Они свалились в лужу и извозились в грязи. Коми вцепился зубами в плечо Дори, а тот потащил его за хвост и пнул ногой в живот. Он не был уверен, сколько на ком остается укусов и царапин: густая шерсть гремлинов мешала им серьезно зацепить друг друга, но все равно было мало приятного. Однако Дори точно знал, что сражается не только за себя, но и за всю Кронию. Что до Коми, то он просто обезумел от собственной ярости.

Прекратили эту безобразную драку только последовавшие один за другим жуткие раскаты грома.

Глава двадцатая

…в которой все возвращаются домой, героев награждают, злодеев наказывают, а Крония готовится к самой шумной свадьбе за последние три тысячи лет.

Пока происходили все эти события, Молодой Дубок спешил расти. Ему и в самом деле удалось дотянуться до корней отца. А ведь сейчас самому-то деревцу едва исполнился месяц. Довольно неплохой результат, если подумать.

Трудно сказать, о чем говорили волшебные Дубы: чтобы понять их надо понять и то, каково это растить на своей кроне листья, впитывать солнечный свет, питаться водой и чувствовать движение мелких жучков по своей коре… то есть, проще говоря, надо тоже быть деревом. Но одно можно сказать точно о беседе Огромного Дуба и Молодого Дубка: они разобрались в том, что они семья и любят друг друга. Крония и Земля снова соединились, как это было с самого начала. Дубок, несмотря на то, что его переполняла радость от встречи с отцом, не забыл о Дори и о том, что гремлено, вероятно, нужна помощь. Да и

жители Кронии вряд ли смогли бы забыть о том, как важно поддержать своего героя.

Раскаты грома, которые слышали Дори и Коми, были ничем иным, как знаком того, что открывается путь между мирами, и по нему идут, а точнее — летят первые посланцы.

Конечно же, это были птицы-стражи. По дороге они не забыли попросить ведьм чуть-чуть над ними поколдовать. Так что теперь двое испуганных, измазавшихся в грязи гремлинов, раскрыв рты, наблюдали за тем, как две птицы с огненными перьями опускаются на низкую ветку дерева.

— Дори, сын Эргена, кто это рядом с тобой? — громогласным голосом спросила первая птица. — Это колдун, за победой над которым ты был отправлен?

Дори собирался сказать, что его посылали вовсе не колдуна побеждать, а Дубок рубить, но не успел. Заговорил Коми:

— Это я, — он отцепился от Дори и попытался подняться, но опять шлепнулся в грязь, — он лишил меня силы из зависти! Я требую наказать его со всей строгостью!

— Неправда! — возмутился Дори. — Это же не я использовал арсенал Цестинды!

— Цестинды? — удивленно обернулся к нему

Коми. — Она-то тут причем?

— Тихо! — прокричала одна из птиц и расправила пылающие крылья, при этом молния осветила ее, и это выглядело так эффектно, что оба гремлина просто дара речи лишились.

— Коми, — заговорила вторая птица, — твои колдовские деяния привлекли внимание всей Кронии! Это ты разрушил заклинание ведьм, открыл портал в мир людей и уводил сюда волшебных существ нашей сказочной родины?

— Да, я. Но я не виноват, — только и сказал Коми.

— Это решит суд, — ответила птица, — не мы и не ты. Сейчас вы оба отправитесь в Кронию. Как и другие лунные и солнечные ее жители.

— Кстати, а где они? — задала вопрос первая птица.

— Они в ближайшем городе. Наверное там. Решили бросить меня, неблагодарные… — проворчал Коми.

— Что же, — проговорили птицы хором, — мы унесем вас в родной мир.

Коми попытался сбежать, когда понял, что теперь он в меньшинстве, а колдовство ему недоступно, но его определи. Одна из птиц спикировала наперерез и ухватила когтями за плечи.

Гремлин пискнул, но больше от страха, потому что густая шерсть защищала его кожу не хуже шубы, а огонь, которым пылало каждое перышко, был вовсе не горячим.

Первая птица, держа Коми, описала круг, поднимаясь выше, а вторая сказала, обращаясь к Дори:

— Хватайся за мои лапы, о, великий герой.

— Что? — не понял Дори.

Птица покрутила клювом, что могло бы обозначать вздох, и, как и ее коллега, ухватила гремлина за плечи. Дори, правда, довольно быстро понял, что ему нужно делать и перехватился руками за ее лапки.

Птицы стражи мчались так быстро, что ветер завывал в ушах, а деревья, мелькающие внизу, выглядели почти как зеленый ковер с размытым узором. У Дори начала кружиться голова, а когда птицы нырнули вниз, к корням Дубка, прижимая крылья к бокам, юный гремлин закричал и зажмурился: ему казалось, что сейчас они разобьются. Коми тоже визжал в ужасе. Но опасности не было — птицы спустя минуту уже вылетели в сияющее лазурью небо Кронии.

Птицы унесли гремлинов очень вовремя. Когда юные любители природы услышали подо-

зрительный грохот и крики, они поспешили в сторону избушки лесника.

— Что тут случилось? — спросила Алиса, когда они вышли из леса и увидели то немное, что осталось от добротного домика.

— Поделом этому психу, — ответил Саша, — хоть кто-то… ну или что-то ему дало отпор!

— Это магия, — добавила Шура.

Женя собирался ответить, что магия — это еще не доказанный научный факт и, если вспомнить третий закон Кларка, вовсе даже просто очень развитая технология… но передумал. На самом деле ведь Шура не сказала ничего такого, о чем он сам не подумал. Просто использовали они разные понятия. Только и всего.

— А вдруг колдун до сих пор где-то здесь? — забеспокоилась Света.

— Если он здесь, то мы ему устроим веселую жизнь, — пообещал ей Саша. — Помнишь, что Дори рассказал о нем и его способностях?

Артем кивнул, словно отвечая на какой-то невысказанный вопрос, и пошел к обломкам избушки.

— Это может быть опасно! — Алиса кинулась к нему и схватила за руку, парень обернулся и накрыл ее пальцы своей ладонью. А потом они

пошли к обломкам уже вдвоем.

В этом не было ничего такого уж личного, но Женя отвел глаза: до сих пор, где-то в глубине души, он надеялся, что они с Лиской всегда будут вместе. Пусть она ему как сестра, но отчего-то неприятно, что они с Артемом смотрят только друг на друга. Получается, будто он, Женя, чего-то не знал про вечно важничающую Алису. Чего-то очень важного…

— Ты в порядке? — спросила Шура. — Или соображаешь, какую бы еще научную гипотезы выдвинуть?

— Точно, именно это он и делает! — пискнула Света.

Саша хмыкнул и потрепал сестру по голове, а Женя пожал плечами: ему нравилась Шура. Нравилась не просто как друг, но он до сих пор не был уверен, что не делает ошибку. Ведь Алиса — это Алиса. Может, ему стоит немного побороться с Артемом за ее внимание?

Додумать эту мысль мальчик не успел.

— Эй, идите сюда! — крикнула Алиса. — Мы кое-что нашли.

Она стояла рядом с куцым кустиком чуть в стороне от развалин избушки. Первой к ней, конечно, подошел Артем — ему было ближе всего,

дальше подбежала Света и уставилась на что-то у ног Алисы. Остальные трое юных натуралистов успели почти одновременно. Интересно ведь.

— Это же тот самый! — сказала Света, поднимая с земли топор. — Волшебный топор Дори!

Он был маленьким, словно игрушечным, но лезвие ярко блестело и выглядело острым.

— Тут наш зверек изображен, — отметила Алиса, рассматривая узоры на рукояти, — в смысле, наш гремлин. Да, Тема?

— Похож, — согласился Артем.

— Точно он, — подтвердила Шура.

— Интересно, а камень настоящий? — поинтересовался Саша.

Ребята сгрудились вокруг Светы и рассматривали находку со всех сторон. Женя прокашлялся.

— Что будем с ним делать? — спросил он, когда все повернули к нему головы.

— Отдадим в музей? — неуверенно предположила Алиса.

— И как объясним, откуда он и из какой эпохи? — поинтересовался Женя. — Неа, Лиска, не пойдет.

— Давайте себе оставим, — предложил Саша, — пока, по крайней мере. Женя, хочешь, ты заберешь?

— А и заберу, — согласился он и взял топор из рук Светы. — Может, придумаю, как изучить его с научной стороны!

— И посмотрим на его магические свойства, — добавила Шура и улыбнулась. — Я теперь буду часто ходить к тебе в гости.

Женя кивнул ей, а почему бы и нет? Вдруг вдвоем им удастся обнаружить то, что в одиночку он бы пропустил.

— А сейчас, — Алиса потерла руки, — у нас есть работа! Мы забросили наши наблюдения, потому должны нагнать.

Ответом ей был общий мученический стон.

Ребята и не подозревали даже, что волшебство так и осталось в этом лесу, так недалеко от ничем не примечательного города. Молодой Дубок раскинул ветви и корни, наполняя магией все вокруг. Траву и деревья, птиц и зверей, каждый листочек, каждое перышко, каждую капельку росы… пусть этого было пока что немного, но кто знает, не назовут ли это место чудотворным сотню лет спустя?

А пока… Глубокой ночью, когда ни юных натуралистов, ни других людей в лесочке не наблюдалось, на верхушку Молодого Дубка легко вскарабкалась крыса. Ее шерсть отливала

зеленью в лунном свете, а мелкие пятнышки вспыхивали то белым, то ярко-синим.

— Интересно, как там наш друг гремлин? — спросила Рисс, а это была именно она.

— Нормально, — ответил Дубок, — ты бы могла добраться до Кронии и сама.

— Что я там не видела? — беззаботно спросила крыса. — Нет, дружочек, тут мне интереснее. Кстати, ты же в курсе, что волшебные крысы живут пятьсот лет?

— А сколько тебе?

— Пффф, дамам такие вопросы не задают, — дернула носом Рисс, — но я в полном расцвете сил. Так просто ты от меня не избавишься!

— Я и не собирался, мне не помешает подруга, — тепло ответил Дубок.

— Ой-ой, мы еще не друзья, — с притворным недовольством буркнула Рисс, но и она, и Дубок знали, что это только шутка.

А в Кронии тем временем ждали возвращения не только Дори, но и многих других, кто последовал за Коми и обнаружил, что мир людей вовсе не ждет их с распростертыми объятиями.

Птицы-стражи отыскивали кикимор, леших, орков, гоблинов и троллей, которые пытались жить на земле, как обычные мужчины и женщи-

ны. Волшебные создания ощущали слабость из-за того, что Крепость питалась их эмоциями, но не понимали ее причин.

Когда же влияние исчезло, они впервые за долгое время смогли порадоваться окружающему миру. И все тут же согласились отправиться на родину, в Кронию.

— Уж лучше я дома работать буду, — сказал Рогро, — где меня ценят и не хотят этого… о-бра-зо-ва-ни-я.

Остальные были с ним вполне согласны — хлебнули горя сполна. Троица гоблинов вовсе частенько голодными оставалась.

Вернуть их всех в Кронию было важно еще и оттого, что кому-то предстояло выступать свидетелями на суде Коми. В волшебной стране редко появлялась нужда в действительно шумном разбирательстве: как правило, хватало вмешательства правителей.

Но для того чтобы принять решение о дальнейшей судьбе Коми, необходимо было собрать новый Совет-На-Заре. До тех пор гремлина поместили под замок: он сидел в старой башне высоко в горах. Никто не помнил уже, кому она принадлежала, но выбраться оттуда могли лишь те, у кого были крылья. На всякий случай, Коми

стерегли грифоны и драконы, вдруг он решит исчезнуть до суда.

Но зря боялись его побега. Находясь вдали от Крепости, Коми стал понимать, что не все то, что он делал, было хорошо и разумно. А окончательно разобрался, что случилось, он после визита своей сестренки. Однажды утром ее принес на своей спине один из грифонов-стражей.

Гремлинша привезла брату домашних пирожков и пряников, пусть Коми и не морили голодом, но слишком вкусного не давали.

— Ох, почему ты это все делал? — спросила сестренка у Коми.

Он уминал пирожки за обе щеки и ответил не сразу.

— Хотел, чтобы все увидели, на что я способен. И перестали постоянно ставить мне в пример Дори!

— Никто не ставил его тебе в пример, — покачала головой сестренка, — а вот ты поступил очень плохо, поверив убежищу Цестинды …

Коми от злости оттолкнул тарелку, и она слетела со стола и разбилась, пирожки покатились по полу.

— И я не знал, что Крепость принадлежала Цестинде, ясно? — закричал он. — Ты меня не

любишь! Никогда не любила!

Коми думал, что сейчас его сестренка, его Мори, убежит прочь, но вместо этого она его крепко-крепко обняла братца.

— Почему ты такой глупый? — спросила она. — Мой глупый-глупый братик. Я же переживала за тебя. Я просила на Совете-На-Заре отыскать тебя, думала, что ты пропал из-за злого колдовства… да так оно и было. Колдовство и твоя обида отняли тебя у меня… у всех нас.

Коми отстранился и во все глаза посмотрел на сестру.

— Правда? Ты хотела отыскать меня? Почему же я слышал совсем другое?

Гремлинша не ответила, только по щекам у нее потекли слезы. А Коми вспомнил трансляцию Совета-На-Заре, где Дори собирались отдать волшебный топор. Ведь и правда: слов Мори он как раз и не слышал. А додумал то, что ему сказала Крепость. Выходит, она ему наврала.

— Прости меня, — попросил Коми.

— Я не обижена, — ответила его сестренка, — но вот на суде тебе придется извиняться. Много раз. Ты сделал слишком много плохого, Коми!

— Увидим, — буркнул он.

День суда, день нового Совета-На-Заре, пришел

быстро. Как и всегда, кресла Тананны и Эргена высились над головами простых жителей Кронии, но теперь полукругом перед ними выстроились все те, кого Коми обманом завлек в мир людей, а для самого виновника по центру поляны оставили свободное место.

Дори тоже был здесь, как бы без него обошлись? Ему первому и дали слово. Памятуя о том, что есть другие свидетели, даже сам Коми, и о том, к чему привела похвальба, Дори честно поведал обо всем, что с ним произошло. Ну, как честно… ведь не считается, что он не рассказал, с каким ужасом убегал от детей и дико боялся, что Коми с ним сделает?

— Обвиняемый не отрицает ни одной части из рассказанного свидетелем? — спросила Тананна у Коми.

— Я ничего не знал, — ответил тот, — если бы мой кузен Дори сразу обратился ко мне и рассказал обо всем, то я бы поступил иначе.

— А правда ли, что вы постоянно использовали маску, скрывающую ваш истинный облик? — вкрадчиво спросила Таннна.

— Ну… да, — согласился Коми, — но разве я мог знать, что Крепость злая? Нет, я не знал. А что мне было делать, если она сама ко мне пришла?

— Обратиться к тем, кто разбирается в колдовстве, — предположила Лунная Правительница.

Прежде чем Коми успел еще что-то сказать, заговорил Эрген:

— Вопрос не в этом. Рассказ Дори верный?

— Да, — вздохнул Коми, — но я все равно ничего не знал.

— Принято во внимание, — ответил Солнечный Правитель, — выслушаем других свидетелей.

Дальше начали выступать те, кто стоял полукругом перед их с Танной креслами. Один за другим они повторяли истории о том, как Коми, всегда скрытый чьим-то чужим ликом, приходил к ним, рассказывал о землях, которые только и ждут их. Рассказывал, как они без труда достигнут невероятных высот. А потом привел их в чужой мир и бросил на произвол судьбы, когда они потребовали выполнить свои обещания.

С каждой новой историей Коми все ниже опускал голову: сейчас он понимал, сколько глупостей натворил просто из-за того, что слушался Крепость, ослепленный завистью к Дори.

Существа на поляне волновались, и Коми видел, как тяжело вздыхает его сестренка.

— Есть ли что сказать обвиняемому? — спросила Тананна, когда выступления свидетелей

завершились. — Честно ли эти дневные и ночные существа вели свои речи?

— Честно, — вздохнул Коми, он потянул себя за уши, а потом тряхнул головой, — я не могу ничего сказать, кроме того, что мне жаль. Всегда и во всем Дори оказывался впереди. Я бы тоже хотел совершать подвиги, но мне такой возможности не дали. Моему же кузену все доставалось просто так…

— Это неправда! — не выдержал уже сам Дори. — Я не хотел этих подвигов! Я ждал, что кто-то предложит выполнить их вместо меня. И мне никогда легко ничего не давалось. Почему ты так решил?

— Потому что ты сын Солнечного Правителя! — прокричал Коми.

— Тихо, — рявкнул Эрген, а заклинание, которое прошептала Тананна, мало того, что разнесло его голос по всей поляне, но сделало его очень грозным, — мы решаем не это. Знаю, на моего сына смотрит вся Крония. Все оценивают каждый его шаг. Любой его поступок будет заметен каждому, а неудачи могут стоить судьбы целого мира. Ему приходится работать больше чем другим, я требую от него этого. Теперь скажи, хорошо ли ему? Легко ли?

Даже Дори удивился пылу своего отца, что уж говорить о Коми? Эрген кашлянул и опустился на сидение, с которого вскочил в пылу яростной отповеди.

— Пожалуй… я виноват, — согласился Коми, — я послушал Крепость, когда стоило бы сообщить о ней. И я натворил много нехорошего.

— Не просто нехорошего, — сурово сказала Тананна, — обвиняемый подверг оба мира опасности. Порталы чудом не разорвали ткань между Кронией и миром людей. Оставалась опасность умерщвления Огромного Дуба. И прошу обвиняемого уточнить, планировал ли он магическую атаку на Кронию.

— Ну было такое дело… — смущенно ответил Коми.

— Я так и думала, — кивнула Лунная Правительница.

— Достаточно ли народу Кронии для того, чтобы принять решение? — спросил Эрген. — Судьба Коми будет решена всеми нами. Каждый может высказаться свободно.

Со всех сторон раздались согласные крики.

Обсуждение длилось долго. Пока опишешь его — не только одна книга закончится, а целый десяток. Волшебные создания, как это всегда бы-

вает во время споров, топали и кричали, хлопали крыльями и доказывали свою точку зрения. Все понимали вину Коми, но понимали и то, что он был обманут Крепостью Цестинды. Нужно проявить милосердие, но гремлин должен ответить за свои поступки.

К тому моменту, когда решение приняли, солнце уже успело подняться довольно высоко.

— Договоренность достигнута, — сказал Эрген, оглаживая бороду.

— Суд принял решение, — добавила Тананна сурово. — Решение о наказании. Первыми от темных колдовских действий пострадали яблоневые сады. Там преступнику и отбывать свой срок.

— Гремлин Коми, — объявил Эрген, — ты приговариваешься на сотню лет пребывания внутри яблонь Кронии.

Сестренка Коми охнула и заслонила рот ладошкой.

— Но в связи с раскаяньем, — сказала Тананна уже мягче, — срок сокращен вполовину. Пятьдесят лет внутри яблонь, каждый год — внутри новой, снаружи будут лишь руки, которыми отбывающий наказание будет прогонять галок.

— Что же, — сказал Коми, — я надеюсь, что все простят меня.

— Через пятьдесят лет — точно простят, — сказал Эрген, — что же касается всех тех, кто пошел за тобой, их тоже ждет наказание…

Свидетели, все еще стоящие перед тронами, удивленно обернулись к Солнечному Правителю: они не думали, что их ждут какие-то последствия.

— Все эти пятьдесят лет они будут в обязательном порядке участвовать в самых неприятных и грязных работах. Может быть, это научит их не верить обещаниям того, что они могут что-то получить просто так. Без труда.

— Суд завершен, — провозгласила Тананна.

На поляне снова поднялся галдеж, но он быстро утих, когда волшебные существа начали покидать это печальное место. Коми успел попрощаться с сестрой до того, как его увели, и попросить передать его извинения остальной семье.

Но никто не забыл, что кроме суда всех ждало значительно более радостное событие. И событием этим была свадьба.

Родители сдержали обещание. Пусть юным гремлинам и не было еще по тысяче лет, но кто бы решился теперь говорить, что они недостаточно взрослые?

Свадьбу назначили через три месяца после суда над Коми, на закате. Такое время выбрали, чтобы все желающие могли посетить это грандиозное событие. Пусть дневные и утомятся к закату, а ночные — только проснутся.

Обе семьи гремлинов, которые скоро должны были породниться, проводили все время вместе. Дори и Лори чувствовали себя так, будто у них по двое мам и пап. А ведь еще бабушки с дедушками не успели приехать! И кузены с кузинами, да и прочие родичи! Гремлинские семьи всегда большие и дружные.

— А может, гостей будет мало? — предположил Дори, когда отец сообщил ему о выбранном времени. — Никто не захочет так рано вставать или поздно ложиться…

Эрген только рассмеялся.

— Ты герой, сынок, — сказал он, — не стоит быть таким скромным.

Тут уже не промолчала Лори.

— Стоит! — заявила она. — Скромность гремлина украшает!

Мама Дори в ответ на это улыбнулась, а родители Лори развели руками, будто бы говоря: понятия не имеем, в кого она такая.

К свадьбе готовились все. Сестрички невесты

никак не могли договориться, какие ленты выберут на свадьбу. Кузены, кузины и тети с дядями ссорились, составляя меню для пира. Эльфы с феями и орки с гномами по очереди днем и ночью возводили помост для празднования и дом для новобрачных. Им помогали все те, кто считал себя обязанным Дори. Даже кикиморы и ленивые орки по собственной воле помогали на строительстве. Они вообще взялись за ум и стали очень работящими. Многие в Кронии сомневались, что лентяев надолго хватит, но пока те держались. Мир людей преподал им неплохой урок.

В общем, когда подошло время свадьбы, дом для Лори и Дори уже почти закончили. Он стоял близ ручья, который катил свои звонкие воды мимо уже разбитого сада, в котором дриады посадили яблони и вишни. Дом состоял из двух этажей, и в нем имелось множество просторных комнат, а в погреб можно было заселить парочку троллей и орков, да еще бы место осталось.

— Куда нам такой домина?! — воскликнул Дори, когда ему показывали дом.

— Не только нам, — ответила Лори, — а еще нашим детям. И внукам, которые тоже обязательно появятся!

Она деловито заглянула на кухню, затем в го-

стиную, пробежалась до чердака и вернулась обратно.

— Мне нравится! — сказала возлюбленная Дори.

— Ага, — согласился тот, — мне тоже. Раз тебе нравится.

Что бы там ни думал Дори о количестве гостей, но на закате в день его свадьбы волшебных существ собралось едва ли не больше, чем на Совете-На-Заре. Все хотели увидеть счастливый день в жизни великого героя, да и не только самим посмотреть, но и детишкам показать.

Не будь здесь Лори, Дори, наверное, перепугался бы до смерти, но присутствие его Настоящей Любви успокаивало. Пока у него есть Лори — ничто не страшно.

Церемонию вели Лунная Правительница и Солнечный Правитель. Когда с последними лучами солнца Эрген и Тананна хором сказали: «Объявляем Дори и Лори мужем и женой…», конец фразы потонул в шквале аплодисментов.